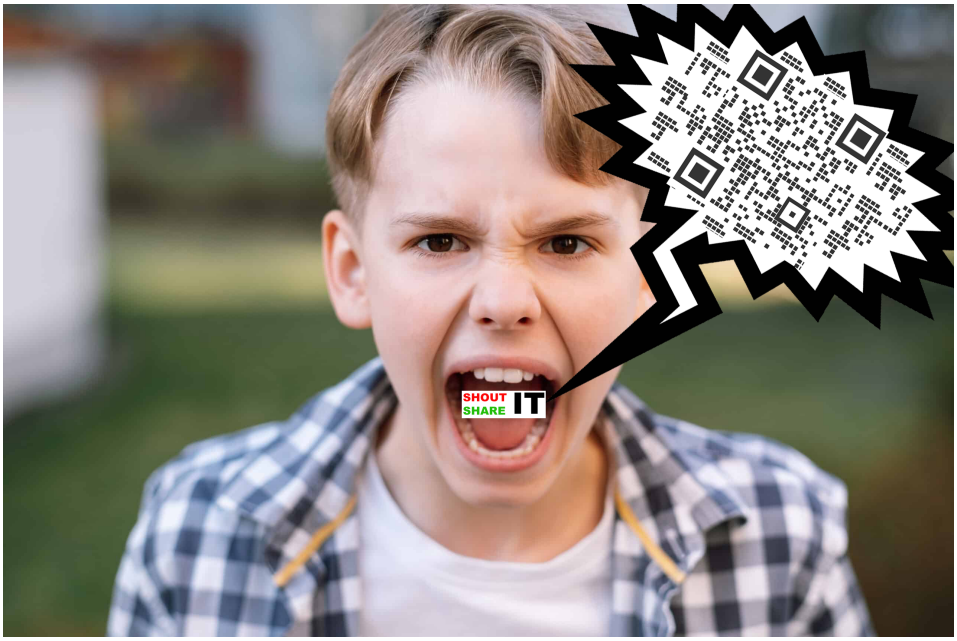
УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

1'88


SHOUT
SHARE IT

Annotation

Из интервью автора: «…буквально год назад — и именно в «Уральском следопыте» — опубликована моя повесть «Чакра Кентавра». (Редакция предложила для нее параллельное — более, на ее взгляд, поэтичное — название: «Звездочка-Во-Лбу»; возражать против него в журнальной публикации я не стала — не было оснований)…Многие читатели журнала спрашивают об этом: каким образом она появилась на свет, не характерная для советской фантастики, да и для меня тоже?

…Писала ее под впечатлением самодеятельных переводов Роджера Желязни и других хороших «космических опер», по принципу: а я что, не могу? Как когда-то с «Леопардом с вершины Килиманджаро» — не считала, что повесть будет напечатана. Писала легко, с таким авторским заданием — вогнать в нее все аксессуары «космической оперы»: герой-супермен, его двойник, верный друг, прекрасная принцесса (из духа противоречия сделала все-таки ее брюнеткой: обычно она непременно белокурая), консерватор-король, мерзавцы-принцы, несчастная любовь в начале, все виды оружия — от первобытных мечей до сверхсовременных десинторов, а также драконы, кентавры, призраки и магические карты… По мере написания использованное отмечала «птичкой», остальное появлялось само собой.

…«Чакра» писалась почти пародийно, но потом, оценивая уже написанное, я вспомнила, что в течение двадцати лет мечтала написать увлекательную авантюрную повесть. Однажды даже попыталась это сделать, но получилась «Вахта «Арамиса» — вещь, которую я считаю одной из самых неудачных… Кроме того, тоже буквально со школьной скамьи, жила во мне какая-то неудовлетворенная любовь к псевдорыцарскому роману. И пожалуй, «Чакра Кентавра» — в большей степени все-таки рыцарский роман, чем «космическая опера». А в рыцарских романах, что характерно, очень часто погибают положительные герои — во имя чести, доблести, любви, верности.

…Иллюстрации в «Уральском следопыте» — лучшие из тех, что у меня были в жизни. Будучи в Венгрии на конгрессе писателей-фантастов, всякий раз, когда заходила речь о переводах «Чакры», просила сохранить иллюстрации Литвинова».

(Ольга Ларионова: «В обществе — ностальгия по герою…», 1989.)

- Звёздочка-Во-Лбу

-
- Третий в игре — Рок
- Не все, что светлое, — свет, не все, что темное, — тьма
- Берегись, Алхимик!
- Союз по завещанию
- Пристань звездных разлук
- Серьга Кентавра
- Фа ноэ?
- Храм и пропасть
- Миры для крэгов
- Звездочка-Во-Лбу
- А с другой стороны…
- Сэниа-Юрг
- Замок и подземелье
- Дворец и подземелье
- Пока под защитой
- Когда мосты сожжены
- Альтернатива
- Башня смерти
- Тайна крэгов

Звёздочка-Во-Лбу
(Чакра Кентавра)
Ольга ЛАРИОНОВА

Рисунок титульного разворота выполнен Евгенией Стрелковой

АЭЛИТА * 88

ФАНТАСТИКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

Рисунок титульного разворота выполнен Евгенией Стерлиговой

Звёздочка-Во-Лбу

(Чакра Кентавра)

Космическая опера

Ольга
ЛАРИОНОВА

Рисунки
Дмитрия Литвинова

Космическая опера

Рисунки Дмитрия Литвинова

Третий в игре — Рок

Голос возник в анфиладе вечерних покоев. Он еще не звучал, но уже присутствовал здесь — незваный и неминуемый. Призрачные вьюнки, что свисали со стрельчатых прохладных арок филигранных комнаток, следующих друг за другом, как составленные в ряд шкатулки, тоже уловили присутствие постороннего и теперь едва уловимыми движениями свертывали свои паутинные стебельки в упругие спиральки. Вьюнки, чеканные накладки стен и потолков… Все оставалось так, как было при жизни хозяйки этих покоев, любившей проводить здесь предзакатные часы нелегких раздумий.

Теперь он, эрл Асмур, ее сын, владетельный ленник короля Джаспера, был полновластным и единоличным хозяином всего необозримого в своей протяженности замка, и только сервы, шелестя, пугливо исчезали при его приближении; кроме него и всей этой безликой подобострастной армии ни единой тени не возникало в древних прадедовских стенах.

Впрочем, одна появлялась, но он гнал от себя это воспоминание, ибо в настоящем этому уже не было места…

— Мой слух принадлежит тебе, вошедший без зова! — проговорил он нарочито торжественно, догадываясь, кому будет принадлежать этот голос, и стараясь поскорее начать разговор, раз уж он неизбежен, чтобы быстрее его закончить.

— Эрл Асмур… — слишком высокий юношеский голос зазвучал и сорвался. Голос, чересчур звонкий для комнаты-шкатулки. — Высокородный эрл, мы собрались у наших кораблей, и нас девять, и у каждого из нас на перчатке тот, кто ждет выполнения Уговора.

Юноша говорил учтиво, и главное — он имел право говорить. Потому что десятым кораблем должен стать корабль Асмура. Ему — вести армаду, им — подчиняться. Тот, кто говорил сейчас с ним, был самым юным, хотя на все время похода эти девять становились абсолютно равными друг другу. Но право говорить с командором по многовековой традиции предоставлялось младшему.

Традиции, обычаи, клятвы… Скоро на Джаспере их станет больше, чем самих обитателей. Асмур откинулся на спинку узенького материнского кресла, слишком хрупкого для могучего тела. Кресло жалобно подало голос. Лицо владетельного эрла приобрело то напряженно-спокойное выражение, которое соответствовало мучительной сосредоточенности его души, обуреваемой исключительно горестными заботами — от мелких

житейских неурядиц до скорбных и безнадежных дум о судьбах всего Джаспера.

— Назови себя! — велел он ровным и спокойным тоном, в который против воли проникла излишняя суровость.

Разумеется, он мог пригласить юношу сюда, это дозволялось ритуалом выполнения Уговора и в последние годы стало даже чем-то вроде традиции хорошего тона, но Асмур, последний из рода Муров, мог позволить себе не нарушать своего одиночества в этот последний вечер на Джаспере.

Завтра они будут вместе, и это надолго.

Этот вечер он проведет так, как ему угодно.

Недаром мона Сэниа, опуская ресницы, печально говорила ему: «У тебя душа крэга…»

— Благородный эрл, я седьмой сын владетельного тана Эля, и мое имя — Гаррэль.

Странно, в голосе седьмого сына могло бы звучать и поболее гордости, если даже не спеси: говорил-то он с тем, кто был последним в роду. Тем не менее в его интонациях проскальзывало нечто, напоминавшее приниженность и уязвленность, ставшие привычкой. Отчего бы?

А может, у него…

Асмур резко оборвал течение собственных мыслей. Веянье новых традиций чуть ли не обязывало его предложить Гаррэлю явиться лично в замок, Муров, и тогда сразу стало бы ясно, что там неладно у младшего отпрыска многодетного рода Элей. Он этой традиции не последовал — значит, нечего и гадать. Завтра все само собой прояснится. Завтра.

— Завтра, — проговорил он надменно, привыкая к тону командора, — мы отправимся в путь в то время, которое укажет нам предначертание. Обратимся же к нему, не мешкая, чтобы те, кто хочет что-либо завещать ближним своим, могли сделать это заблаговременно.

Голос Асмура был ровен и властен — да, ему самому не суждено оставлять завещание, он одинок, как крэг, и вряд ли Гаррэль и те, кто окружает его на пустынной стоянке звездных кораблей, не знают этого. Он — последний в роду, и все-таки каждый из его дружины горд и счастлив тем, что их поведет сам владетельный Асмур.

Он резко поднялся, оттолкнувшись от подлокотников резного кресла, и от этого движения тусклые серебряные когти еще крепче стиснули его запястья — крэг давно привык к стремительности движений своего хозяина. Наклоняясь под каждой аркой, чтобы свисавшими с потолка вьюнками не потревожить остроклювую голову, лежащую на его белых волосах,

точно пепельный капюшон, он прошел всю анфиладу, залитую закатным светом, и остановился перед табернаклем из черной кости, внутри которого парила ониксовая фигурка дикого крэга. Он приблизил к фигурке правую ладонь, и тут же в основании табернакля с мелодичным звоном выдвинулся неприметный до той поры ящичек.

Асмур подвигал кистью руки, ослабляя жесткую хватку когтей, и вынул из ящичка колоду карт. Ему показалось, что при этом его крэг начал часто-часто дышать, — что за чушь, сказал он себе. Крэги вообще не дышат.

Он долго тасовал карты, хотя ему было глубоко безразлично, как пойдет игра. Наконец решился и перевернул колоду нижней картой вверх.

Темно-лиловый контур ползучего грифона смотрел на него.

Темно-лиловый.

— Козыри — ночные, — проговорил он совершенно естественным тоном.

Голос Гаррэля, неслышимо сопровождавший его через все покои сюда, к табернаклю, ничем себя не выдал — ни вздоха, ни возгласа. А ведь ночные козыри не только предписывают час вылета — они еще и предсказывают, что кто-то из них не вернется из этого похода.

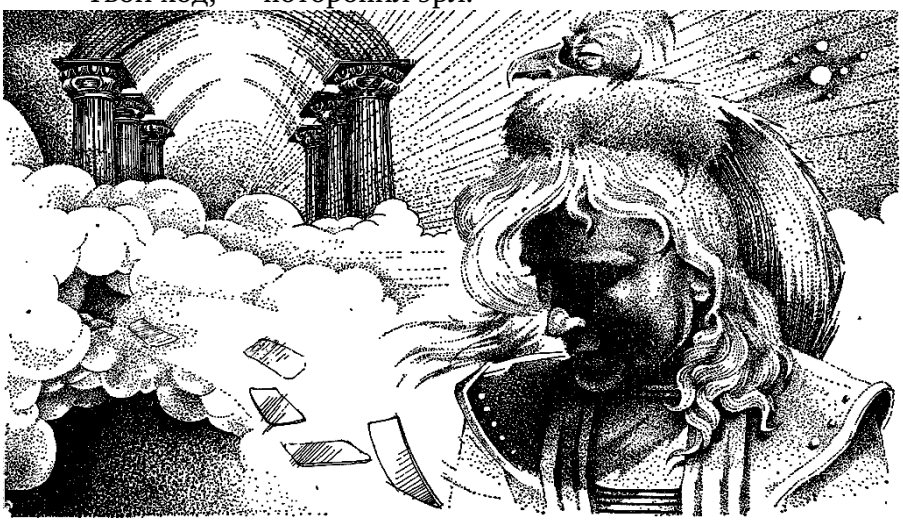
— Держи! — велел Асмур, швыряя карту в ничто, которое он определил на уровне окна.

Белый глянцевитый прямоугольник, испещренный почти черным крапом, долетел до рамы и исчез, словно растаял — Гаррэль протянул руку в ничто и принял переданное. Следующую карту Асмур положил перед собой. Он приблизил границу исчезновения к себе и очередную карту швырнул без предупреждения — она пропала, едва отделившись от его руки.

Вернется? Нет. Молодец мальчишка, перехватывает по едва уловимому шелесту и не промахивается. А ведь это самый младший из его звездной дружины. Асмур сдал всю колоду, и началась игра. Он не следил за тем, какие карты выпадали ему, и теперь, разом раскрыв многолепестковый веер, почти с изумлением обнаружил у себя на руках чуть ли не всю темно-лиловую масть.

Забавно, в кои веки ему повезло, и надо же — именно в той игре, где не бывает выигравшего. Потому что играют они не вдвоем с Гаррэлем, а втроем, и третий партнер — это судьба. И чем бы ни закончился кон, выигрывает только она.

— Твой ход, — поторопил эрл.



В сгущавшемся полумраке блеснула летящая карта — она опустилась точно на черепаховый столик, едва-едва возвышавшийся над полом перед табернаклем. Карта была не сильной — Прялка Судьбы, да и масть была оранжевой, дневной, прямо противоположной ночным козырям.

— Колесо Златопрялки? Хм… Бью Собачьей Колесницей.

Так. Оба созвездья вышли из игры, и хорошо — они лежали слишком близко к галактическому ядру, там просто нечего было делать. Кто же выберет себе приют в таком жарком месте?

— Болотный Серв и Кометный Гад! — он подбросил две голубые вечерние карты, но они не исчезли, а, наоборот, удвоились — Гаррэль скинул, и даже не в масть. Владетельный эрл недоверчиво приподнял бровь — все выходило слишком уж гладко, как по писаному: из игры изымались либо чересчур опасные, либо совсем убогие, заштатные созвездья, на которые постыдился бы лететь и безродный с пестрым крэгом.

Судьба прикидывалась простушкой, и ее надо было испытать.

Теперь за ним было два хода подряд, и он выкинул одну за

другой самые грозные, роковые карты с символами чудовищно неуравновешенных звезд и рушащихся созвездий. К его удивлению, Гаррэль наскреб маленьких козырей, и страшные карты тоже вышли из игры.

Судьба строила из себя дурочку. Такое обычно плохо кончалось.

Настал черед юноши, и совершенно неожиданно он выбросил сразу целую семерку — знаменитый Материнский Сад, И как это Асмур не сообразил, что у него самого на руках ни одного созвездья, входящего в знаменитую плеяду?

И вдруг его охватил высокомерный гнев. Он совершенно забыл об этой семерке, мечте звездоплавателей, но они-то там, у своих кораблей, все видели с самого начала и ликовали, предвкушая блистательный финал игры с таким сокровищем, выпавшим самому юному из них! Да, Материнский Сад практически непобедим, ему придется скидывать что попало, и семерка останется в игре с самого верха — таковы уж древние правила.

Остается только изумляться тому, что при своей практической непобедимости Материнский Сад, который, вероятно, уже не один раз собирался в чьих-то счастливых руках — да должен был собираться согласно законам вероятности! — эта беспроигрышная семерка на деле не выиграла ни разу. Ведь если бы это случилось, то по тем же правилам победившая карта должна была навеки исчезнуть из магической колоды, ее автоматически заменяли другим созвездием.

Семерка превратилась бы в шестерку, затем — в пятерку… Но этого не происходило. Старинные легенды говорили о счастливчиках, которые находились на волосок от удачи, и все-таки за полтора десятка веков ни одна карта Материнского Сада не досталась никому в награду. Чудеса? Не иначе.

Впрочем, стоило ли удивляться странной неприкосновенности волшебной семерки карт, когда в магической игре с судьбой существовало и без того достаточно чудес? Вот, например, исчезновение выигравшей карты — каким образом они пропадают сразу во всех колодах Джаспера? И как, каким чудом заменяются на символ совсем другого созвездия, снова одинакового во всех колодах? На этот вопрос никто ответить не мог. Так предписывал Древний Закон, родившийся одновременно с Уговором.

Впрочем, тайны магической колоды волновали только мальчишек вроде Гаррэля. Закаленные мужи, каким был Асмур из рода Муров, не снисходят до копания, в происхождении сил, движущих судьбой. К силе магического закона присовокупить

собственную мощь и разум — вот в чем доблесть и честь.

А не в сомнении.

Семь карт нежнейшей утренней масти, перламутрово мерцая, лежали перед ним. Почему же до сих пор никто из славных командоров не позволил выиграть ни одной из них?

Да потому, что это — тихие, благополучные созвездья, и ни одно из них не потребует доблести и не принесет славы!

Командор произвел секундный смотр грозному строю темно-лилового козырного войска и безжалостно изничтожил каждую из пленительных утренних картинок. И то, что осталось у него на руках, было по странной случайности также одним семейством, и он мог предъявить эти карты всей пятеркой, что он и сделал незамедлительно:

— Безухая Русалка, Могильный Гриф, Трижды Распятый, Тлеющая Мумия… И Костлявый Кентавр!

Почему он расположил карты именно в такой последовательности? Объяснить это он бы не смог.

Ему не нужно было переноситься туда, к застывшим в предстартовой готовности кораблям — он и так до мельчайших подробностей представлял себе девятку юношей, сидящих тесным кружком на остывающем бетоне звездной пристани. Последние лучи заходящего солнца золотят брошенные его рукой зловещие карты. И верхний из этих прямоугольников с траурными символами созвездий — карта, именуемая Костлявый Кентавр.

Он, эрл Асмур, не хотел этого.

Судьба.

— Гаррэль, седьмой сын Эля! — проговорил Асмур, как того требовал древний ритуал. — Возвести остальным, что согласно предначертанию нам выпала ночь, и на ее исходе мы отправляемся в путь… Цель — перед тобою.

Предначертание не оставило им ни дня, ни утра.

— Слушаю, могучий эрл! — прозвучал в ответ юношеский голос.

И исчез.

Асмур снова был один в своем древнем исполинском замке.

Не все, что светлое, — свет, не все, что темное, — тьма

Он стоял перед черной нишей, в которой уже едва угадывались контуры крылатого существа. Вечер был на исходе — собственно, он уже и не в счет. Значит, остается всего одна ночь, да и то не полная. И мона Сэниа, с которой он не успеет проститься. Судьба.

Он опоясался мечом, взвесил на ладони литую тяжесть полевого десинтора. На сегодняшнем пути это ему вряд ли понадобится… Он накинул бархатный плащ, опустив его сзади до половины спины — закаленный боевой крэг нежностей не терпел. Когда Асмур застегнул на плече драгоценный аграф, крэг поочередно разжал когти, вытянул крылья из-под мягких складок материи и снова старательно уложил их, прикрыв руки и плечи хозяина и ощутимо замкнув серебряные когти на его запястьях. Пепельные тугие перья были почти неотличимы от темно-серого бархата плаща и камзола, и зоркая легкая голова с серебристым султаном укрывала белые до неправдоподобия волосы эрла, точно живой капюшон.

Крэг нервно подрагивал, укладывая еще плотнее перо к перу, — предчувствовал ночную дорогу. Разговор Асмура с Гаррэлем он слышал, но вот угадывал ли мысли человека?

Почти три десятка лет провели они вместе — Асмур и его крэг, но ответа на этот вопрос мудрый эрл так и не знал. Он спустился по витой лесенке, выточенной из целого ствола душистого дерева. Семейная легенда гласила, что основание ее прикрывает вход в Заклятое подземелье, тянущееся под всем континентом. Проверить это было невозможно — несколько веков назад прапрапрадед Асмура посадил на этом месте дерево, а когда через пару веков ствол достиг требуемой толщины, искусные сервы обрубили ветви, выточили резные ступеньки и перильца, укрепили их титановыми накладками и подпорками.

А потом вокруг лесенки возвели еще одну замковую башню. И не потому ли, что в неистлевших еще корнях цепко хранилась древняя тайна, эту лесенку, ведущую в вечерние покои, так любила его мать?

Он в последний раз коснулся душистых перилец и шагнул в малую переднюю, дверь из которой вела на конюшенный двор. Пара сервов-чистильщиков, возившаяся с его сапогами (из которых правый всегда был почищен добросовестнее, чем левый, хотя сервы были совершенно одинаковы), приветствовала хозяина

неяркой вспышкой голубого нагрудного фонаря — было известно, что эрл Асмур, сам предельно молчаливый, шума и возгласов не любил. Но вот третий серв, совершенно определенно валявший дурака в неположенном ему месте, попытался незаметно ускользнуть за порог, никоим образом не поприветствовав хозяина. Скверно, десинтор остался в гадальной, придется за ним возвращаться, а это дурная примета.

Мысль эта была бесстрастна и не окрашена ни гневом, ни даже раздражением. Он легко взбежал обратно, нашел оружие и, отпихнув услужливых близнецов, бросившихся к нему с сапогами, тяжелым ударом ноги распахнул дверь. Третий серв улепетывал, перекатываясь на кривых ножках, и, если бы не косой свет первой луны, которая уже успела взойти, Асмур наверняка упустил бы беглеца. Но длинная тень мела двор, выдавая бегущего, и шипящий всхлип десинторного разряда отразился от зубчатых щербатых стен.

Серв вспыхнул, как пустая канистра, и размазался маслянистым пятном по известковым плитам. Крэг брезгливо поежился, и Асмуру передалось это движение,

— Все правильно, дружище, — негромко проговорил он. — Когда надолго оставляешь дом, в нем все должно быть в порядке.

Теперь — дорога. Разумеется, он мог бы перенестись к цели своего вечернего путешествия так же естественно и мгновенно, как на исходе ночи они вдесятером отправятся к зловещим звездам Костлявого Кентавра. Но он желал проститься с Джаспером, прекрасным и пустеющим Джаспером, который не променял бы и на все семь сказочных созвездий Материнского Сада, и прощанье его состояло в том, чтобы омыть лицо серебристым лунным воздухом и наполнить каждую клеточку тела памятью запахов и отзвуков, переливов света и тяжести.

И когда кто-то из тех, кто последует за ним, утратит хотя бы крупицу собственной памяти — долг его, командора Асмура, поделиться с ним, ибо клад воспоминаний — единственное из сокровищ, которое нельзя утратить, отдавая ближнему.

Он подтянул отвороты походных сапог, сдернул с единорожьей головы, прибитой над входом, плетенную из змеиных жил нагайку и послал в сгущавшуюся темноту гортанный, никаким сочетанием букв не передаваемый звук — родовой клич Муров. И тотчас в ответ раздалось высокое, злобное ржанье — видно, конь уже отчаялся, угадывая дальние сборы своего господина и страшась, что его с собой не возьмут.

— Ко мне! — крикнул Асмур, чтобы доставить ему удовольствие услышать хозяйский приказ, но конь уже вылетел из конюшни, расправляя крылья и играя блеском вороной чешуи.

Бесконечно длинным, грациозным прыжком преодолел он расстояние от конюшенной башни до порога замка и опустился перед своим господином, подогнув передние ноги и одновременно складывая боевую чешую, которая не позволила бы никому постороннему не то чтобы сесть, а даже приблизиться к нему. Краем глаза Асмур отметил, что при этом движении конь приноровился-таки задеть отточенными, как бритва, костяными пластинами левое крыло крэга. Показалось, или они действительно не ладили? Во всяком случае, если и показалось, то не в первый раз.

Крэг флегматично поднял крыло, расчесал когтем султан над теменным глазом и так же спокойно, игнорируя агрессивный выпад со стороны коня, скользнул атласным опереньем по рукаву камзола, защелкнул когти на хозяйском запястье.

— Ты мне побалуй — оставлю в самом тесном закуте, — пообещал Асмур, и конь испуганно захлопал глазными заслонками. Окрик был риторическим — в любом случае пришлось бы взять коня с собой, а последний просто не смел, не мог, да что там говорить — генетически был не способен не повиноваться хозяину, так как вел свою родословную от рыцарских коней рода Муров. Вероятно, надо было попросту приказать ему воспылать к крэгу безмерным дружелюбием.

Но почему-то Асмур, не в первый раз озадаченный взаимоотношениями между конем и крэгом, такого приказа не отдал. Нахмурившись, он наклонился и стянул узлами пряди стремянной шерсти, выбивающейся из-под крупных пластин чешуи. Вдел сапог в волосяную петлю, одним толчком очутился в седельном гнезде. Все это мерно и неторопливо, как подобает

владетельному эрлу, пусть даже и не исключено было, что садился на коня этот эрл в последний раз.

Козыри — ночь!

Конь, игриво изгибая шею, расправлял крылья, подставляя их голубому лунному свету. Делал это он, несомненно, в пику крэгу, который по сравнению с конем казался куцым птенцом.

— Но-но, — примирительно сказал Асмур, похлопывая коня жесткой перчаткой и одновременно проводя подбородком по тугим перьям, укрывавшим наплечники камзола. — Поедем шагом.

Это относилось к обоим, но Асмур поймал себя на том, что он вроде бы извиняется перед крэгом за недружелюбие коня. Да, неплохо бы перед походом до конца выяснить их взаимоотношения, да жаль — эта мысль несколько запоздала. Оба они ему преданы, но, видят древние боги, до чего же по-разному!

Конь предан, потому что он — конь, и это у него в крови.

Крэг предан, потому что он верен Уговору, то есть самому себе.

Или всем крэгам?

Асмур тронул коня коленями, тот гордо пересек двор, миновал величественный донжон, и копыта его мерно зацокали по ночной дороге, брызжа ледяными искрами. Замок с игольчатыми шпилями, кружевными виадуками дамских мостков, по которым некому уже было гулять, с шатрами конюшен и опалово-лунными бассейнами сиренников, с глухими коробками брошенных казарм и призрачными решетками чутких до одушевленности радаров медленно отступал назад, в темноту, в прошлое и, возможно, в небытие.

Козыри — ночь!

Солнце, послав в вышину традиционный зеленый луч, уступило турмалиновую чашу небосвода веренице лун, и они окрашивали узкие поля кормового бесцветника, окаймляющие дорогу, в печальные опаловые полутона. За лугами следовали однообразные коробчатые корпуса нефтеперегонного комбината — фамильный лен Муров, еще в глубокой древности, до Уговора, пожалованный королем Джаспера старейшему из их рода. С тех пор из поколенья в поколенье все Муры становились химиками по образованию, оставаясь в душе и по призванию воинами, и очередной король подтверждал ленное право Муров, хотя с каждым веком это славное семейство становилось все малочисленнее.

Когда умер отец Асмура, у его вдовы остался один малолетний сын, и никто не предложил ей ни руки, ни поддержки. Восемнадцать лет правила Тарита-Мур замком,

заводами и сервами, все это время находясь вдвоем с сыном безвыездно в громадных, чуть ли не самых больших на Джаспере, ленных землях. Едва сын достиг совершеннолетия, прослушав весь универсум, положенный будущим химикам, и сразившись на турнире в честь десятилетия ненаследной принцессы Сэниа, как мать с облегчением передала ему все управление, теша себя мечтой о возрождении семейного счастья… Но надежда на женитьбу сына и появление внуков, которым хотела посвятить себя владетельная Тарита-Мур, не оправдалась. Что произошло там, на турнире, когда ее сын одного за другим сразил мечом, десинтором и голыми руками трех невиданных по мощи боевых сервов? Упоенная доблестью сына, она смотрела на него и только на него…

А смотреть-то нужно было на принцессу.

Она допросила всех сервов, сопровождавших ее на турнир, допросила с пристрастием, посекундно воспроизводя зрительную и эмоциональную память каждого из них. Нет, ничего не произошло между ее сыном и своенравной принцессой, да и что могло произойти в тот день, когда девочке минуло десять лет?

Но с тех пор он не поднял глаз ни на одну красавицу Джаспера, и когда мона Сэниа достигла совершеннолетия, Тарита-Мур нисколько не удивилась, узнав, что ее сын тайно попросил у короля руки его дочери.

И еще меньше удивилась она, когда Асмур получил отказ.

Слишком обширны были ленные владения Муров; случись что с Асмуром — управление всеми заводами легло бы на принцев, которые и без того, как подобало королевской семье, осуществляли координацию экономики всего Джаспера; да и самой моне Сэниа пришлось бы взяться за ум и за химию, а о ней поговаривали, что Ее Своенравию ничего не было мило, кроме столь несвойственных нежному полу военных утех да бессмысленных многодневных скачек от владения к владению, где на тысячи миль не встретишь человека, а лишь поля, да чистые родники, да реденькие заводы, да суетящиеся сервы, собирающие на безветренных осенних склонах лиловый вереск… Странный нрав был у принцессы, ничего не скажешь, и слава древним богам, что была она младшей, а не наследной.

Знал ли чернокудрый бесенок о сватовстве Асмура? Тарита-Мур была слишком горда, чтобы спрашивать о подробностях, когда отказано в главном. Да и у кого спросить — у сына? Она щадила его самолюбие. У сервов? Они однажды уже доказали свою беспомощность. Было, конечно, одно место, где знали всё и обо всех и где она, как любой житель Джаспера, должна была время от времени появляться: королевский дворец.

Действительно, в определенные традицией дни вся родовая знать собиралась здесь, в городе-дворце, — несколько десятков тысяч людей. Это было все совершеннолетнее население Джаспера, ибо кроме, знати никто и не выжил тогда, в страшную эпоху Нисхождения Ночи. Теперь они собирались, чтобы вершить судьбы своей планеты, и вершили, кто как мог. Одни — в Большом Диване, подле координационного экономического совета, состоящего из короля и принцев, или поблизости, в бесчисленных галереях, раздумных бассейнах и потаенных кабинетах для различных консультативных комиссий; то, о чем говорилось в этом ядре джасперианской галактики, как правило, оставалось для непосвященных тайной.

Далее, за кабинетами мудрецов, блистали залы эстетов, где мерцала музыка, творились древние молитвенные ритуалы или еретические камлания — по моде и по заказу; там не решали судеб, там скептически комментировали решения.

Еще далее искрилось бальное веселье. Здесь не выносились решения и не изощрялись в скептицизме, здесь пренебрегали и тем, и другим; это был живой пояс, охвативший старческое ядро, — здесь просто упивались жизнью… Как у кого получалось.

А за шумными чертогами балов начинались королевские сады, где стыдливая зелень тянулась ввысь, заслоняя тех, кто искал уединения, и нередко можно было увидеть двух крэгов, грудь к груди взмывающих в вечернее небо, крыло к крылу, клюв к клюву — много ли надо крэгам, которые сами не ищут себе пару?

Но не только любовь властвовала в вечерних садах: те, кому она была недоступна или не нужна, наполняли лабиринты аллей и гнезда беседок свежайшими сплетнями. Естественно, все венчали сплетни о королевском доме, но, судя по их монотонности, принцесса Сэниа ни в чем не изменила своих привычек. Независимо от того, знала она или не знала о сватовстве Асмура.

Так собирались они не чаще шести раз в год — владетельная элита Джаспера, все его человеческое население. Шелестели бархатные наряды, изящно приподнимали свои клювы крэги, усыпанные флюоресцирующей пудрой, и, расходясь к полуночи, гости гадали, о чем же шла речь сегодня в святая святых — Большом Диване. И никто, даже высокомудрая Тарита, не мог бы предположить, что и там занимались самым обычным делом — сплетничали о принцессе Сэниа.

Впрочем, ни у кого ни в Диване, ни в вечерних аллеях не было повода толковать о чем-либо, кроме неумеренных скачек и кровопролитных упражнений с рапирой.

Это Асмура устраивало — он был сейчас спокоен: никто не станет судачить о том, что он отправился в путь, так и не простившись с моной Сэниа.

Берегись, Алхимик!

Четвертая луна поднялась над горизонтом, когда плантации бесцветника, раскинувшиеся влево и вправо насколько видел глаз, вдруг оборвались, уступая место естественному лугу. Шелестящие купы деревьев заставляли коня настороженно вздергивать голову и косить мерцающим глазом на хозяина. Но тот молчал, бросив поводья и скрестив прикрытые перьями руки. Дремал и крэг, или так только казалось коню — ведь крэги никогда не дремлют. Близкая зарница сполоснула небо химерическим бликом, и тогда над дорогой нависло полукружье величественной арки.

Конь задержал шаг, ударил копытом в металлическую подворотную плиту — раздался удар гонга, отозвавшийся эхом серебряного перезвона там, за аркой.

— Тебе что, впервой?… — сурово проговорил Асмур, ножнами меча проводя по выпуклой чешуе. — Трогай, уже полночь…

Конь всхрапнул, подбадривая самого себя, и вступил под свод кладбищенской арки.

Узкая аллея, прямая, как лунный луч, пролегала меж двумя рядами безыскусных стел и пирамид. Это были древние захоронения, и люди, покоящиеся тут, далеко не все носили славное имя Муров. Вот силуэты памятников потянулись вверх, их венчали шары, короны, звезды; раскидистые, как деревья, они указывали на захоронение целого рода — пышное, горделивое…

И вдруг все оборвалось.

Несколько десятков убогих могил — на них не стояло даже имен, потому что в одну яму, случалось, сваливали несколько безвестных тел. Страшная пора Нисхождения Ночи, когда тысячи трупов тлели непогребенными… Даже камень лежал не на каждом холмике. Иногда это были просто безымянные насыпи, но они чтились в семье, потому что, согласно преданьям, здесь и тогда начали хоронить одних только Муров. Остальные, не блещущие мудростью и не принадлежащие к элите планеты, были обречены и остались лежать в полях, где кости их быстро истлели, или на заводских дворах, откуда бездумные сервы стаскивали их в печи для мусора.

Асмур горько вздохнул, хотя вряд ли смог бы точно определить причину этой горечи: нелюдимый и одинокий, он не мог всерьез сожалеть о тех временах, когда на Джаспере, тогда еще — веселом Джаспере, людей было так много, что они, даже не собираясь вместе по специальному королевскому приказу,

могли видеть друг друга и говорить друг с другом.

Крэг издал тоже что-то подобное вздоху, и Асмур подумал: способны ли они вообще чувствовать? Убогие земляные холмы уступили место башенным надгробьям, и, может быть, глядя на эти причудливые островерхие теремки, Асмур-крэг впервые реально представил себе, как и он когда-нибудь влетит в такой вот одинокий домик-усыпальницу, чтобы ждать выполнения Уговора? Асмур многое дал бы сейчас за то, чтобы посмотреть своему крэгу в глаза и прочитать там ответ — боится тот смертного часа своего хозяина или ждет его?

Но своему крэгу в глаза не взглянешь, а зеркал эти загадочные существа не терпят.

Дорожка стала шире, и все вставшие к полуночи луны поочередно заглядывали в сквозные окна пустых надгробных теремов. Наконец конь переступил через белую пену мелколинейника, выплеснувшегося на плиты дороги, фыркнул и, не ожидая приказа, остановился. Это было последнее надгробье справа от кладбищенской дороги Муров, и стрельчатая часовенка над ним не была пуста, как остальные.

Эрл Асмур, словно очнувшись, достал из седельной сумы кожаную рукавицу и натянул ее на левую руку, осторожно сдвинув чуть повыше цепкие когти собственного крэга. Не сходя с седла, склонил голову и торжественно произнес:

— Тарита-крэг, я, эрл Асмур, последний из рода Муров, пришел, чтобы выполнить Уговор!

И тотчас же зашелестел водопад ломких перьев, и палево-белый крэг выскользнул из надгробной часовни. Он сделал полный круг над пустынным кладбищем, словно прощаясь с этими местами, и опустился на левую руку эрла, обтянутую перчаткой.

Асмур знал, что там, возле кораблей на звездной пристани, девять родительских крэгов сидят на руках у юношей, объединившихся, чтобы выполнить Уговор. Девять крылатых существ терпеливо ждут своего часа; Тарита-крэг — десятый и последний. Они были верны своим хозяевам всю жизнь, подчас долгую и нелегкую, верны той немыслимой верностью крэгов, которая сама по себе — загадка; и вот настало время сыновьям расплатиться за отцов и матерей. А плату крэги признают только одну: полное, немыслимое одиночество.

Один на целой планете…

То, зачем Асмур приехал сюда, было выполнено, и он повернул коня, объезжая материнское надгробье. И вдруг до его слуха донесся топот. Кто-то мчался во весь опор и был уже совсем близко — гром копыт не прилетел издалека, а возник прямо тут,

на кладбище, возле земляных безымянных холмов.

Значит, тот, кто догонял Асмура, прекрасно знал, где его искать. Эрл приподнял брови, удивляясь легкости и нервному ритму приближающегося топота, и одновременно опустил правую руку на рукоять меча. Серв не скакал бы на коне, а законы Джаспера запрещают поднимать десинтор на человека. И все-таки…

Он осторожно пересадил Тарита-крэга с левой руки на круп коня. Нет на Джаспере человека, который посягнул бы на неприкосновенность хотя бы одного перышка крэга — но случай, но полуночная тьма… Впрочем, настоящей темноты здесь не бывало; вот и сейчас вечерняя луна уже скрылась, зато две ослепительно-белых и одна медовая освещали стройный ряд надгробий с какой-то неестественной, зловещей четкостью.

Козыри — ночь, поэтому луны должны быть за него. И уж если они высвечивают кого-то с такой безжалостностью, то это, разумеется, враг. Он вытащил свой меч уже наполовину, когда розовато-сиреневый конь, словно сказочная аметистовая птица, стелющаяся над самой землей, вылетел из-за надгробья Тариты-Мур и, осаженный опытной рукой, взвился на дыбы. Искристая грива мешалась с целым каскадом таких же шелковистых, разбрасывающих рассветные блики перьев; разглядеть всадника, чью голову и плечи укрывал этот великолепный наряд фиалкового фламинго, было совершенно невозможно, но Асмуру не нужно было глядеть.

Только у одного человека на Джаспере был такой конь и такой крэг. Вороной заржал, призывно и просительно, и двинулся навстречу аметистовой кобыле. Асмур рванул поводья — и понял, что это осталось только мыслью, но не действием: не послушались руки. Вороной захрапел и поймал зубами прядь гривы, надвигающейся на него сиреневым ореолом, и в этот же миг легкие руки, укутанные перьями, обвились вокруг шеи Асмура, и тело, охлажденное встречным ветром, напоенное полевыми ночными запахами, прильнуло к нему, и он почувствовал, как цепкие когти на его запястьях разжимаются, привычный, почти неотделимый от него самого капюшон соскальзывает с волос — и мир вокруг него погас. Асмур уже не видел, как два крэга, пепельный и аметистовый, прижавшись друг к другу и превратившись в одну серо-сиреневую птицу, гордо пошли в ночную вышину, мелко трепеща крыльями…

— Без меня… улететь без меня… — пробивался сквозь эту темноту срывающийся, ломкий от горечи голос, и звуки его запутывались в волосах Асмура, покрывали бархатистым щекочущим налетом его лицо. — Без меня, без меня, без меня!..

Он срывал с себя эти нежные, душистые руки, на прикосновение которых не имел права, но тут же возникали губы — терпкие, своевольные, без конца твердящие одни и те же слова, смысл которых ровно ничего не значил; и еще успевали они жаркой и влажной чертой повторить каждый изгиб его бровей, губ, подбородка, навеки запечатляя в памяти контур его лица.

Но и ее губы не принадлежали ему.

— Ты сошла с ума, Сэниа, ты сошла с ума… — бормотал он потерянно и отталкивал ее, но его слова тоже ровным счетом ничего не значили, потому что она лежала у него на руках, и он привстал на стременах и ощупью спустился с седла, держа ее так бережно, словно мог пролить; и, коснувшись сапогом земли, он уже не помнил ни о долге, ни о чести — остались только прикосновения к ее лицу, и он отыскивал губами ее ресницы, и они опускались — колкие соленые лучики, прикрывающие ненужные в такие минуты глаза; мир сузился до касаний и шепота, до бестелесности кожи и рвущегося остановиться дыхания, и только одному не было места в этом мире любви — зрению.

Потому что крэги, слившись в одно, парили в звездной вышине, а без крэга человек на Джаспере слеп, как крот.

— Мы оба сошли с ума, Сэниа, — шептал Асмур, опускаясь на колени в густую траву, и кони взметнули ввысь свои крылья, воздвигая над ними живой пепельно-розовый шатер.

И в этот миг прозвучал голос:

— Берегись, Алхимик!

Союз по завещанию

Голос мог принадлежать только Леснику — единственному его другу, попечителю королевских садов. Сэниа, услышав предостерегающий крик, еще сильнее прижалась к Асмуру, словно прикрывая его своим телом, и он с удивлением почувствовал у ее бедра компактную кобуру портативного десинтора.

— Крэг! Асмур-крэг! — крикнул он, беспомощно озираясь в непроглядной незрячести.

— Нет, нет, — зашептала Сэниа, — пока я с тобой, они ничего не смогут сделать…

Значит, она догадывалась, о ком предупреждал Лесник. Асмур схватил девушку в охапку и вытянул вперед руку — теплая чешуя тотчас же придвинулась к его ладони. Он ощупью перебросил гибкое тело через седло, и тут же тугая масса перьев невесомо обрушилась на него сверху, и мир вокруг вспыхнул мерцающим лунным светом — глаза крэга стали его глазами. Он увидел мону Сэниа, вздернувшую поводья его вороного — черные волосы, выбившиеся из-под сиреневого перьевого покрывала, метались по гриве — и конь не противился ей, прижав чешую, хотя до сих пор никто, кроме Асмура, не мог даже приблизиться к бешеному животному.

В руке принцессы мертвенно поблескивало грозное и запретное оружие, и сразу же за нею, влитые в седла, высились три ее старших брата.

Асмур стремительно обернулся — остальные принцы стояли у него за спиной.

Он сам мог исчезнуть почти мгновенно, бежать к своим кораблям, и он успел бы сделать это прежде, чем кольцо царственных братьев сомкнется — но здесь еще был его конь и была его мона Сэниа…

Нет, не его.

И тем не менее он готов был скрестить оружие с любым, кто посмел бы ему об этом сказать. Он принял отказ от короля, но не

позволил бы повторить его даже принцу.

— Мой меч не привык ждать, — проговорил он хрипло и высокомерно. Словно в ответ на его слова, палево-седой крэг, прошелестев бессильными крыльями, опустился на ножны, цепко обхватив их когтями. Теперь Асмур не мог обнажить оружия.

— Буду стрелять! — крикнула мона Сэниа. — И я не промахнусь, вы меня знаете!

Братья ее знали. Асмур — тоже.

Но материнский крэг встряхнул головой, так что седой венчик поднялся над нею, точно рыцарский плюмаж, и издал укоризненный клекот. Это подействовало эффективнее, чем угроза Ее Своенравия.

Действительно, трудно было найти грех страшнее, чем поднять смертоносное оружие на человека. Но ранить крэга — это было самым позорным, несмываемым грехом.

Принцы осадили коней.

— Эрл Асмур! — прокричал один из тех, кто стоял за спиной моны Сэниа, кажется, самый старший. — Ты знаешь, что исполняющий Уговор неприкосновенен. Сколь бы мы ни чувствовали себя оскорбленными, не нам, принцам крови, нарушать законы Джаспера. Поэтому мы разрешаем тебе удалиться. Полночь миновала, а предначертание указало тебе начать свой путь до рассвета. Ступай с миром, но помни: если, вернувшись, ты приблизишься к нашей сестре ближе, чем на расстояние взгляда и голоса, мы будем драться так, как велит фамильная честь — без крэгов, на звон шпаги.

— Я не менее вашего чту Уговор и чту законы Джаспера, — тяжело проговорил эрл Асмур, который задыхался от бешенства. — И все же помните, высокородные принцы, что, выполнив свой долг перед крэгом моей матери, я вернусь и скрещу шпагу или кинжал, рапиру или меч по выбору с любым из вас, независимо от того, удостоит ли снова меня принцесса Сэниа слова или взгляда!

— А теперь слушайте меня! — разнесся над ночными полями звенящий голос моны Сэниа. — В отличие от вас я плюю и на Уговор, и на все законы Джаспера — кроме того единственного, который позволяет королевским дочерям по собственной воле выбирать себе мужа. Вы не хотите брать на себя обузу ленных владений — хороши братцы! Что ж, в таком случае вы мне больше не родня. Асмур! — она нагнулась с седла и положила ему на плечо маленькую руку, опушенную аметистовыми перьями. — Ты забыл о старинном обычае — брать в жены по завещанию. Тогда на них, на этих каплунов, жиреющих в Диване, не ляжет никаких обязательств — даже если ты не вернешься. Ну!

Он с тоской поглядел в ее лицо — узкое страстное лицо, обрамленное черными прядями, выбивающимися из-под фламинговой шапочки; когда-то он любил это лицо, эту девочку, не сводившую с него очарованных глаз на ее первом турнире… Но видят древние боги, как он устал от ее сумасшедшего нрава! Пусть она права и у него душа крэга, но он уже ничего не желает, кроме покоя… И сейчас, когда она завладела, между прочим, его конем, встала между ним и исполнением Уговора, он вдруг отчетливо понял, что гораздо сильнее любил бы ее… в воспоминании.

— Мона Сэниа, — проговорил он как можно мягче. — Высокородная мона, вы разгневаны на братьев и готовы отречься от родства с ними, но вы забыли о своем отце!

Звук его голоса произвел не примиряющее, как он рассчитывал, а прямо противоположное действие: от любви и горя Сэниа потеряла голову.

У нее все получалось чересчур, а уж это — и подавно.

— Асмур, я ничего не повторяю дважды! Ты сейчас же возьмешь меня в жены по завещанию, или… — она оглянулась, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы напугать самого Асмура.

Ничего такого, естественно, не нашлось. Тогда она медленно подняла руку с маленьким десинтором до уровня своего лба. И рука ее не дрожала.

— Асмур, — сказала она очень просто, — если ты этого не сделаешь, я пристрелю крэга. Своего крэга.

Он рванулся к ней, пытаясь перехватить руку, но Сэниа оказалась проворнее — вскочив на ноги, она вытянулась во весь рост и теперь стояла на спине его вороного, освещенная тремя лунами, с рукой, поднятой ко лбу.

Принцев как ветром сдуло с седел — все разом очутились на земле, а один — кажется, самый младший — отвернулся и прижался лицом к гриве своего коня. Не было еще такого на Джаспере за все полторы тысячи лет действия Уговора, чтобы кто-нибудь поднял руку на своего крэга.

На себя — бывало.

Но принцесса Сэниа грозила невиданным.

— Тарита-крэг, поводырь моей матери! — прорычал Асмур голосом, которому больше бы пристало проклятье, чем брачная клятва. — Перед тобой, старейшим из всех, я, эрл Асмур, последний из рода Муров (это были единственные слова, которые ом произнес с удовольствием), беру в жены мону Сэниа, ненаследную принцессу, отрекшуюся от королевской крови, и буду ей мужем до своего смертного часа, а если её дни продлятся

дольше моих, то завещаю ее со всеми владениями тому… тому, кто первый коснется губами ее лба. Я поклялся.

— Я, Сэниа-Мур, принимаю твое завещание, муж мои, как и все, на что будет воля твоя. Я поклялась.

«Надолго ли хватит этой кротости?» — подумал Асмур.

Сэниа тоненько свистнула вместо традиционного свадебного поцелуя, и ее колдовская кобылка, разыгрывавшая пугливость за каким-то надгробьем, грациозно приблизилась к вороному, изгибая шею. Девушка спрыгнула со своего несколько необычного пьедестала прямо в седло, небрежно кинула десинтор в кобуру и медленно двинулась вперед, в бездорожье дурманных полей, над которыми вставала бирюзовая утренняя луна, не оставившая им с Асмуром ни минуты ночи.

Пристань звездных разлук

Девять всадников стояли, держа коней под уздцы, и десять кораблей расположились причудливой пентаграммой чуть поодаль. Седые отцовские крэги замерли, вцепившись в гривы коней, словно были всадниками; они долго ждали, эти поводыри незрячих людей, ждали целую человеческую жизнь, и теперь от путешествия к желанной цели — полному и бесконечному одиночеству — их отделяла всего одна ночь. Это были слишком несоизмеримые отрезки — ночь и вечность, и мудрость старых крэгов не позволяла им проявлять нетерпение.

Другое дело — звездная дружина Асмура. Они ждали его нетерпеливо, эти новички, эти вчерашние мальчишки, собравшиеся в кружок над рассыпанными картами, всполошенные недобрым предзнаменованием. Голубая предутренняя луна прошла уже треть своего пути — и воздух, наконец, всколыхнулся, как бывает всегда, когда человек проходит через ничто. Но вместо одного командора они увидели двоих: держась за его стремя, рядом с эрлом Асмуром шла сама мона Сэниа, и ее черные спутанные волосы мешались с гривой бешеного вороного коня, к которому не смели приблизиться даже смельчаки — скакун одинокого эрла, не раздумывая, бил крылом или сдирал кожу вздыбленной чешуей.

Асмур вступил в круг своих спутников, внимательно всматриваясь в каждое лицо. На первый взгляд ни одно из них не показалось ему знакомым. Может, встречал на приемах в королевских садах — скорее всего, встречал. Но не запомнил.

Остался ли он доволен этим стремительным импровизированным смотром? Пока это было неясно. Зато девять юношей, несомненно, узнали его сразу и теперь стояли, не шелохнувшись, глядя на своего командора с восхищением и гордостью, граничащими с обожанием: ведь это, оказывается, был не только прославленный эрл, но и жених самой принцессы, на которую пылкая молодежь не смела и глаз-то поднять!

А мона Сэниа, теперь уже Сэниа-Мур, покорно шла у его стремени и остановилась, когда остановился он, и прекрасное лицо ее было залито слезами, которых она не стыдилась. Асмур, словно не замечая ее присутствия, проговорил негромко и сдержанно:

— Назовите имена.

Имена всех, кто пойдет с ним, он знал заранее, знал и род, и специальность, сейчас ему нужно было другое — как звать их в бою, когда дорога каждая доля секунды. И они это поняли, хотя

их командор с самого начала нарушал традиции: такое знакомство должно было состояться уже на корабле. Но они были счастливы, что их боевые имена услышит сама принцесса Сэниа.

— Эрм, — представился самый старший.

Асмур недолго задержал на нем взгляд — Эрромиорг из рода северных танов Оргов, владеют по ленному праву всеми залежами полиметаллических руд, кои и выцарапывают помаленьку из-подо льда. Запомнить нетрудно: светло-серый крэг с красным хохолком. Чем-то напоминает дятла.

— Сорк. — Такой же крэг, но без хохла. Скромность украшает.

— Дуз. — Тропические плантации, большей частью уже заброшенные. Чемпион каких-то тихих игр. Вишневый крэг.

Это была старшая тройка, и видимых изъянов он не обнаружил ни у людей, ни у их поводырей. Кто дальше?..

— Скюз… — Так, неженка. И крэг ослепительно-голубой — в такого целить одно удовольствие.

«Весь поход из скафандра не выпущу», — подумал Асмур.

— Флейж! — Еще того не легче, изумрудно-зеленый крэг с оранжевыми хохлом и оконечностями крыльев.

— Борб. — Коренастый смуглый крепыш с коричневым скромным крэгом. Что там за ним числится? Да не так уж мало: производство анн-зарядов.

Этот последний примирил его со всей тройкой. Оставались младшие.

— Ких. — Этот — южанин, семья владеет чуть ли не миллионом сервов-ткачей. Крэг темно-синий с белым клювом.

— Пы. — По лицу не скажешь, что ума — палата, зато силач невероятный. А крэги у них с Кихом совершенно одинаковые.

— Гэль…

Асмур небрежно скользнул взглядом по младшему — почти старый знакомый; и вдруг глаза его против воли прищурились, брови сошлись. Как он не обратил на это внимания с самого начала?

Пестрый крэг!

— Заводите коней и устраивайте старых крэгов, — негромко, с излишним спокойствием проговорил он. — Мы идем на Серьгу Кентавра, самую яркую звезду этого созвездья. Готовьтесь.

Еще секунду все смотрели вверх, на сияющую бледно-золотую крапинку, расположенную между Ухом и Уздой, почти отсюда невидимыми; затем девять шпаг блеснули в лунном свете, отдавая принцессе прощальный салют, и разномастные кони зацокали по выщербленному бетону к светлым громадам кораблей. Для того чтобы пройти через ничто, недостаточно

воспользоваться картой или расчетами — нужно обязательно зримо представить себе ту точку, в которой хочешь очутиться. Слабо мерцающие овоиды разомкнули створки люков, люди и кони исчезли внутри этих коконов, и теперь снова могло показаться, что это — просто гигантские матовые фонари, вроде тех, что прячутся в глухой зелени королевских садов.

И только тогда эрл Асмур спрыгнул с коня и обернулся к своей жене. Они стояли друг против друга, почти одного роста, и черные кудри женщины, рассыпавшиеся по бледному оперенью крэга, казались негативным отраженьем светлых волос мужчины, выбившихся из-под траурного капюшона. Но не только это составляло контраст молодой пары: если мона Сэниа изо всех сил сдерживалась, чтобы не выдать своих чувств при посторонних, то Асмур не находил даже слов. Душа его была звучной, гулкой пустотой, словно собственный родовой замок. От юношеского пыла, с которым он поднял глаза на королевскую ложу много лет назад, не осталось ничего, кроме преданности, и Асмур сознавал, что это его беда, а не его вина: Джаслер медленно умирал, угасал целый мир, и первое, чему суждено было исчезнуть в этом гаснущем мире, была любовь.

Он печально смотрел на жену. Знает ли она, что козыри, которые им выпали накануне похода, — это ночь? Так вот, если кому-то и не следует сюда возвращаться, то это именно ему.

Они ничего не сказали друг другу, он только коснулся губами ее лба, словно напоминая о свадебном завещании. Потом круто повернулся и пошел к центральному кораблю, который как будто вырастал при его приближении. Желтый, как тыква, шар дал трещину, она разошлась ровно настолько, чтобы провести коня, осторожно прижимавшего к себе сложенные крылья. Затем стенки снова сомкнулись и разом потеряли свою матовость. Теперь Сэниа отчетливо видела коня, разлегшегося на ковре, устилавшем пол центрального помещения. Асмур отстегнул плащ и перевязь и осторожно, чтобы не повредить ни одного перышка своего крэга, облачился в мягкий поясной скафандр, отливающий лиловым, — все так спокойно и деловито, древние боги, как спокойно и как деловито! Теперь это был уже не ее Асмур, девичья заветная мечта, одинокий эрл, у которого она сама, своей королевской волей встала на пути — вот захотела и встала, явилась однажды в полуночном замковом саду, а потом еще в фехтовальном зале, и в информатории его завода… Он никогда не позволял себе даже коснуться края ее платья, и если бы не его внезапный отлет, она ни за что не решилась бы сама сказать ему: «Возьми меня в жены!»

Ну, вот она и сказала, и потеряла семью, и не приобрела

ровным счетом ничего. Она смотрела с горечью и изумлением на безликое чудовище в непрозрачном скафандре, укрывающем сразу и человека, и слившегося с ним крэга, и оно напоминало ей осьминога, медлительного и бесчувственного… Желтые непрозрачные тени наползли на корабль со всех сторон и сомкнулись, так что ей уже ничего не было видно — малые корабли сползлись к центральному, образуя одно исполинское соцветье, теперь это был словно кусок пчелиных сот, неразделимый, монолитный. Старшие, братья, обучая ее обязательному искусству проходить через ничто, не раз говорили, что одинокому кораблю чрезвычайно трудно, практически невозможно добраться даже до ближайшей звезды; слив же корабли воедино в один ячеистый диск и объединив волю людей, можно было достигнуть самых удаленных уголков Вселенной…

Исполинские соты начали вибрировать, размываться; желтый вихрь опоясал их, с непереносимым свистом буравя пространство. Сэниа почувствовала, что нежная головка крэга отделилась от ее волос и запрокинулась назад, терзаемая омерзительным звуком, и на несколько секунд девушка потеряла способность видеть; когда же вой оборвался и прохладный невесомый капюшон снова лег на ее голову, возвращая ясность взгляда, медовый вихрь беззвучно крутился над пустыми плитами, словно на месте догоревшего костра.

Что-то голубело под ногами в лучах последней луны; мона Сэниа нагнулась — это была колода магических карт, и верхней из них был зловещий Костлявый Кентавр, очерченный темно-лиловой тушью, предрекающей смерть.

Серьга Кентавра

Чужое солнце было тусклым и раздражающе агрессивным: ни с того ни с сего оно взрывалось сатанинскими протуберанцами, и тогда голубые яростные пятна, вращаясь и стекая к полюсам, источали смертоносные потоки лучей, от которых с трудом защищали уже не стены единого ячеистого корабля, а мощная психотронная защита, которую порой приходилось держать по нескольку часов подряд, ни на миг не ослабляя напряжения воли. И если бы не железная выдержка командора, еще неизвестно, кто из юнцов пришел бы к последней, десятой планете целым и невредимым.

В этом походе никто из них не слышал ни слова одобрения из уст своего предводителя — только приказ, да и тот чаще всего отдавался жестом. Одинокий эрл и всегда-то был немногословен, а после первой планеты, когда ему стало просто трудно говорить, они привыкли повиноваться кивку или движению руки так же молниеносно, как и слову.

Тяжелее всех приходилось Гаррэлю, младшему, юноше с пестрым крэгом. Он с самого начала рвался вперед, чтобы доказать свое право на равенство с остальными. Пестрый крэг — это пестрый крэг; никто не спросит, отчего так и по чьей вине погиб крылатый поводырь, данный от рождения и на всю жизнь, так что теперь приходится обходиться подкидышем, которого кто-то из чужих крэгов, паривший в полуночном небе, пока спал его хозяин, из милости и безграничной доброты подарил ослепшему человеку. Такой птенец-подкидыш обязательно будет крапчат, как пестрый боб.

Никто не спросил Гаррэля, когда он остался без крэга, но не было минуты, чтобы юноша не ждал этого вопроса, и потому он бросался первым в любое опасное дело, лишь бы доказать, что не хуже других. Замечал ли это командор? Естественно, замечал; но он ни разу не одернул юношу, а наоборот, начал посылать его туда, куда тот сам рвался со всем пылом безвинно оскорбленной юности.

По обычаю он, как самый младший, первым имел право оставить отцовского крэга на планете, которая подходила бы добровольному затворнику. У Серьги Кентавра планет было семь; пять из них годились для крэгов, но только четыре достались легко, без боя; по случайности (или в силу недоброго предзнаменования) первая же из них — красавица с двумя лунами, самая зеленая, самая теплая, — была заселена чудовищами, давшими название всему созвездию.

Об этой планете лучше было совсем не вспоминать, и тем не менее вспоминали все — и постоянно…

Звездный переход был удачен. Единый порыв, объединивший юношей вокруг их предводителя, спаял намертво их корабли и не позволил ни одному отстать или сместиться в сторону, как это иногда бывало в случайно или поспешно подобравшейся дружине. Макрокорабль — или, попросту, мак — прошел сквозь ничто и вынырнул так близко от второй планеты Серьги, что она лежала перед ними на черном атласе межзвездной пустоты, как фамильная драгоценность.

— Младшему везет, — заметил кто-то из старших дружинников, кажется, Дуз.

— Значит, судьба благосклонна ко всем нам, — сурово парировал эрл Асмур, и все поняли — насмешек над младшим не будет.

Как только мак завис над поверхностью жемчужно-голубой планеты, командор пригласил всех к себе. Его корабль представлял сейчас сердцевину мака и был естественным центром управления и кают-компанией одновременно. Одна часть просторного девятиугольника была отделена для крылатого коня, другую занимал алтарный шатер, предназначенный для Тарита-крэга. И все-таки места оставалось предостаточно — хоть устраивай королевский прием.

Малые корабли дружинников, окружившие сердцевину мака, образовали кольцевую анфиладу со сквозными переходами, где каждый мог беспрепятственно навестить своего соседа — или прийти ему на помощь, если таковая потребуется. Лишь в центральное помещение можно было попасть только по зову Асмура. Даже если бы ему грозила смерть.

Сейчас он собрал их в первый раз. И первыми же своими словами преподал урок рыцарства.

У эрла Асмура иначе и быть не могло.

Они разглядывали первую планету, которую им предстояло посетить, если младший из них получит согласие отцовского крэга навсегда остаться здесь. Впрочем, в случае его отказа любой из остальных крэгов мог взять эту землю себе, хотя обычно так не делалось. Мало-помалу мрачное настроение, навеянное зловещими козырями в их игре с судьбой, уступало место юношеской восторженности: вот оно, поле первого испытания, для чего они с пеленок учились владеть оружием и конем — искусство, никому не нужное на самом Джаспере. Опасности — прекрасно! Неожиданности — да бога ради! Битвы — так ведь их поведет сам эрл Асмур! Они стояли вокруг своего предводителя, расстегнув, но не сняв скафандры — прежде всего безопасность

крэга, это первая заповедь джасперианина.

Гаррэль держал на жесткой рукавице седого поджарого крэга, и все вместе они пристально глядели себе под ноги, где сквозь круглый иллюминатор нижнего обзора была видна чуть прикрытая облаками планета.

— Говори, Гэль! — ободряющим тоном произнес командор.

— Поводырь моего отца! — срывающимся от волнения голосом начал Гаррэль. — Ты служил ему от рождения и до смерти, верно и и неустанно, как и подобает благородному крэгу. И теперь я, его сын, в награду за службу предлагаю тебе эту планету, если только ты сочтешь ее достойной себя, и готов выполнить любые твои желания.

Асмур кивнул — отменно было сказано — и, обернувшись к стене, раскрыл лежащий на консоли пудовый фолиант «Звездных Анналов», составленный полторы тысячи лет назад, когда вольные, многочисленные и, главное, зрячие джасперианe появлялись в самых отдаленных закутках галактики, коллекционируя звезды и планеты.

— Вторая планета Серьги Кентавра, — прочел он, — была открыта тысячу шестьсот десять лет назад, в эпоху свободных странствий. Животные, населяющие ее, миролюбивы, птиц не имеется, немногочисленное племя дикарей беззлобно. Пригодна для обитания как людей, так и крэгов.

Крылатое существо, сидевшее на перчатке, перегнувшись вперед, казалось, не слышало обращенных к нему слов. Понять крэга было можно — если человек вообще способен понять крэга. Ему предстоит провести здесь всю оставшуюся жизнь. Может быть, по сравнению с человеческой жизнью этот срок показался

бы вечностью — кто знает!

И все это время крэг будет совершенно один: согласно Уговору, никто из жителей Джаспера не смеет ступить на планету, занятую крэгом.

Так что тут имело смысл долго выбирать.

Вот крэг и думал. Свесив сивую тупоклювую голову, он пристально вглядывался в единственный громадный остров, выступающий из зеленовато-синего океана. Что его смущало? Если отмеченное в «Анналах» племя дикарей, то он отказался бы сразу и бесповоротно — ведь крэги не терпят присутствия разумных существ на подаренной им планете.

Но почему-то он думал.

Может быть — кентавры? Эти загадочные существа упоминались в «Анналах» лишь однажды, да и то столь невразумительно, что сведения о них вызывали сомнения. Впрочем, наличие дикарей тоже не было абсолютно достоверным: стремясь во всем видеть лучшее, джаспериане порой принимали за них крупных обезьян, строивших причудливые гнезда. Бывало.

Так что крэг думал — и правильно делал.

Дружинники, почувствовав себя вольно, вполголоса переговаривались, обсуждая достоинства планеты,

— Хорошенькое соседство! — фыркнул Флейж, носком сапога указывая на громадный грязевой вулкан, плюющийся сернистым пеплом.

— Вонючка, — убежденно изрек его закадычный приятель Скюз.

Асмур не обрывал их болтовни, потому что знал: для крэга мнение человека решительно ничего не значит. А вулкан действительно поганый, и не один, похоже, а целая компания — несколько десятков квадратных километров грязи и вони. Как тут не закапризничать…

Сивый крэг вскинул голову, глаза его жадно попыхивали, словно разгорающиеся угольки.

— Уничтожить! — раздался скрипучий, механический голос.

Немногие на своем веку слышали голос крэга, и он поразил всех настолько, что смысл сказанного отступил на второй план: главным казалось то, что загадочное молчаливое существо снизошло до разговора с людьми.

Видя их неподвижность, крэг приподнял крыло и сделал чисто человеческий жест — указал его концом на зачехленный пульт, к которому в этом полете еще ни разу не притрагивались. По каюте метнулся ветер, поднятый движением белесой кисеи реденького оперения, и этого было достаточно; чтобы все разом вернулись к действительности.

— Вы слышали приказ? — воскликнул Гаррэль, и Асмур почувствовал, что даже он сам в какой-то степени попал под одурманивающие чары крылатого монстра.

— Спокойно, мой мальчик, — проговорил он. — Приказываю здесь только я. Крэги же лишь высказывают пожелания.

Это было сказано с истинно королевской гордостью, и каждый почему-то вспомнил принцессу Сэниа, идущую у его стремени. Все, кроме Асмура.

— Прошу всех вернуться в каюты, — продолжал командор. — На следующем витке начинаем аннигиляционную атаку. Борб, ты мне поможешь. Дальнейшие действия будут диктоваться результатами атаки. Пока все.

Скупой приказ означал: вы продолжаете обеспечивать психогенную защиту и, если будет нужно, перемещение корабля.

В полете вообще больше подразумевалось, чем говорилось.

Опалово-желтый диск макрокорабля цепко завис над смердящим вулканом, на десятки километров разливающим свои неаппетитные потоки. Да, не молочные реки и не кисельные берега. Борб, которому ничего не надо было объяснять: профессия аннигиляторщиков была у него в роду, — колдовал с пультом, временами задавая минимальные вопросы.

— Накроем одним?..

— Ненадежно. Пустим по спирали бегущий заряд.

Борб изогнул бровь — ай да командор, даром что нефтехимик! И в этом разбирается… Заряд запускался с максимальной скоростью, чтобы следующая спираль закрутилась прежде, чем до нее дойдет ударная волна от предыдущей.

— От центра?..

— Нет. По опоясывающей и к центру.

Это было тотальное уничтожение. В несколько минут обреченную гряду плюющихся дымом холмов окольцевала огненная черта — заряд, распространяющий смерть, двигался так стремительно, что сверху показалось, будто кольцо возникло разом. Не успел раскаленный вал уничтожаемой и расшвыриваемой в стороны материи подняться во всю свою устрашающую высоту, как новый виток убийственной спирали вспух внутри него, а затем и третий, и так все ближе к центру; а наружные валы уже сшиблись, уничтожив все, что было в промежутке между ними, и когда волна из центра подходила к их огненному рубежу, она уже гасилась, делая очаг уничтожения строго локальным.

Сивый крэг, распластавшись на полу командорской каюты, наблюдал за тем, как целый район превращается в огненное месиво; теперь, когда его каприз был выполнен, оставалось

только ждать, пока остынет расплавленная масса и осядет пыль. Но для этого не обязательно было болтаться в воздухе.

— Всем приготовиться! — разнеслась по малым каютам общая команда. — Садимся на прибрежное плато, в серые надолбы.

Этот безлесый островок совершенно гладкой поверхности они присмотрели заранее. Каменистая равнина простиралась километров на триста и круто обрывалась к океану, не расцвеченная ни единым живым пятнышком озерца или оазиса. В самом центре виднелось что-то вроде хаотически набросанных треугольных камней, огораживающих пятачок, на котором едва-едва разместилось бы два корабля.

Но Асмуру этого было достаточно.

По его сигналу мак произвел свой обычный переход через ничто и в следующую секунду уже стоял на потрескавшейся почве планеты.

— Дуз, Флейж и Ких — на вахте, остальные — со мной!

Закрывая застежку скафандра, Асмур обернулся на седого крэга — тот тяжело поднялся с пола и взлетел на пульт огневой защиты, примостившись на каком-то верньере, словно чудом прилепившийся снежный ком. Глаза закрыты пленкой, крылья обвисли… Словно не для него затеяна вся эта кутерьма.

Командор прошел через каюту Гэля и первым выпрыгнул на прогретую близким солнцем землю. Следом вывалилась шестерка дружинников. Некоторое время все стояли, настороженно озираясь и прислушиваясь. Место это было хорошо тем, что сюда не подберешься незамеченным — до леса никак не меньше ста километров по гладкой, как лысина, пустыне.

Но ведь кто-то мог притаиться и здесь, в серых надолбах… Вблизи их уже трудно было назвать надолбами или даже просто камнями — это были скорее пирамиды высотой в три-четыре человеческих роста, определенно рукотворные, о чем говорили узкие оконца, прорезавшие почти у самых вершин глухие серые стены.

Не теряя друг друга из вида, разведчики осторожно обошли все полтора десятка пирамид. Ни малейших проявлений жизни, не говоря уже о разуме. Ни змей, ни даже пауков. Омертвение, длящееся веками.

— Гэль, загляни внутрь, — распорядился командор. — В случае опасности отступай сразу на корабль.

Неровность кладки позволила юноше в одно мгновение очутиться наверху — природная ловкость компенсировала неудобства скафандра. Направив узкий луч фонарика в щербатое отверстие, Гаррэль заглянул внутрь и разочарованно покачал

головой:

— Пусто! Помещение небольшое, всюду только пыль.

Следовало ожидать. Если это захоронения, то они много веков назад разграблены. А затем бесследно исчезли потомки и тех, кто здесь покоился, и тех, кто их грабил.

— Загляни и в другую!

И снова Гэль, проворный, как белочка, вскарабкался по наружной стене и прижался синеватой поверхностью скафандра к щели:

— Никого, командор.

— Влезь-ка на самую большую.

Через несколько секунд он был и там. Вспышка фонарика…

— Командор!!!

Древняя кладка крошилась под тяжелыми сапогами, и тем не менее Асмур был наверху едва ли не быстрее, чем его юный дружинник. Тот посторонился, уступая место у оконной щели. Щелчок фонарика…

Внизу были кости — конусообразное помещение было завалено ими. Кстати, нигде не видно входа — вероятно, укрывшиеся здесь замуровали себя изнутри. А на стенах… Асмур провел лучом по стене, и ему, прославленному бойцу, стало не по себе.

Набросанные углем контуры были смазаны и недорисованы, но талантливый художник, потративший последние минуты своей жизни на то, чтобы оставить разгадку происшедшей трагедии, и не старался воспроизвести какой-то сюжет или образ. Главное — смысл происходящего, а он стал ясен после нескольких секунд знакомства с этими зловещими фресками. Оскаленная лошадиная морда с клыками гиены… Нет, это не конь — кентавр! Вот он разбивает копытом голову лежащего у его ног старика. Преувеличение, черепная кость достаточно крепка, и мозг не может выбрызгиваться таким фонтаном… но это — символ бесчеловечности, перед которой разум бессилен. Или вот — кентавр держит в зубах новорожденного ребенка, готовый швырнуть его в горящую хижину… Кентавр на полном скаку, волочащий за волосы женщину… Древние боги, совсем джасперианка! И еще — два вздыбленных чудовища раздирают человека надвое. И кровь, кровь, кровь…

Асмур отвел глаза, чтобы подавить приступ тошноты. Затем подвинулся на уступе и заглянул в соседнее окошечко, в которое был виден край другой стены.

Там был всего один рисунок, набросанный прерывистыми, неуверенными штрихами, — вероятно, последнее, на что хватило сил у гибнущего человека. Рисунок изображал сытого зверя с

окровавленной мордой. Над его головой — как символ возмездия — был очерчен крылатый меч.

Асмур спрыгнул вниз.

— Вахтенных сюда, — проговорил он негромко. — Пусть посмотрят все…

Фа ноэ?

Последнее стадо закидали отравленными шашками. Крылатые кони, теряя высоту и запрокидывая головы, рвались прочь от клубов ядовитого дыма, но всадники удерживали их возле места засады, чтобы не дать никому вырваться из смертоносного кольца. Два или три крупных зверя попытались-таки уйти в чащу, но Гэль и Скюз, оказавшийся непревзойденным стрелком, настигли их прежде, чем те успели заползти в укрытия. Это были те самые короткохвостые самцы, которые вчера пытались захватить Флейжа. Каждый день дружинники докладывали своему командору, что предгорье полностью очищено от хищных тварей, но стоило кому-то из них зазеваться с наступлением темноты, как следовал стремительный бросок из лесных зарослей, и цепкие когти ухватывали добычу.

Вот это обстоятельство чрезвычайно изумляло Асмура: если уж кентавр мог подобраться к человеку, особенно лежачему, то почему он не пытался убить врага первым же ударом копыта? Зачем было тащить человека в чащу? Обычай? Но обычаи бывают у разумных существ, а не у таких вот плотоядных… Они вряд ли открыли бы подземную пещеру, где укрывалось целое стадо, если бы Гэль, понадеявшись на крепость своего полускафандра, не разрешил себя похитить и протащить до скрытого убежища.

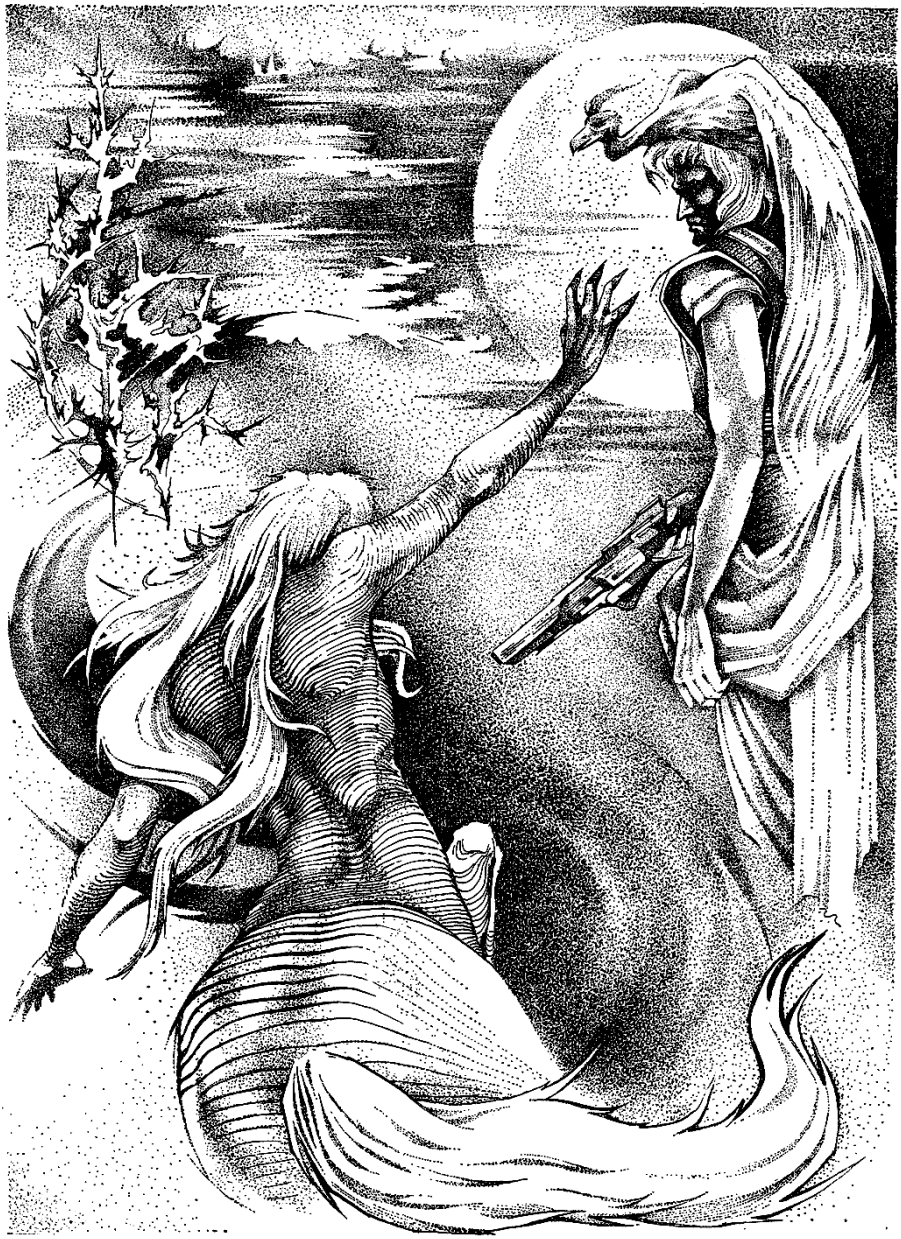
Еще три дня они потратили на то, чтобы удостовериться в полной своей победе над омерзительными хищниками. В первый день попалась пара однолеток, пытавшихся нырнуть в озеро, но разряды десинтора достали их и там. Два других дня пропали даром. Кони, утомленные бесконечным кружением над лесистыми холмами, с каждым днем повиновались все хуже и хуже — видно, здешний корм, такой сочный на вид, плохо на них действовал. Они тощали на глазах, отворачивались от родниковой воды. Асмур встревоженно гладил своего вороного по холодной чешуе, в который раз жалея, что способность говорить дана не коням, а крэгам. Было ясно — нужно возвращаться к кораблю, надежно укрытому между серыми пирамидами, и дать животным несколько дней отдыха и душистого джасперианского сена. Он уже хотел скомандовать возвращение на стоянку, как вдруг в кустах что-то захрустело. Асмур обернулся, выхватывая оружие, — по сухому лиловатому мху прямо на него полз кентавр.

Он был очень стар. Задние ноги его, похоже, были парализованы, но он, отталкиваясь руками и передними копытами, сделал еще несколько конвульсивных движений,

стараясь дотянуться до сапог человека. Наверное, он уже ничего не способен был сделать, но в глазах его сверкала бешеная злоба, спутанные белые волосы, переходящие в гриву, извивались и приподнимались навстречу врагу, и на их кончиках обозначались ядовитые стрекала; частое дыхание срывало с изъязвленных губ клочья пены. Дыхание было скверным — похоже, старая тварь страдала четырехсторонней пневмонией.

Дряхлость всегда вызывает невольное сочувствие, даже когда перед тобой пещерный медведь или крокодил-людоед. Асмур медленно переводил калибратор десинтора на максимальную мощность, втайне надеясь, что чрезмерное напряжение оборвет жизнь чудовища раньше, чем придется стрелять. Но кентавр остановился, тряхнул головой, так что седые космы откинулись назад, и вдруг до людского слуха долетели мягкие, укоризненные звуки:

— Фааа ноэ?..



Может быть, это был случайный вздох, всхлип, парадоксальное сочетание звуков, дополненное горестной интонацией и поэтому показавшееся осмысленным? Ведь и собака может выть жалобно! Но чем бы это ни было, оно так ударило по напряженным и без того нервам, что рука сама собой нажала гашетку…

Асмур, сдерживая невольное подергивание лица от чересчур близкого и сильного разряда, отвернулся и пошел прочь, оставив позади дымящуюся, опаленную яму; конь стоял так тихо, что

хозяин, привыкший к его дружелюбному пофыркиванию, должен был поднять глаза и поискать своего вороного в быстро надвигающихся сумерках.

Конь стоял, прижавшись головой к стволу дерева, и из глаз его текли крупные слезы.

— К кораблю! — крикнул Асмур.

Ночь, мягкая и полнолунная, текла над маленькими пирамидами, и металлические немерцающие шарики непривычно близких планет повисли, казалось, над самым маком. Командор глядел в небо, опершись левым плечом о шершавую стенку пирамиды-усыпальницы. Он только что велел своим дружинникам еще раз подняться к оконной щели и еще и еще смотреть на неотомщенные кости, на крылатый меч — символ справедливости.

И все-таки он не знал, как поведет завтра в последнее сражение этих людей, доверявших ему, как богу.

Потому что он сам не верил себе.

— Асмур-крэг, — прошептал он в отчаяньи, — ты, к которому я ни разу не обратился в своих собственных горестях и заботах, скажи мне сейчас: они разумны?

Крэг разом поднял перья, не расцепляя когтей, встряхнулся, что было у него признаком отвращения, и скрипучим голосом произнес:

— Не более, чем… попугаи.

Он говорил очень медленно и с какой-то неестественной правильностью выговаривал каждый звук — еще бы, ведь крэги так редко снисходили до разговора с людьми, что иной джасперианин умирал, ни разу не услышав их голоса. Однако в эту минуту Асмур забыл о нелюдимости и высокомерии своего необычного собеседника:

— Но если это так, то разве помешают они, эти бескрылые и неразумные существа, мудрому старому крэгу, который будет парить высоко в небесах? Зачем же уничтожать остальных кентавров?

Крэг молчал, пощелкивая клювом, словно ожидая, что человек сам ответит на свой вопрос. Но Асмур молчал.

— Ты… не взвесил… всего. — Паузы стали еще продолжительнее, а голос неприятнее. — Когда-нибудь… сюда могут… прилететь существа с другой звезды.

Асмур почувствовал, что его обдало жаром стыда. Как мальчишку. И поделом. Он искал слова и не находил их.

И в третий раз прозвучал механический голос:

— Крэги… мудры, — заключил Асмур-крэг, как бы ставя точку не только на этом разговоре, но и на всех последующих,

которых, как он надеется, человек больше не затеет.

Эрл стиснул зубы. Планета должна быть очищена от скверны хищничества, и он сам закончит начатое, хотя бы потому, что иначе придется пересказывать всей дружине этот разговор.

А так он пойдет один. Нет, одному не справиться.

— Гаррэль! — позвал он, посылая свой голос в каюту младшего.

Стенки мака раздвинулись, и юноша в одном плаще и без скафандра спрыгнул на холодный камень.

— Ты звал меня, командор? — Вероятно, он не был уверен, что это ему не приснилось — ведь молчаливый эрл, скупой на разговоры, почему-то назвал его полным именем, а не боевым.

— Да, Гаррэль, Мы задержались на этой планете, а ведь она — только первая, и впереди еще девять. Завтра нужно кончать нашу охоту. На западе и востоке леса спускаются до самого океана — настолько густые, что кентаврам там делать нечего. Значит, остается крайний север — долина оврагов. Там будет трудно. В заросших оврагах легко укрыться. Ты ведь был вчера в разведке?

— Да, могучий эрл, но кентавры не думают укрываться. Это совсем особая стая, их не меньше трех сотен, и все — взрослые, сильные самцы. Они собираются на берегу, возле старой дороги. Когда мы с Флейжем пролетали над ними, они гнались вдоль самой воды, пока не увязли в болоте.

— Удирали?

— Нет, преследовали.

— Прекрасно! Гэль, помнишь место, где старая дорога, петляя между оврагами, доходит до озера с красной водой? Это видно только сверху, но вдоль озера отходит другая дорога — к развалинам древнего храма. Она изрядно заросла, однако пройти там можно. Тем более когда не глядишь ни под ноги, ни по сторонам.

— Не понимаю, командор…

— Сейчас поймешь. Ты сам сказал, что они гнались за вами, надеясь, что вы рано или поздно спуститесь на землю. Ну, так это сделаю я. Да еще велю своему вороному прихрамывать, как тетерка, уводящая лисицу от гнезда. Они бросятся за мной, и я поведу их к заброшенному храму, для бешеных жеребцов — это час, от силы — полтора. И постараюсь не давать им умерить свой энтузиазм…

— А почему не я, мудрый эрл?

— У тебя своя задача, мой мальчик. Помнишь площадку перед храмом, которая сверху кажется лужайкой для фей?

Гаррэль кивнул, напряженно вглядываясь в лицо командора и

стараясь не пропустить ни единого слова.

— Так вот, это — не лужайка. Это — мост, широкий мост. И под ним — не овраг, а настоящая пропасть. Завтра, в тот час, когда я выйду навстречу стае, ты полетишь к храму и этот мост разрушишь. Но — бесшумно!

— Я понимаю, крылатый конь…

— Проще, мой мальчик, гораздо проще. В тот момент, когда мы повиснем над бездной, я просто уйду в ничто и вернусь на корабль. На долю дружины будет только не упустить тех, кто отстанет или рассеется по овражистым склонам.

— Слушаю, мой командор!

— Ступай, отдыхай. Как только последний хищник будет истреблен, крэг твоего отца получит эту планету.

Гаррэль поклонился, не тратя лишних слов.

Асмур проводил его взглядом. Этот мальчик получит возможность вернуться домой с гордо поднятой головой, не стыдясь больше собственного пестрого крэга. Все будет прекрасно, вот только…

Что — только? Что тебе не по душе, благородный эрл?

Фа ноэ, ответил он себе. Фа ноэ.

Храм и пропасть

Дорога скользнула по краю обрыва, и он обрадовался, что с нижней петли серпантина его увидят даже самые последние. Ну, скоро и финиш. А то этот часовой грохот за спиной порядком поднадоел, да и коня все время приходится сдерживать, чтобы несвоевременно не взмыл в небо. Чуть подальше дорога вольется в ровное и довольно широкое ущелье, там можно будет до предела раззадорить преследователей, выжав из них максимальную скорость и в то же время не позволив заглянуть вперед, где им уготован такой сюрприз…

Он послал голос вперед, к стенам храма:

— Гэль, все готово?

— Да, мой командор!

— Возвращайся к дружине. Как только первые покатятся вниз, перекройте дорогу назад и не дайте никому уйти.

— Будет выполнено, могучий эрл!

Жеребцы, наседавшие сзади, тревожно заржали, словно почуяв второго врага.

— Хэ-хэй! — крикнул эрл, концентрируя на себе их внимание. — За мной, кровопийцы!

Ржанье и гортанные крики, не несшие явно никакой смысловой нагрузки, превратились в неистовый шквал. Последнее ущелье легло впереди, как стрела, и в конце его засветилась утренним светом известняковая стена полуразрушенного храма, которая, казалось, запирала это ущелье, превращая его в тупик. Кентаврам, несомненно, эти места хорошо известны — следы это выдают; теперь они гонят вперед незадачливого чужака, как обычные волки загоняют на обрыв оленя, движимые охотничьим инстинктом, а не разумом. Но лишь чужак знает, что впереди их ожидает не широкий мост, на котором его собираются припереть к храмовой стене и окружить — нет, впереди только пропасть, в которую оборвется ущелье, и будет поздно затормозить на самом краю, да и задние не дадут — слишком могуч напор и чересчур круто взят разбег.

Все ближе белая стена, сейчас из зияющего впереди проема пахнет холодом, и лишь благодаря бешеной скачке обладающие несомненной чуткостью кентавры не успеют ничего заподозрить, вот только не испугался бы конь, которому невдомек, что хозяин не только знает о зияющей впереди ловушке, но и сам ее приготовил. Асмур положил руку на гриву коня, дружески потрепал ее:

— Я с тобой, вороной, ничего не бойся, прыгай смело!

Но конь словно не узнавал хозяйского голоса, искаженного скафандром, и не признавал властной руки, и крылья его сами собой расправлялись, готовясь поднять его вместе со всадником над предательской пустотой, подстерегающей впереди…

— Не сметь!!! — крикнул Асмур, потому что преследователи, увидев взлетающего коня, могли понять всю бесцельность дальнейшей погони и в последний момент остановиться.

Он рванул застежку скафандра и, глотнув с наслаждением летящего навстречу свежего воздуха, прижался губами к теплому уху коня:

— Вперед! — и конь прыгнул.

И в тот же миг, выпрямляясь в седле, Асмур увидел, как распахнулась неразличимая доселе дверь в стене, отделенной от него провалом пропасти; седой кентавр, двойник вчерашнего, только весь в сверкающих браслетах, лентах и крапчатой татуировке, на долю секунды застыл в дверном проеме, а потом с гортанным криком метнул в падающего Асмура короткую бронзовую стрелу, напоминающую арбалетный болт. Жгучая, ядовитая боль впилась в горло, в узкую щель расстегнутого скафандра, парализуя тело, туманя рассудок и все дальше отодвигая зыбкую, существующую только в воображении границу реального мира — и того неведомого, которое называлось простым словом «ничто», ибо было слишком сложно для понимания; Асмур падал вместе с конем, а сверху, раскидывая копыта и путаясь в собственных гривах, валились обезумевшие от ужаса кентавры, и у человека оставался единственный выбор — разбиться об острые камни на дне пропасти или быть задавленным этой лавиной…

И все это видел Гаррэль.

Почему он не выполнил приказа и не вернулся к дружине после того, как разрушил мост? Он не смог бы ответить на этот вопрос, потому что ответ был чересчур прост: обыкновенное мальчишечье любопытство. То, что затеял эрл Асмур — непобедимый командор Асмур, предмет рыцарского поклонения всей дружины, — просто не могло, не смело остаться никем не увиденным такие подвиги и создавали легенды, проходящие через поколенья и века.

Но кроме Гаррэля, увидеть было некому, некому было бы и потом рассказать…

Он вернется к дружине, — сказал себе юноша. Вернется, но — чуточку позднее. И он спрыгнул с коня, взял его под уздцы и осторожно поднялся на скалу, образующую роковое ущелье. Могучий эрл и следом за ним вся эта копытная свора промчатся внизу, так что никто ничего не заметит. Гаррэль перегнулся через

обломок скалы, чтобы поподробнее все рассмотреть, но не успел приготовиться, как все уже было кончено: закованный в естественную броню вороной промелькнул, как ураган, и следом за ним в клубах пыли — распаленные преследователи. Юноша с невольной гордостью проводил глазами последний прыжок крылатого коня, как вдруг напротив, точно привидение, возник разукрашенный кентавр, и мелькнуло бронзовое оружие, и вот уже вороной падал, скрежеща по камню крыльями, которым негде было развернуться, и почему-то не происходило главного — эрл Асмур не уходил в ничто, а продолжал падать в ледяную черноту расщелины. Гаррэль вдруг понял, что эрл не в силах совершить этот переход, и уже не раздумывал ни единой доли секунды.

Оттолкнувшись от уступа, юноша прыгнул вниз, представив себе зыбкую грань перехода и сразу же за ней — близкое дно пропасти; в следующий миг он уже был там и падал, но лететь ему оставалось совсем немного и главное — недолго; сверху на него уже рушился обезумевший от страха конь с бесчувственным всадником, и Гаррэль, коснувшись гривы вороного, последним усилием воли захлестнул себя, Асмура и коня в единый волевой кокон, послав все это в спасительную пустоту, доступную только джасперианину, и дальше, через нее — на ковер командорской каюты.

Ему не хватило сотой доли секунды — донные камни ущелья полоснули по скафандру, но сверхпрочная ткань выдержала; зато не прикрытые защитной пленкой штаны и сапоги лишь в виде лоскутьев донеслись до корабля на порядком ободранном теле их хозяина. Почесывая ссадины, он осторожно приподнялся — прямо перед ним, занимая всю середину центрального помещения, распластался крылатый конь, судорожно вздымающий бока и заходящийся хрипом; командор лежал по ту сторону конской туши, и пепельный Асмур-крэг, осторожно вытягивая крылья из-под лиловой ткани, выбирался из расстегнутого скафандра. Наконец, это ему удалось, он взлетел на спинку командорского кресла и встряхнулся — кровавые брызги полетели по каюте.

— Асмур-крэг, ты ранен? — крикнул юноша, инстинктивно порываясь прийти на помощь сначала поводырю, а затем уже — человеку.

Крылатое существо еще раз брезгливо встряхнулось и отвернуло голову в сторону, не удостаивая юношу ответом. Ну и ладно. Самое время заняться командором. Гаррэль оперся о бок коня, намереваясь без околичностей перебраться прямо через это естественное заграждение, но вороной, почуяв руку чужака, тут же вздыбил отточенные пластинки чешуи, так что юноша едва успел отдернуть ладонь.

— Фу ты… — пробормотал он и побрел в обход, опираясь о стены каюты, потому что известный своим норовом вороной мог еще и лягнуть в избытке благодарности; но когда Гаррэль добрался, наконец, до окровавленного тела командора, он застыл в нерешительности — короткая бронзовая стрела торчала из горла, и даже неопытный воин прекрасно понимал, что значит тронуть ее.

Между тем Асмур медленно открыл глаза, упершись невидящим взглядом в потолок. Гаррэль в отчаяньи обернулся к пепельному крэгу, но тот и не подумал вернуться к своему хозяину. Понимал ли эрл, что находится уже в безопасности, в собственном корабле? Или мысли его были далеко?

— Мой командор… — прошептал юноша.

По тому, как мгновенно исказилось залитое кровью лицо, Гаррэль понял, что тот прекрасно представлял себе — и где он, и что с ним; одного предводитель звездной дружины не мог даже вообразить: что кто-то из подчиненных посмеет без его позволения проникнуть в его каюту.

— Ты… — прохрипел он, — не в бою?..

Красная струйка побежала у него из уголка рта.

— Пока… хоть один… — больше он говорить не мог, но рука в лиловой перчатке поднялась и твердым жестом показала Гаррэлю — «уходи!».

— Повинуюсь, великий эрл! — проговорил юноша сквозь стиснутые зубы, перебрасывая свое содрогающееся от рыданий тело туда, на вершину скалы против храма, где ждал его боевой конь и еще восемь крылатых всадников, паря над лесом, зорко высматривали отставших хищников, готовые и без приказа

командора не знать ни сна, ни отдыха до последней минуты их кровавой охоты…

И длилась она еще два дня.

Когда же на исходе второго дня оранжевое солнце, истекая неистовыми протуберанцами, клонилось к притихшему океану, истомленные кони в последний раз облетели зеленый остров с его лесами и пирамидами, оврагами и руинами храмов. Мелкое зверье копошилось в траве, ужи и ящерицы ловили последнее тепло уходящего дня, но ни одного чудовища не было больше на планете, принадлежащей созвездью, где от кентавров осталось одно название. Длинные вечерние тени от летящих коней прочерчивали необозримый кратер, оставленный аннигиляционным взрывом на месте семейства вулканов; если бы не след движения заряда — спиральная борозда, усыпанная пеплом, этот кратер легко можно было бы принять за место падения крупного метеорита; теперь же непосвященный встал бы в тупик, пытаясь объяснить это чудо природы — оставалось предположить, что здесь когда-то прилегла отдохнуть улитка с диаметром раковины в несколько десятков километров.

Когда-нибудь и это порастет травой и кустарником, да и вопросов задавать будет некому — планета, как священным табу, охраняется присутствием старого крэга.

— Пора возвращаться, — усталым голосом проговорил Эрромиорг из рода Оргов, старший дружинник.

Жалея коней, они образовали единый кокон и перенеслись в одно мгновение к подножью серых пирамид. Спешились, не решаясь войти внутрь корабля. Гаррэль ловил на себе невольные взгляды — после того, что он рассказал своим товарищам о трагическом завершении эпопеи с ловушкой, все почему-то ждали от него новых сведений о командоре. Да и он сам ждал, ждал напряженно, каждую минуту, днем и ночью — какого-нибудь шепота, призыва, может быть — даже слов прощания…

Ничего не было. А пропустить он просто не мог.

Вот и сейчас смотрели на него, а вовсе не на старшего, и юноша, сжав губы, помотал головой — он скорее согласился бы умереть, чем еще раз услышать это хриплое «а как ты посмел…»

Кони, изогнув шеи, склонились над редкими травинками, пробивающимися в трещинах между плоских камней, но ни один не коснулся губами тощей зелени. «Дурной знак, — прошептал Скюз, знаток примет и предзнаменований. — Дурной знак…»

И словно в ответ на его слова матово-желтая, как человеческая кожа, стенка мака треснула, образовавшийся проем распахнулся, как будто раздвинутый руками на полный размах, от плеча до плеча, и, чуть не задев дружинников по шлемам

скафандров, оттуда вылетел редкоперый белесый крэг, которого Гаррэль, отправляясь на охоту, оставил в командорской каюте. Древние боги! Да это было как подарок, как глоток родниковой воды, как слово из уст невесты! Дружный вопль раздался под вечерним небом, куда подымался, не издав ни одного прощального звука и даже не оглянувшись, сивый крэг. Но не этому согласию на отвоеванную у монстров планету радовались юноши — стена раздвинулась, произойти же это могло только тогда, когда человек посылает приказ-импульс. А человек внутри корабля был только один.

Значит, он жив!

Гремя подковками походных сапог и сбрасывая на бегу клейкую пленку скафандров, они вбежали внутрь, в галерею окружных малых кают, и замерли, положив ладони на выпуклую стену центрального помещения. Стена была непрозрачна.

— Командор, — негромко проговорил Гаррэль, посылая свой голос туда, в самое сердце мака. — Крэг моего отца принял эту планету…

Это значило, хотя и было не договорено — «следовательно, нам пора уходить».

Он ждал в ответ голоса, но вместо этого стена под его ладонями начала светлеть, приобретая дымчатую прозрачность топаза, и командорская каюта, блекло мерцающая отсветами настоящей свечи, открылась их взорам.

Конь по-прежнему занимал всю середину помещения, расправив израненные, но уже смазанные бальзамом крылья, а возле него, в откидном кресле, полулежал эрл Асмур — готовый к походу, в застегнутом поясном скафандре. Раскрытый том «Звездных Анналов» покоился на ковре возле самого кресла.

Рука в темно-лиловой перчатке поднялась в повелительном жесте, призывающем к вниманию, и затем опустилась вниз, коснувшись раскрытой страницы. Двух мнений быть не могло: командор указывал на схему, изображавшую систему Серьги Кентавра. Под указующим пальцем скрылась красная точка — третья, следующая от центрального светила планета.

Миры для крэгов

Зато следующие четыре планеты были к ним благосклонны. Почти одинаково прохладные, покрытые причудливой растительностью, но не обремененные даже намеком на зарождающийся разум, они, казалось, были специально созданы для тихого уединения, и еще четыре крэга покинули мак, по своему обыкновению не попрощавшись и даже не взглянув на людей, рядом с которыми провели столько лет.

Командор поправлялся. Сначала его вороной выходил на прогулки один — пощипать бледно-розовую травку или выкупаться в пенящемся бесчисленными пузырьками озере; но на последней планете Серьги, где имело смысл устраивать привал, эрл Асмур вывел своего коня сам — впрочем, как всегда настороженный, готовый к любой неожиданности, ни на секунду не расстегивающий скафандра. Молодежь тихонечко покачивала головами — похоже, что пора безрассудной удали ограничилась всего-навсего одной охотой.

Серьга Кентавра была исчерпана, приходилось искать другие звезды с удобоваримыми планетами, и ближайшей оказалась Уздечка. Правда, из трех звёздочек, составляющих почти прямую линию, планета обнаружилась только у одной, да и то весьма сомнительная — острые, как сталагмиты, частые пики, подножье которых обросло розовой мимозой. Из этих пушистых зарослей выскальзывали покрытые радужным опереньем питоны; они обвивались вокруг каменистых торчков и, цепляясь за мельчайшие неровности, поднимались до самого верха — видимо, из чисто спортивных соображений, так как охотиться на крутом пике было не на кого. Достигнув верхушки, они свивались в сказочное кольцо и бросались вниз, на зонтичные кроны деревьев. Люди, плавно кружа на своих крылатых конях, никак не могли оторваться от захватывающего зрелища, но старого крэга, которому предназначалась эта планета, переливы красок на пернатых гадах в восторг не привели. Он облюбовал себе несколько острых пиков и попросил выжечь лес до самого горизонта.

Пожеланье крэга — закон, и дружинники ринулись было за портативными огнеметами, когда властный жест эрла Асмура остановил их.

Он уже по-прежнему сидел в седле, но до сих пор никто не услышал ни единого слова, которое вырвалось бы из его изуродованного горла. Не сказал он ничего и сейчас, а просто спустился к маку, приземлившемуся на лавовом плато, и вскоре

вынес оттуда две седельные сумки, набитые дымовыми шашками. Это была добрая игра — гнать пернатых змеев и прочее непернатое зверье из обреченного леса, и приунывшие было дружинники натешились всласть, с раннего утра и до темноты с гиканьем и свистом гоняясь между ощерившихся каменных пиков, облюбованных крэгом. Дымом и ракетами гнали они непонятливых питонов прочь, и предводитель — единственный молчаливый всадник — во всем остальном не отставал от их рыцарской забавы.

Пристрелить пришлось только одного змея — в какой-то миг зазевавшийся Пы, вообще не отличавшийся особым проворством, спустился до самых древесных крон — и тут же был схвачен перистой живой петлей. Он не успел даже вскрикнуть, как следовавший рядом Скюз, и без того прославившийся своей меткостью, послал точечный заряд десинтора прямо в глаз агрессивному пресмыкающемуся. Это послужило уроком остальным, и до самого захода солнца звездная дружина на деле постигала истину, что бескровные игры веселее и азартнее кровавых.

Когда же солнце село и быстрая темнота сделала дальнейший гон бессмысленным — да и гнать, собственно, уже было некого, лес запылал. Черно-алое море огня, из которого выступали редкие торчки скал, разливалось все шире и шире, то взрываясь снопом искр, то покрываясь змеящимися струями дыма. Вообще-то приказ крэга был уже выполнен, и дальше следить было не за чем, но оторваться от величественного зрелища было просто невозможно, и крылатые всадники парили в ночном небе, то уходя к волнистым облакам, то спускаясь так низко, как только могли выносить опаляющий жар их кони, опьяненные этой огненной скачкой.

И вдруг… Все случилось слишком быстро, чтобы кто-нибудь смог вмешаться — хотя и вмешиваться-то было не во что; но на одном из таких виражей вороной конь Асмура, явно направленный властной рукой своего седока, резко пошел вниз и вдруг камнем упал в дымный, еще не успевший вспыхнуть куст.

Дружный вопль ужаса пронесся над пылающим лесом, и все девять оставшихся всадников тут же повернули коней, чтобы броситься следом, но вороной уже взлетел, подрагивая опаленными крыльями, и, сделав над пожарищем последний круг, направился к стоянке мака.

Когда не успевшие оправиться от этого потрясения дружинники опустились на стоянку, Асмур как ни в чем не бывало сидел возле маленького водопада, и вороной подставлял под искрящиеся от лунного света струи свои многострадальные

крылья.

Никто не посмел задать ни одного вопроса — да в этом и не было необходимости: командор был волен поступать как ему вздумается. Тем более что юноши поняли, какая причуда толкнула в огонь их предводителя: рядом с ним на черных камнях лежал ворох радужных перьев. Мона Сэниа… Ради нее любой из них пошел бы и не на такое безрассудство.

И этот поступок раненого рыцаря, вырвавшего из моря огня сказочный подарок для своей невесты, сделал их отношение к нему равным поклонению.

Но оказалось, что это — только начало. Бес удальства и собирательства вселился в воинственного эрла, да и планеты, как на грех, все оказывались с изъяном — приходилось прикладывать немало трудов и смекалки, чтобы удовлетворить капризы крэгов и… неожиданные причуды командора.

На Уздечке планет больше не было — пришлось отправляться к дальним звездам, Седлу и Крестцу. Было, правда, еще одно солнышко — в «Анналах» оно носило интригующее название Чакра Кентавра; поскольку же на старинном рисунке, изображавшем рахитичного кентавра, это светило размещалось как раз в середине лба, между ушами и глазами, то у дружинников оно получило завидное прозвище Звездочка-Во-Лбу.

Но странное дело — за полторы тысячи лет побывать здесь было некому, и тем не менее название этого солнца было зачеркнуто жирным крестом, а на полях страницы твердым мужским почерком значилось: «Звездные волки!».

Командор не нуждался ни в советах, ни в одобрении — он попросту оставил Звездочку-Во-Лбу в стороне и пошел прямо на Крестец.

Оставалось еще четыре крэга, из них больше всего опасений внушал отцовский поводырь Дуза — привыкший к тропической жаре, он отказывался от одной планеты за другой, предоставляя свою очередь тем, кто был не столь теплолюбив. Целая цепочка планет Крестца, однако, тоже не обещали быть жаркими, к тому же большинство было просто газовыми гигантами. Одна, правда, оказалась так хороша, что даже напомнила звездным скитальцам их родной Джаспер; но на дневной стороне, постоянно обращенной к светилу, самое удобное для обитания место было занято какой-то доисторической башней, совершенно очевидно сооруженной звездными пришельцами с других планет.

Башня не помешала бы крэгу и даже, наоборот, служила бы ему превосходным насестом, если бы не одно обстоятельство: уходя своей вершиной в грозовые облака, она служила превосходным коллектором для собирания атмосферного

электричества, а так как не имела громоотвода (по всей вероятности, когда-то он был, но за давностью пришел в негодность), то каждые тридцать секунд с венчающего ее шара срывалась мощнейшая молния, бившая во что попало — и, естественно, ни крэгу, ни людям отнюдь не улыбалось, чтобы попало именно в них.

Однако пожелание крэга — закон, а ему возжелалось стереть злополучную башню с лица планеты. Сделать это было чрезвычайно легко, и младшие дружинники решили, что сия задача непременно перепадет именно им. Сразу же после слов крэга Гаррэль, Ких и Пы шагнули вперед, вызываясь добровольно изничтожить обреченную башню.

Но эрл Асмур словно и не заметил их порыва. Обиженная молодежь недоуменно переглядывалась, а он, надменным движением руки запретив им даже подыматься в воздух на своих конях, отправился неторопливым шагом вперед, где на желтом песке еще не попадалось стеклянистых пятен от ударов электрического разряда. Он не дошел примерно двухсот шагов до хорошо видимой границы реальной опасности, как вдруг четкий контур его фигуры размылся и исчез: осторожный эрл ушел в ничто.

И в ту же секунду громовой удар потряс воздух — и на том месте, где только что виднелся темно-лиловый силуэт, ослепительный столб огня врезался в землю.

Молодежь заметно присмирела.

Асмур же, вернувшийся к кораблю так своевременно, точными скупыми движениями перебрасывал зарядные шашки к самому подножью башни. А затем он вскочил на коня и, все так же жестом запретив себя сопровождать, удалился в сторону горных озер.

Трудно сказать, сколько времени ждала звездная дружина, не зная, ЧЕГО им нужно ждать. Наконец, справа от башни, шагах в пятистах, возникло какое-то движение — на песке растекалось озерцо, тускло и тяжко поблескивающее при каждой вспышке молний. Оно стремительно росло — угадывалась умелая переброска вещества, несомненно производимая руками и волей их командора, и по мере этого роста молнии, словно притянутые, нацелились именно туда, в стылую поверхность, в которой юноши только сейчас признали самородную ртуть.

Молнии, уже не отвлекаясь в другие стороны, били исключительно в подставленную им мишень, подымая облако ядовитых испарений, а у подножья башни появлялась на десять-пятнадцать секунд и тут же исчезала гибкая проворная фигура в темном полускафандре, со знанием дела размещавшая заряды

возле башенных опор. Да, он умел сочетать удаль с осторожностью, их командор, и когда последние капли ртути испарились под ударами молний, все было сделано. Дрогнула земля, и десять коней разом заржали, пригибая головы, а башня, изламываясь и прочерчивая в грозовом небе медленную дугу, уже падала, рассыпаясь ржавым прахом.

И седьмой крэг пошел в высоту, покинув корабль.

Осталось трое.

Нужно было перебираться на следующую планету, но Асмур и здесь помедлил — вернулся на то место, где его чуть не испепелил дальний разряд, и выкопал из песка трубчатый стеклянистый сгусток — след удара, след промашки судьбы.

И — еще один перелет.

Четвертая Крестцовая была ординарна и, как того опасались все дружинники, снова напугала теплолюбивого Дузова крэга. Зато Сорк получил простейший приказ — всего-навсего спустить воду из горного озера, расположенного в самой середине причудливо изогнутого полуострова. Что-то трепыхалось в его глубинах, безобразное и неповоротливое, изредка показываясь на поверхности и вступая в явный конфликт с эстетическими концепциями крэга.

Спустить воду, подорвав перемычку, отделявшую озеро от соседней долины, было бы делом нескольких минут, однако и тут Асмур почему-то задержался. Он снова собственноручно разместил заряды, и когда прогремел взрыв, вода потекла весьма умеренной струей, постепенно обнажая покрытые тиной откосы. Кружа над понижающейся поверхностью воды, Асмур внимательно всматривался в глубину мелеющего озера, и дружина постепенно присоединилась к нему, хотя он не делал никакого знака и даже не пытался разъяснить, что задумал. Наконец воды осталось не более чем в человеческий рост, и тогда в ней панически забились, подыхая от ужаса, головастые сине-зеленые твари.

Многие из них были раза в два крупнее самого большого коня; бесформенная голова с необъятной круглой пастью и пучком гибких усов над нею переходила в конусообразное тело, окаймленное двумя полотнищами плавников. Это была помесь гигантского бычка со скатом, и было в неповоротливых тушах что-то бесконечно безобидное и жалкое.

Звездная дружина — существо крайне пластичное и податливое на внешнее воздействие; возможно, у другого командора эти же самые юноши сейчас с восторгом принялись бы расстреливать подыхающих животных — то ли от охотничьего азарта, то ли из стремления как можно скорее закончить

затянувшийся поход и вернуться, наконец, на желанный Джаспер.

Но здесь никто не выказал ни малейшего нетерпения, и все, наверное, одновременно почувствовали жалость к этим нелепым тварям.

Командор взмахнул плащом, привлекая их внимание, и широким жестом указал вдаль — туда, где уступы гор спускались к едва видимому отсюда морю. Но юноши уже поняли, они улавливали каждую мысль своего предводителя если не с полуслова, то с полужеста; и когда он, снизившись до самой воды, привстал на стременах и, оттолкнувшись от шеи коня, перескочил на хребет водяному чуду, все последовали его примеру, и десять замерших от изумления тварей вместе с людьми на их спинах разом растаяли, словно их и не было, чтобы через долю секунды очутиться уже в морской безбрежной стихия.

И это тоже была добрая охота, и дружинники, мокрые с головы до ног, состязались друг с другом в скорости, а воды в бывшем озере уже совсем не осталось, и к последним страдальцам пришлось брести по колено в тине, и началось новое состязание — погоня за детенышами, которые старались зарыться в ил. Тут в дело вмешались кони, зараженные порывом людей, и их чуткий нюх и сильные копыта помогли откопать несколько десятков препотешных головастиков, которых можно было уже не переносить в морскую пучину, а просто туда швырять; но когда последний был спасен, все, не дожидаясь приказа, ринулись в воду — смывать грязь и тину, которая делала их похожими на водяных духов.

Море было прозрачно и безопасно, и обнаженные тела юношей, разгоряченные рыцарской потехой, плескались и кувыркались в пенистой голубизне волн, и только эрл Асмур, первым окунувшийся в воду, не снимая, как всегда, скафандра, стоял на страже, зорко оглядывая берег и небо с прибрежного утеса. Да, если подумать, странный получался поход… Как будто бы и битвы были, и опасности, и трудности. И в то же время подвиги всегда были добрыми, перелеты — всегда удачными, забавы — всегда благородными. Словно не тяжкий сыновний долг отдавали они, а показывали удаль и доблесть на славном турнире. И еще одно: была во всем этом какая-то ненасытность, неутоленность, словно предстояло натешиться на всю жизнь, которая больше никогда не будет ни такой радостной, ни такой беззаботной, ибо самую тяжкую долю всегда нес на себе их командор. Вот и сейчас: они плещутся, гоняясь за морскими угрями, а он застыл, как изваяние, на прибрежной скале, и белый гибкий ус спасенного чудовища намотан на лиловую перчатку. В этом тоже была какая-то странность: не было планеты, с которой

благородный эрл не унес бы подарка для своей царственной невесты.

И в то же время не возникало ни одного повода заметить, что он спешит на Джаспер…

Мокрые и счастливые, уносящие в волосах кристаллики соли и на губах — морской ветер, юноши вскакивали на коней и возвращались на корабль. Последним покинул берег эрл Асмур.

Перелет оказался счастливым: планета, на которую они опустились, прожаренная солнцем и окутанная плотными сернистыми газами, не позволила бы людям сделать ни единого вдоха, но тем не менее привередливый крэг, за которого так боялся Дуз, благосклонно кивнул в знак согласия и навсегда покинул мак, напустив в раскрывшуюся на миг Дузову каюту нестерпимой вони. Да, неисповедимы причуды крэгов… Но теперь остался только один — поводырь матери командора, Тариты-Мур. И одна звезда— Седло Кентавра.

Звездочка-Во-Лбу

Здесь было только три планеты, и две из них пришлось обойти стороной: они были густо заселены какими-то разумными существами. Может быть, в чьей-то душе и шевельнулось завистливое воспоминание о тех далеких временах, когда люди Джаспера свободно путешествовали по необозримым звездным просторам, исследуя чужие миры и радуясь даже отдаленному намеку на разум… Теперь для этого не было ни времени, ни людей. Исполнить сыновний долг — и скоренько возвращаться домой, где и без того слишком много забот и с каждым поколением — все меньше обитателей…

Поэтому высадились прямо на третью планету, молчаливую, с жиденькой атмосферой и громадной дымной впадиной, где чадили естественные выходы горючего газа. Здесь, похоже, жизнь и не думала зарождаться, тем не менее крэг, поднесенный к краю этого древнего метеоритного кратера, брезгливо отвернулся и скрежещущим голосом, каким говорят с людьми крэги (никто не слышал, чтобы они переговаривались между собой), произнес:

— Камни.

Все недоуменно переглянулись: камни как камни. Крэг не отказывался от планеты, но что значили его слова? Что камни следует убрать? Уничтожить?

Асмур бережно отнес материнского поводыря обратно на корабль и осторожно спустился в дымную долину. Здесь, на порядочной глубине, кислорода хватало, чтобы поддерживать горение естественных факелов, но чтобы жить… Почему же тогда крэг невзлюбил какие-то мертвые камни? Они попадались то тут, то там, и во всей долине их насчитывалось не более сотни. Их странно правильная прямоугольная форма наводила на мысль, что это — огромные кристаллы. Асмур провел по поверхности одного — под слоем пыли действительно заблестела изумрудно-зеленая грань исполинского берилла. Следующий отливал лиловато-сиреневым аметистом, а чуть дальше чернел турмалин. Чем они пришлись не по душе крэгу?

Вопрос был праздным: пожелание крэга — приказ. Взмахом руки командор созвал дружину, и все вместе они попытались поднять или сдвинуть с места самый скромный из этих кристаллов — поставленный на малую грань, он достал бы Гаррэлю до груди.

Но камень не сдвинулся с места.

Рукояткой десинтора Асмур попытался отбить уголок — камень был неуязвим. Острие кинжала о него тупилось,

плазменный разряд не оставил на поверхности никакого следа.

Дружинники переглянулись. Борб пожал плечами и отправился к маку за переносным аннигилятором, а настойчивый эрл тем временем перепробовал на зеленом кристалле все возможные калибровки своего десинтора. Борб, волоча на загривке тяжелый агрегат, уже возвращался от корабля, как вдруг до дружинников донесся его изумленный крик:

— Древние боги! Они же движутся!..

И действительно — сиреневый каменный брус медленно приближался к Асмуру, словно его толкала невидимая сила. Эрл сделал знак дружинникам, и они расступились. Теперь в тишине, нарушаемой только потрескиванием пламени, отчетливо был слышен скрип песка — зеленый и лиловый камень ползли навстречу друг другу, наращивая скорость, а между ними стоял Асмур.

— Берегись! — крикнул Гаррэль, но эрл опередил его предостережение и, оттолкнувшись от упругой почвы, резко отпрыгнул в сторону. В тот же миг раздался громовой грохот, и радуга мельчайших осколков взметнулась над тем местом, где две монолитные глыбы столкнулись с такой силой, что обе рассыпались на куски.

— Эрл Асмур!..

Еще два камня сшиблись с орудийным грохотом, и снова Асмур, повинуясь какому-то инстинкту, успел отскочить. А слева и справа, набирая скорость, сближалась новая пара нападающих — теперь уже можно было отступать в сторону без паники, потому что глыбы подчинялись простейшим правилам игры: во-первых, приходили в движение те из них, между которыми оказывался предводитель дружины, и никто другой, а во-вторых, ползли они только по прямой, переходя в стремительное скольжение лишь тогда, когда между ними оставалось не более шести шагов.

Эрл нетерпеливо махнул рукой — всем отойти как можно дальше, чтобы люди или ползучий дым не помешали ему вовремя заметить надвигающуюся опасность. Быстро темнело, и красноватые блики естественных факелов, отражаясь в бесчисленных осколках уже разбитых камней, рассыпали кругом мириады разноцветных искр, придавая этой странной игре вид экзотического представления. Но теперь Асмур сам выбирал себе нападающих, становясь между ними и хладнокровно наблюдая, как кристаллы с тупой размеренностью набирают мощь для смертельного удара, не предполагая в противнике большей проворности, чем имели сами. И, недоступные воздействию человеческого оружия, погибали, разрушая сами себя…

Грохот и снопы каменных брызг прекратились внезапно — оглядываясь по сторонам, Асмур вдруг с удивлением увидел, что в долине не осталось ни одного целого камня. Мелкие осколки, по которым нельзя судить о строении, загадочных монолитов… Он покачал головой — жаль, увлекся. Эрл медленно пошел к кораблю, нагибаясь и подбирая сверкающую самоцветную мелочь, и Гаррэль, с непонятно почему пробудившейся жалостью глядевший ему вслед, мог бы прозакладывать голову, что с каждым шагом он все неохотнее и неохотнее подымается по склону.

Командор не хотел возвращаться!

Когда-то это промелькнуло невероятным предположением — теперь догадка стала уверенностью. Но — почему?

Эрл Асмур добрался до края кратера, где мерцающей нездешней громадой высился их девятигранный мак. Не оглядываясь, открыл раздвижной люк и исчез внутри. Спутники, не шевелясь, следили за его движениями — то ли всем передалось настроение Гаррэля, то ли они сами что-то почувствовали…

— Пусть он простится с Тарита-крэгом, — прошептал Эрм.

Они ждали, глядя в безлунное небо — белое крылатое существо, как бы быстро оно ни поднялось, не могло остаться незамеченным. Но время шло, а крэг не появлялся. От дыма и напряженного вглядывания в темноту глаза начали слезиться, что-то мелькало, и чудилось — как будто над кораблем расправило крылья нечто темное и бесплотное, словно сама ночь; ждать дальше было бесполезно, и все, движимые странным предчувствием, заторопились к маку.

Стенки центрального помещения были медово-прозрачны, и в кресле, уронив на пол толстую книгу «Анналов», полулежал эрл Асмур — совсем как в тот вечер, когда они вернулись после охоты на кентавров. Сколько с тех пор утекло времени, сколько чужих миров они повидали — и за все эти дни они не услышали от своего командора ни единого слова.

Страшная догадка перехватила дыхание, и Гаррэль понял, почему прославленный воин не торопится домой, к своей царственной невесте: он потерял дар речи!

Но в этот миг, словно в ответ на его догадку, эрл Асмур поднял голову, как всегда, защищенную непрозрачной пленкой скафандра, и рука в темно-лиловой перчатке инстинктивно сжала горло:

— Тарита-крэг не согласен, — послышался очень тихий, хриплый до неузнаваемости голос.

Рука в перчатке опустилась и легла на книгу, указывая на

последнюю звезду, где они еще не побывали, — запретную Чакру Кентавра.

Ту самую, которую кто-то любовно прозвал Звездочкой-Во-Лбу…

К ней подходили неторопливо, заранее отметая неподходящие планеты, а таких было большинство: или чересчур жаркие, или слишком большие, а одна, к прискорбью, была заселена неведомыми гуманоидами с фантастической плотностью. Оставалась последняя — такая же каменистая и безлесая с жиденькой тухлой атмосферой, как и та, от которой Тарита-крэг уже отказался. Командор подвесил мак в безвоздушном пространстве, давая крэгу возможность полюбоваться на вакантное обиталище со стороны. Дружинники, уже насмотревшиеся на самые разнообразные планеты и вблизи, и издали, бесцельно слонялись по соседским каютам, готовые к возвращению домой — и всеми силами скрывавшие эту готовность; и только Скюз, меткий стрелок, разглядывал не планету, а точечное скопище чужих светил, словно высматривая себе подходящую цель.

— Командор! — внезапно разнесся по всем отсекам мака его голос. — Мы кого-то догоняем!

Перепрыгнув через коня, по своему обыкновению валявшегося посреди помещения, Асмур кинулся в малую каюту, откуда донесся призыв. Стена, которую Скюз почти всегда держал в состоянии кристальной прозрачности, была обращена не на красновато-бурую поверхность планеты, а в черноту межзвездного пространства. И оттуда, как бы рождаясь на глазах, неторопливо всплывал какой-то причудливый кокон, который в первый миг все приняли за живое существо, потому что на нем отчетливо виднелись многочисленные шипы, хвосты и глаза, правда, расположенные самым нелепейшим образом. Когда межзвездное чудовище, размерами чуть поменьше их мака, разинуло рот, кое-кто из дружинников, столпившихся за спиной своего предводителя, готов был бежать к пульту анн-защиты.

Командор молча наблюдал.

И тут из черного круглого зева медленно выползли два существа. Покрытые длинной белесой шерстью, отливающей металлом, с единственным красновато-фосфорическим глазом, они мерно покачивались возле своего жилища, сцепившись голыми крысиными хвостами, словно купались в черной ледяной пустоте. Мертвящей жутью веяло от этих циклопов, и непонятно было, что же внушает такой ужас — волчье мерцанье глаза, настороженное шевеление смертоносных клешней или чуткий, подрагивающий хобот, готовый, казалось, мгновенно высосать

кровь из своей добычи.

И в этот миг за спиной прозвучал властный голос Тарита-крэга:

— Звездные волки! Уничтожьте их!

Дружина разом отпрянула от окна, готовая ринуться выполнять столь естественный приказ, но командор остановил их.

Эрл Асмур, как и в первый раз, невольно поднес руку к горлу. Голос его прозвучал еще тише — однако за немощью звуков стояла такая несокрушимая воля и столь укоренившаяся привычка повелевать, что не было на корабле ни единого человека, который посмел бы ослушаться могущественного эрла, когда он произнес:

— Захватить живыми.

Тарита-крэг, которому перечили впервые в жизни, возмущенно захлопал крыльями и взлетел к потолку командорской каюты, словно готов был покинуть мак прямо сейчас, а потом, гневно щелкая когтями, ринулся к себе в алтарный шатер. Если бы вся дружина не была занята поспешным натягиванием полных скафандров, может быть, кто-нибудь и заметил бы, что крэг словно хочет сказать что-то и не решается.

Один только Гаррэль вдруг на миг остановился и недоуменно перевел взгляд с пола каюты, где светился круглый иллюминатор, на командора: ведь с того места, где лежал старый крэг, была видна планета, но уж никак не обиталище звездных волков…

Однако его товарищи, уже одетые и застегнутые наглухо, торопливо выметывались навстречу неведомым и отвратительным хищникам, и он заторопился вслед, не подозревая о том, что с этой минуты круто меняется судьба не только командора и его дружины, но и всего Джаспера.

А с другой стороны…

Что-то тяжелое шлепнулось рядом на пол, послышался скрежет, потом на долю мгновения словно раздвинулся театральный занавес, и в проеме означилась медовая желтизна, в которой плавало изваяние дракона; что-то мелькнуло, но слишком поспешно, чтобы в нем можно было распознать человека или животное. И занавес сомкнулся.

Навалилась абсолютная темнота.

Юхан полежал еще несколько минут, потом осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, перевалился со спины на бок и включил нагрудный фонарь.

Полукруглая стена, переходящая в потолок, а с другой стороны — крупноячеистая решетка, превращающая этот сегмент в темницу. И на полу — второе тело в скафандре, лицом вниз. Юхан подполз, приподнял неподвижное тело за плечи, легонечко встряхнул. В шлемофоне послышалось сдержанное мычанье.

— Юрг! — позвал он шепотом. — Юрген!

Глаза под прозрачным щитком приоткрылись, и Юхан поспешно выключил фонарь.

— Больно, Юрик? — спросил он участливо.

Вместо ответа тот, кого он называл Юргеном, сел и в свою очередь включил фонарь.

— Перебьюсь, — ответил он, морщась. — Драться в гостях при погашенной иллюминации— дело дохлое.

— Было бы с кем, — вздохнул Юхан. — Впрочем, тут что-то нам подкинули…

— Где? — насторожился Юрген, шаря лучом по полу.

В световом круге заискрился морозным инеем какой-то кирпич. Две головы в шлемах разом нагнулись над ним — это был здоровый брус хорошо промороженного мяса.

— Бред какой-то, — оценил ситуацию Юрген. — Не трогай, Юхан, вдруг это человечина… Перейдем-ка к интерьеру.

Решетка из прозрачных прутьев в палец толщиной была явно раздвижной, но стык смыкался намертво, не поддаваясь прогибу и уж никак не желая отворяться. В крупные ячеи прошла бы рука, но для этого нужно было снять скафандр. К тому же никакого замка с той стороны видно не было. Зато справа, возле стены, к решетке была прикреплена поилка, наполовину наполненная прозрачнейшей водой, над поилкой виднелась дверца — по-видимому, отсюда и был заброшен мороженый деликатес. И чем дольше они глядели на откидную дверцу, небрежно закрученную проволокой, тем больше приходили в недоумение.

Дверца была не крупнее форточки, но мало-мальски тренированный человек мог пролезть в нее без особого труда.

— А ээти с прииветом, — пробормотал Юхан, как всегда, от волнения впадая в удвоение гласных. — Замууровали, называется!

Юрген посмотрел на часы.

— Так. Запас кислорода — на три часа. Из них два пятнадцать уже прошли. Я снимаю скафандр. Ты — только по моей команде.

— Это почемуу же?..

— Потомуу, что я — командир станции!

— Так где та станция…

Гражданин Финляндии, полковник военно-воздушных вооруженных сил Юхани Туурсвалу был человеком дисциплинированным, но обожал флегматично препираться. Это у него органично сочеталось.

Сейчас возражать дальше не имело смысла, потому что командир уже расстегнул скафандр.

Снял шлем.

— Дышится, — сказал он удивленно. — А ну подсади…

Оставшись в тренировочном костюме и толстых шерстяных носках, он двигался непринужденно и бесшумно и детскую задачку с форточкой легко мог бы решить и без помощи бортинженера. Очутившись по ту сторону решетки, он осторожно подкрался к занавеске, приоткрыл щелку и заглянул в слабо освещенное помещение. Несколько секунд он стоял, окаменев от изумления, потом тихо повернулся и махнул рукой — разоблачайся, и поживее!

Юхан, настороженно наблюдавший за каждым его движением, мог бы поклясться, что на лбу командира выступили крошечные капельки пота. Он в один миг скинул скафандр, радуясь тому, что именно в этом полете перешли на облегченную модель, подтянулся на руках и с обезьяньей гибкостью, не утерянной к тридцати семи годам, выскользнул наружу и встал плечом к плечу со своим командиром.

Юрген осторожно повернул голову и посмотрел на своего бортинженера с надеждой: может быть, его самого обманывали глаза, и открывшееся им — плод воображения? Но у Юхана тоже медленно отвисала челюсть — значит, не чудилось.

Мало того, что у противоположной стены спал, прикрыв морду крылом, иссиня-черный дракон; но на фоне этой темной громады на пестрых подушках, небрежно брошенных прямо на ковер, мирно почивало самое пленительное создание, какое только могло возникнуть в воображении земного мужчины.

— Сатана перкеле! — прошептал Юхан, исчерпывая этим весь свой арсенал крепких выражений.

Для человека, два часа назад взятого в плен посредством самого непостижимого и откровенно разбойничьего нападения со стороны каких-то лиловых головоногих, это зрелище было столь ирреально, что он перешел на язык жестов и красноречиво поднял большой палец. По-видимому, это должно было означать: «Если сия особа — предводительница пиратов, то я — руками и ногами за космический разбой!»

Командир орбитальной станции «Марс-3» летчик-космонавт Юрий Брагин, ценитель женской красоты и человек стремительных решений, что тоже в нем органично сочеталось, показал в ответ два пальца и выразительно пожал плечами: «Вот уж не ожидал от отца двоих детей!» — а затем повернул большой палец книзу, что со времен функционирования Колизея ничего хорошего не предвещало.

Сейчас же это значило одно: берем заложника.

Но не успели они сделать и шага, как сверху, из-под потолка, на них обрушилось что-то ослепительно розовое, бьющее мягкими крыльями и уже нацеливающееся изящным клювом прямо в лицо; однако реакция прекрасно натренированного космолетчика сработала прежде, чем разум смог оценить всю несерьезность такого нападения, и огромная блистательно-аметистовая птица через секунду уже самым непочтительным образом была зажата у Юхана под мышкой. Инициатива бортинженера оказалась в какой-то степени скованной, и Юрген, опасаясь, что эта пусть даже почти бесшумная возня может несвоевременно разбудить хозяйку дома, ринулся вперед, одним броском перекрывая несколько метров, — счет пошел уже на доли секунды. Дракон выпростал из-под крыла лошадиную голову и возмущенно топнул копытом; лицо спящей дрогнуло, и она, не открывая глаз, легко подалась вперед, отталкиваясь от подушки и гораздо быстрее, чем мог предполагать землянин, нашаривая лежащий рядом клинок, но в следующий миг Юрген одной рукой уже крепко держал ее за плечи, а другой зажимал рот, машинально бормоча что-то на космическом интерлинге.

При звуках его голоса она вздрогнула и замерла, но в этой неподвижности не было притворства затаившегося животного — нет, так замирают, когда напряженно ждут новых звуков, стараясь не пропустить их; у него возникло достаточно нелепое предположение — может быть, в довершение всей невероятности происходящего, она еще и понимает его?

— Потерпи, милая, — шепнул он, едва шевеля губами, чтобы показать, что благодарен ей за отказ от сопротивления, и тут же услышал серебряный звон: шпага выпала из разжавшейся руки и скользнула на пол; на всякий случай он инстинктивно подхватил оружие, отпустив ее руки, и тут же они легко метнулись к его лицу, и он почувствовал беглое прикосновение ее пальцев, как это делают слепые, но в этих движениях не было любопытства, нет, здесь сочетались недоверие и страсть, жадность и благоговение… И лицо ее, узкое смуглое лицо с закрытыми глазами — оно было обморочно напряжено, и только губы под его рукой, зажимающей рот, непрестанно шевелились, как будто она быстро-быстро

повторяла одно и то же. Он напрягся, стараясь уловить это слово, его рука дрогнула и опустилась, и в тот же миг ее губы очутились возле самого его лица; едва ощутимо касаясь его, они жарким и влажным контуром очерчивали каждую его линию, безошибочно угадывая и изгиб бровей, и легкую горбинку носа, и по мере этого узнавания медленно раскрывались глаза — огромные, сияющие, гиацинтово-лиловые, как чароит, неподвижно глядящие в одну точку.

— Асмур… — рождалось, как заклинание, возле самого его лица. — Асмур, Асмур…

Он не знал, приветствие ли это или имя, земной или неземной язык звучит сейчас перед ним, но инстинктивно чувствовал одно: происходит ошибка, горькая и жестокая, и он — ее виновник. Ему нужно было как-то вмешаться, но он понимал, что это будет все равно что ударить по этому прекрасному слепому лицу.

— Асмур! — вдруг крикнула она с отчаяньем, и ее пальцы с неженской силой рванули ворот его костюма, так что брызнули во все стороны звенья молнии, и черные волосы скользнули по его груди — замерев, она слушала, как бьется его сердце…

И в тот же момент сиреневая птица, воспользовавшись полным ошеломлением Юхана, вырвалась из рук бортинженера и, самоотверженно ринувшись к своей хозяйке, точным движением спикировала ей прямо на плечи, прикрыв голову и руки девушки пушистым фламинговым покрывалом. Сияющие глаза, обрамленные розовым опереньем — зрячие, жадно ищущие его глаза, — вскинулись на Юргена… и за какую-то секунду только что счастливое лицо исказилось целой гаммой совершенно противоположных чувств, и они не чередовались, сменяя друг друга, а наслаивались — отвращение, разочарование, смертельный ужас; эмоциональный взрыв, который мог быть порожден лишь безумием, был настолько силен, что сменился даже не беспамятством, а каким-то окаменением — на руках у Юргена лежал сведенный ужасом манекен.

— Да помоги же мне, Юх! — в полной растерянности крикнул командир, подготовленный к любым экстремальным ситуациям, кроме подобной.

— Ппо-моему, — пробормотал Юхан, начавший удваивать не только гласные, но и согласные, — у мадемуазель температура…

Юрген наклонился над девушкой и сделал то, что было в данный момент самым естественным — дотронулся губами до ее лба.

Тем не менее она вздрогнула, как от удара электрического тока.

— Точно, — с некоторым облегчением сказал командир. — Под сорок. И сделай милость, убери этого розового гуся…

— Пошел, пошел, — Юхан взял крылатое существо за шкирку, собираясь вторично проявить по отношению к нему полнейшую непочтительность. — Тут не до тебя — видишь, человек болен!

«Гусь» вскинул голову и хрипло, нечленораздельно прокричал какое-то слово.

— Попугай… — разочарованно пробормотал Юхан. — Юрг, берегись!

Стены комнаты будто лопнули сразу в девяти местах, и в этих разом распахнувшихся отверстиях показались люди, вооруженные самым разнохарактерным оружием — от рапир до пистолетов, весьма напоминающих лазерные. И у каждого из них на плечах, положив клюв на голову человека, сидела диковинная птица. Изумление, ужас, восторг — самые противоречивые чувства отразились на их лицах, заставив землян заподозрить, что и эти девять — тоже безумны; но смятение это было столь велико, что, пожалуй, для его причин одного появления здесь экипажа орбитальной станции «Марс» было маловато.

Наконец восемь юношей, соскочив на ковер, благоговейно приблизились к смуглой леди и, преклонив колени, замерли в самой почтительной позе; и только один, самый юный, носивший на плечах что-то пестрое, напоминавшее курочку-рябу, ни секунды не раздумывая, бросился на Юргена с обнаженной шпагой.

Попытка была предпринята с явно негодными средствами — экс-чемпион Военно-воздушной академии по фехтованию, Брагин несколькими незамысловатыми приемами выбил оружие из рук юнца, а Юхан, экс-чемпион начальной школы по примитивным уличным дракам, подставил ему подножку.

Следующего претендента не нашлось. И вообще окружающим было явно не до землян — здесь происходило что-то из ряда вон выходящее, и постичь смысл этого без дополнительной информации было невозможно.

Сэниа-Юрг

Она открыла глаза, медленно обвела взглядом коленопреклоненных воинов звездной дружины — явились-таки без спроса.

Впрочем, теперь все равно. Подошел к концу славный поход, и последний из старых крэгов исчез в красноватой дали четвертой планеты Чакры Кентавра. А потом…

Потом было то, в чем она одна виновата. Неженское дело — водить дружину в поход, потому что хватает сил и на тяготы, и на подвиги, и даже на постоянный, пусть священный, а все-таки обман; но вот устоять, когда вдруг забрезжит перед тобой иллюзорное, как будто бы навсегда потерянное счастье — это не по женским силам…

Одним из тех жестов, которым никто и никогда не смел перечить, она отвела поддерживающие ее руки и медленно запахнулась в бархатный плащ, служивший ей одеялом. Поднялась во весь рост. Девять пар глаз смотрели на нее снизу, как на воплощение всех древних богов, вместе взятых.

— Наш совместный путь окончен, — проговорила она своим обычным полнозвучным голосом. — Под нами Джаспер. Сейчас мы спустимся, и вы покинете корабль, бывший вашим домом. Все это время вы с честью несли имя дружины Асмура, и я ничем не могу отблагодарить вас за это. Единственное, что я смогу сделать для вас, — это ответить, если вы спросите. Спрашивайте!

С минуту стояла напряженная тишина — каждый хотел спросить, и никто не решался. Наконец поднялся с колен Скюз, лучший стрелок дружины:

— Ответь нам, принцесса Сэниа…

— Я больше не принцесса, — прервала его мона Сэниа. — Я стала женой эрла Асмура по завещанию и порвала родство с королевским домом Джаспера.

— Ответь нам, принцесса, — повторил Скюз, несравненный стрелок. — Где эрл Асмур, наш предводитель?

— В земле Серьги Кентавра, — ответила мона Сэниа недрогнувшим голосом.

Принцессы дома Джаспера не оплакивают своих мужей при посторонних.

— Разреши спросить тебя, принцесса Сэниа, — выступил Дуз, хозяин фиолетового крэга. — Где в таком случае крэг твоего супруга?

— В огненной долине Седла Кентавра, — отвечала она. — Тарита-крэг отказался от этой планеты ради него.

— Благородная принцесса, — спросил Эрм, старший из дружинников, — это эрл Асмур передал тебе право командовать нами от своего имени?

— Нет, — сказала она, хотя никто и никогда уже не смог бы подтвердить правдивость ее слов. — Я сделала это по своей воле. Когда я появилась на вашем корабле, мой супруг… Его уже не было.

— Тогда зачем ты это сделала, принцесса Сэниа?

— А вот на это я тебе не отвечу, Эрромиорг из рода Оргов.

Наступила звенящая тишина, прерываемая только могучим дыханием коня. Она стояла перед ними, принцесса — несмотря ни на что, и ее воля была выше всех законов и обычаев, и даже звездные волки, эти чудовища, от которых они все невольно отводили глаза, послушно стояли у нее за спиной, и не как-нибудь, а с оружием в когтистых лапах: один держал клинок Гэля, а другой — шпагу самой принцессы.

Видно, и на то была воля моны Сэниа!

И вдруг простодушный Пы, от которого никогда нельзя было ожидать дельного слова, осмелился заговорить о том, что мучило сейчас каждого из девятерых, с обожанием глядевших на прекрасную принцессу:

— Так ежели… э-э-э… позволено будет спросить тебя, милостивая принцесса… потому как твой высокий супруг… э-э-э… да будет счастлив и покоен его крэг в долине огненной… взял тебя в жены по завещанию… кх-м… так теперь, значит…

Он не смел произнести своего дерзкого вопроса, но все невольно подались вперед, как никогда пристально и, наверное, неучтиво впиваясь взглядами в лицо моны Сэниа, потому что кому-то ведь завещал могучий эрл эту прекраснейшую из женщин Джаспера, и у каждого теплилась надежда, что предводитель звездного отряда в первую очередь должен был подумать о своих товарищах.

Мона Сэниа подняла руку, прерывая речь смущенного юноши, с каждым словом становившуюся все бессвязнее. Странная улыбка скользнула по ее губам — самая дьявольская гордость, надменное сознание безграничной власти над этими людьми и упоение собственным смирением… Чего только не было в этой улыбке!

— Тебе я отвечу, доблестный Пы, мощь и сила дружины Асмура, — медленно проговорила принцесса. — По завещанию могучего эрла, вашего предводителя и моего первого супруга, моим мужем стал тот, кто первым коснулся губами моего лба. Я не знаю его имени, но вот он — перед вами!

Она обернулась и величественным жестом опустила прекрасную руку на волосатое плечо чудовища, державшего ее

шпагу.

И как ни велико было оцепенение ужаса, охватившего всех джасперианпри этом сообщении, в следующий миг восемь шпаг и мечей взвились в воздух, чтобы освободить свою повелительницу, и только юный Гаррэль, по-прежнему сидевший на полу, закрыл лицо руками, чтобы никто не видел невольных слез отчаянья, брызнувших из его глаз.

— Назад! — крикнула мона Сэниа, но в ту же секунду оба звездных волка довольно бесцеремонно отшвырнули ее за свои спины и встали плечом к плечу, готовые драться один против четверых за свою драгоценную добычу. Еще бы! Волки волками, а разбирались…

Но мона Сэниа, которой тоже нельзя было отказать ни в силе, ни в мужестве, раздвинула своих страшных защитников и встала между ними.

— Благородные сыны Джаспера, — произнесла она насмешливо, — или вы забыли обычаи своей родины? Вы хотите оставить меня вдовой прежде, чем мой настоящий супруг завещает меня в жены кому-нибудь… хотя бы из вас?

Оружие вернулось в ножны прежде, чем она успела договорить; теперь все взгляды устремились на того, кого ни один из них и в самом горячечном бреду не додумался бы предназначить в мужья прекрасной принцессе, но, видно, предначертание судило иначе. Недаром их поход начался с черных козырей.

Звездный волк, умело сжимавший в своей лапе драгоценный эфес, не мог не заметить необычного внимания, обращенного к нему. Глаза, прищуренные гневом и отвращением, скользили по его ногам, подымались до пояса — и останавливались, не в силах преодолеть жуткого красного свечения его зрачков; по сжатым губам и рукам, стиснутым в бессильном гневе, он тоже не мог догадаться, чего же от него хотят; но мона Сэниа снова положила ему руку на плечо и, царственным жестом указывая на всех присутствующих, проговорила:

— Ты должен выбрать одного из них. Если, конечно, не предпочтешь своего друга… или брата.

Он внимательно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на друга или брата, как сказала мона Сэниа. Похоже, что-то он все-таки понимал. Потом, видя, что от него ожидают однозначного и недвусмысленного поступка, он наклонился и протянул свою когтистую волосатую лапу юному Гаррэлю, помогая ему подняться с ковра.

Гаррэль машинально оперся на протянутую лапу — и вздрогнул: это была теплая, сильная человеческая рука.

Дружелюбная рука. И уж совершенно непонятно что творящая рука: мало того, что она поставила его, самого юного и, что бы там ни было, отверженного — рядом с принцессой, тем самым определяя выбор и передавая ему эстафету ритуального завещания; эта рука поднялась и ласково погладила пестрые перышки его проклятого крэга!

Все отшатнулись — узнать, что прекраснейшая женщина Джаспера стала супругой чудовища, было пределом здравого рассудка, но присутствовать при том, как эту красавицу, мечту всех юношей королевства, завещают человеку с пестрым крэгом — это было уже выше всяких сил.

— Нет! — крикнул пылкий Флейж. — Лучше нам всем погибнуть, лучше разбить корабль о поверхность Джаспера, чем допустить такой позор!

— Принцесса, — встал с ним рядом рассудительный Борб, — мы повинуемся тебе, и не из верности королевскому дому, а из рыцарской преданности и готовности служить прекраснейшей даме королевства. Но ты вспомнила о древних обычаях, а по ним ты не можешь стать женой этого… этого неведомого и страшного существа: ведь у него самого нет крэга!

— И этого вопроса я ждала, благородный Борб! Да, я была верной супругой великого Асмура… хотя никогда не была его женой. И теперь я никогда не стану женой этого пришельца, хотя навечно останусь его верной супругой. Так что и ты прав, пылкий Флейж, неотразимая шпага; лучше бы мне не возвращаться на родную планету, где нет у меня дома. Но и разбить наш корабль я не могу, да и вам не позволю: с нами — наши крэги.

И снова все замерли, охваченные бесконечной скорбью и сочувствием к несчастной принцессе, за которую каждый из них отдал бы жизнь — и даже этим ни на йоту не смог бы помочь.

— Прекраснейшая из принцесс, — проговорил Ких дрожащим голосом, — наши сердца разрываются…

А вот это было уже лишнее.

— К дьяволу! — крикнула мона Сэниа, так что все крэги, подняв перья дыбом, казалось, готовы были немедленно оставить своих подопечных. — Я дозволила вам любопытство, но не жалость! Довольно. Все по местам! Мы спускаемся.

Все, пятясь, отступили — ни один не позволил себе повернуться к принцессе спиной. Волки, брызжа красными искрами, с недоумением поглядывали на окружающих, все-таки плохо понимая, что происходит. И только когда стены командорской каюты расступились, чтобы пропустить дружинников, тот, что теперь был наречен супругом принцессы, громко и насмешливо произнес несколько слов на незнакомом

языке.

И десять джасперианн, включая мону Сэниа, вздрогнули: это был глубокий, звучный голос эрла Асмура.

— Вниз!!! — вне себя крикнула мона Сэниа.

И снова у всех дрогнули сердца: она не сказала — домой.

Стены сомкнулись, каюта опустела. И только тут принцесса, недаром носившая прозвище Ее Своенравие, дала волю обуревающим ее чувствам: выхватив из лап чудовища свою шпагу, она одним ударом рассекла узорчатую подушку, из которой полезли клочки сиреневого меха, а заодно и ни в чем не повинный ковер. Следующими жертвами царственной руки были алтарный шатер, где столько дней провел Тарита-крэг, и тяжелый занавес, отделявший дальний угол с загоном для коня.

И тогда вороной, укоризненно фыркнув, двинулся на середину комнаты и, нисколько не опасаясь взмахов яростного оружия, не страшного для его чешуи, с бесконечной кротостью, какой нельзя было и ожидать от боевого коня, прижался лбом к груди девушки.

Она отшвырнула шпагу и обхватила руками гордую, точеную голову верного животного. И вдруг странная мысль поразила ее.

— Вороной, — проговорила она, заглядывая поочередно в золотые косящие глаза, — конь мой, почему ты не дал мне знать, когда ко мне приближался враг?

Вороной мотнул головой, распустил одно крыло и легким, но на редкость выразительным движением шлепнул аметистового крэга по хохолку.

— Не смей!.. — вырвалось у моны Сэниа, и тут же она осеклась под укоризненным взглядом коня.

Смысл этого взгляда мог быть только один: что значит какие-то враги по сравнению с тем, что сидит у тебя на шее?

Конь медленно вернулся в свой угол, повалился на уцелевший клок ковра и задрал копыта.

Вот это да! Она никогда не задумывалась над взаимоотношениями между конями и крэгами, и вдруг эта в высшей степени непостижимая сцена, да еще при посторонних… Мона Сэниа оглянулась, отыскивая взглядом пришельцев, и тут же поняла, что тем было уж никак не до внутренних неурядиц джасперианн: распластавшись на полу, они прильнули к круглому иллюминатору нижнего обзора, в котором, медленно приближаясь, плыл зеленый Джаспер. Ну да, их ведь захватили возле четвертой планеты Чакры Кентавра, или Звездочки-Во-Лбу. Мгновенных переходов, когда дружинники единым усилием воли опускали мак на поверхность красной планеты, чтобы выпустить Тарита-крэга, а затем вернулись сюда, в окрестности родного

светила — этих тонкостей грубые существа попросту не заметили.

Пол под ногами едва уловимо качнулся, и иллюминатор тут же ослеп, затянувшись чернотой — повинуясь приказу, мак утвердился на бетонных плитах звездной гавани. Послышался легкий скрежет — это кораблики дружинников расползались в разные стороны, и большой командорский корабль остался в одиночестве. Мак, безукоризненно прошедший все звездные переходы, распался. Конь заржал тоскливо и нетерпеливо, Мона Сэниа подошла к стене, мысленно приказала ей раствориться — и запах терпкой джасперианской травы хлынул в открывшийся широкий проем.

— Ты свободен, вороной, — грустно проговорила мона Сэниа. — Благодарю тебя.

Конь одним прыжком вымахнул наружу и начал подыматься в небо, заслоняя расправленными крыльями вечернее солнце.

«Юрг!» — послышался за спиной настороженный голос того второго, который, по-видимому, был братом ее неожиданно обретенного супруга. Надо было как-то с ними объясняться, и мона Сэниа обернулась к ним. Придется разговаривать с ними, как с детьми, да сервам велеть побольше лопотать о том о сем. Привыкнут. А его, значит, зовут Юрг. Ну, Юрг так Юрг.

— Владетельный супруг мой и ты, мой брат, — она сделала над собой усилие и склонила голову, увенчанную аметистовым хохолком, будто маленькой короной из перьев. — Проследуйте за мной в замок, который с этой поры принадлежит вам.

Она сделала широкий жест, приглашая их выйти, но они настороженно переглянулись и с сомнением покачали головами — покидать корабль они явно не собирались. Не привыкшая к неповиновению, она нахмурилась — и в это время дробный цокот копыт заставил ее выглянуть наружу.

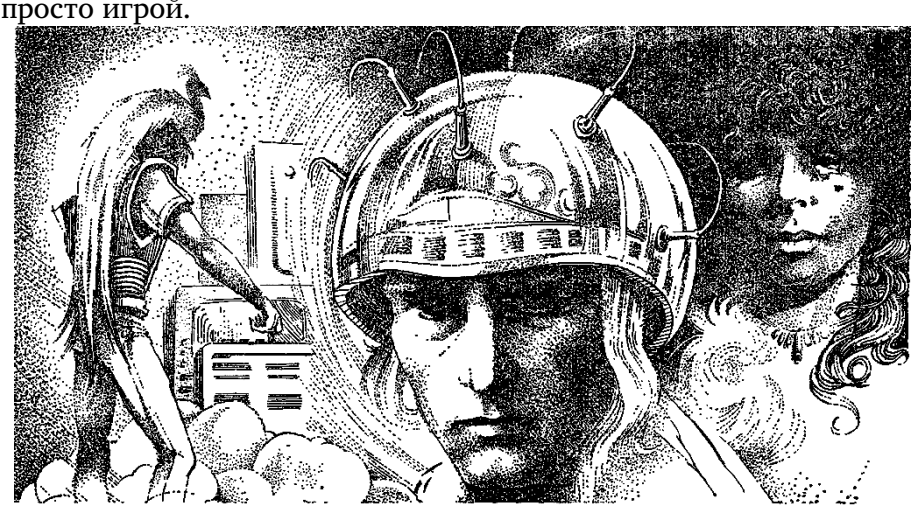
К кораблю приближался всадник, ведя за собой двух верховых коней, к седлам которых были подвешены какие-то странные ящики в толстых чехлах. Он подскакал ближе, и мона Сэниа с удивлением узнала в нем Гаррэля.

Юноша поклонился и спрыгнул с коня.

— Если высокородная принцесса позволит, то я осмелюсь напомнить, что происхожу из древнего рода Элей, королевских знахарей, — торопливо проговорил он, боясь, что она его остановит. — В числе прочих болезней, насылаемых предначертанием, иногда встречается такая, при которой человек полностью теряет память, забывая и свой язык, и свою землю. На этот случай у нас имеется переносной прибор-мнемодатчик… да вот он, тут и аккумуляторы, хотя можно было бы подключить и к корабельным… если, конечно, принцессе угодно.

— Гэль, ты умница! — Сэниа даже захлопала в ладоши. — Если это так же просто, как школьная магическая шапка, то давай попробуем немедленно!

Теперь, когда не нужно было играть роль сурового предводителя звездной дружины и не возникало повода вспоминать о собственном высоком происхождении, она разом превратилась в босоногую девчонку. Как была, в одном плаще, наброшенном на длинную рубашку, она стрелой вылетела на бетонные плиты пристани и принялась расстегивать пряжки на седельных ремнях, яростно тряся рукой, когда от нетерпения ломался ноготь. Наконец все было вынуто, и они вдвоем с Гэлем снова чуть ли не бегом потащили на корабль и странный мягкий шлем с присосками и отводами, и всякие пультики, регулирующие устройства, стабилизаторы, аккумуляторы — словом, все то, что население Джаспера, исключая знахарей, коротко именовало магической бутафорией. В восторге от простого решения проблемы общения они так радостно нахлобучили шлем на голову новоявленному супругу принцессы, что тот даже не успел возразить, считая, вероятно, происходящее просто игрой.



Но Гаррэль, похоже, был хотя и седьмым, да не последним по уму сыном тана-знахаря. Его обращение с редким прибором было умелым и безошибочным — во всяком случае, объект эксперимента не успел ни испугаться, ни скинуть с себя магическую шапку, как колени его подогнулись, и через секунду он уже спал, по-детски свернувшись на ковре калачиком. Теперь, когда глаза его были закрыты и лицо безмятежно, непостижимое сходство с эрлом Асмуром стало так велико, что Гаррэль на какое-то время забыл о своих обязанностях и только ошеломленно переводил взгляд со спящего пришельца на мону Сэниа и обратно. Колдовство? Предначертание?..

Спящий что-то забормотал.

— Больше нельзя, — сказал Гаррэль, быстро выключая свой прибор. — Иначе — перегрузка.

Глаза пришельца открылись — странные глаза, нечеловеческого голубого цвета, правда, красное фосфорическое свечение исчезло, но сходство с эрлом Асмуром значительно потускнело.

— Где мы? — спросил он по-джасперианski, с удивлением произнося каждое слово. — Ах, да — зеленая Яшма… Я хотел сказать: как далеко мы от…

Он поднял руку и выразительно постучал себе по лбу, что вероятно, должно было означать — от Звездочки-Во-Лбу. Гаррэль и Сэниа заметили, что он еще немного путается в словах — во всяком случае, Джаспер он назвал на своем языке. Его брат, с безмерным удивлением прислушивавшийся к этой короткой речи, был теперь последним, кто до сих пор еще ничего не понимал.

— Займись им, Гаррэль, искусный знахарь! — проговорила мона Сэниа, невольно возвращаясь к царственному тону, потому что каждый раз, когда она поднимала глаза на своего нового супруга, ее охватывала дрожь, и она всеми силами старалась это скрыть. — А тебе, владетельный эрл, я могу только указать место твоей звезды на наших картах, потому что от любой точки Вселенной мы находимся одинаково далеко — на расстоянии одного мгновения перехода через ничто.

Она с трудом подняла с пола толстенный том «Звездных Анналов» и раскрыла первую страницу.

— Джаспер! — проговорила она с невыразимой гордостью. — А это — твоя звезда.

— С ума сойти, — пробормотал нареченный эрл. — Это ж разные рукава Галактики! У вас хоть существует понятие «световой год»?

Она подняла брови, вслушиваясь в непонятное и нелепое сочетание слов. Потом быстро перевернула несколько страниц, нашла созвездие Костлявого Кентавра.

— Зачем — год? Один миг — и ты здесь.

Обломанный аметистовый ноготок указывал на родную звезду пришельцев, и принцесса с невольной грустью отметила, как радость осветила лицо ее супруга.

— Юх! — крикнул он. — Юх, оказывается, еще не все потеряно…

Но тот, к кому он обращался, спал, с молниеносной быстротой впитывая премудрости джасперианской грамматики.

— Ты так радуешься возможности покинуть меня… — вырвалось у моны Сэниа. — Что ж, я сама виновата — не

следовало приближаться к запретной звезде.

Крэг на ее плечах недовольно встрепенулся.

— Это еще почему наше Солнце — запретная звезда?

— Прости, если мои слова обидели тебя, — смиренно произнесла принцесса. — Но на твой вопрос я не знаю ответа. Кто-то наложил запрет на эту звезду, видишь — она перечеркнута жирным крестом? А вот эта надпись, если ты еще не запомнил нашей азбуки — вот, на полях, — это значит «звездные волки!».

— Прелесть моя, ты показываешь на совершенно пустое место.

Она подняла на него темные гиацинтовые глаза, в которых светилось безмерное удивление. И в ту же секунду словно язык светло-розового пламени полыхнул между ними — крыло крэга сорвалось с плеча принцессы, и острые коралловые когти разорвали страницу сверху донизу. Частые удары крыла довершили начатое, превратив лист в клочки.

И так же внезапно крылатое существо затихло, снова пригревшись на плечах девушки.

— Давай-ка, я его выкину, — простодушно предложил пришелец. — Красота красотой, а если он тебе выбьет глаз…

— Ты странно рассуждаешь, владетельный эрл, — пожала плечами мона Сэниа, никак не решавшаяся назвать его полным титулом. — Если ты уберешь моего крэга, то зачем мне вообще глаза?

Он смотрел на нее, ничего не понимая.

— Ладно, — проговорил он примирительно. — Не будем распутывать все загадки разом. Вернемся к нашим волкам, потому что они ближе к дому. Кто они такие — звездные волки?

— Это вы — ты и твой брат…

Он почесал за ухом, нисколько не обидевшись.

— Хорошенькое дельце… И ты не боишься оставаться со мной?

Она печально усмехнулась — волею предначертанья ей суждено остаться с ним на всю жизнь…

— Тогда последний вопрос: зачем же вы все-таки сунулись к запретной звезде? Созвездий мало, или вы не всюду летаете?

— Для нас достижимы любые, даже самые отдаленные звезды. А твое созвездие указали нам магические карты, в которые играет командор отряда перед каждым походом. Таковы наши обычаи, эрл Юрг.

Он быстро глянул на нее, словно проверяя, не ослышался ли — ведь она впервые назвала его по имени.

— А я, оказывается, уже представлен, — пробормотал он. — В таком случае, как я должен называть тебя? В традициях нашей

планеты уж если я — волк, то ты должна называться Красной Шапочкой.

Она уловила иронию в его голосе и гордо выпрямилась:

— Я — Сэниа-Юрг, — проговорила она, не называя своего утраченного титула. — И вот уже два часа, как… твоя жена.

— Прими мои поздравления! — раздался голос второго пришельца, с которого только что успели снять магический шлем.

Это были первые слова, произнесенные Юханом на джасперианском языке.

Замок и подземелье

Горизонт осветился дальней зарницей, и в путанице мерцающих вдали заводских огней встал небольшой дымный факел.

— Сиятельный эрл, — проговорил Юхан, наслаждавшийся ночной прохладой у ажурной оконной решетки, выточенной из душистого дерева. — В твоих ленных владениях опять короткое замыкание.

Вокруг факела поднялась пенная метель, подсвеченная огнем, и снова стало темно.

— Перебьюсь, — отмахнулся сиятельный, валявшийся, не раздеваясь, в своей роскошной постели под балдахином. — У них противопожарная автоматика — во! Не в пример нашей.

Его драгоценный темно-серый камзол, отделанный в честь высокородной супруги сиреневыми кружевами и усыпанный на плечах аметистами, был немилосердно прожжен во время дотошного знакомства со свалившимся на его шею комбинатом. Выглядел сиятельный скверно и голодно — глаза ввалились и потемнели, на носу резче означилась сайгачья горбинка.

— А ты за этот месяц здорово с лица спал, — проговорил Юхан, отходя от окна и присаживаясь на постель названого брата. — Может, окошко прикрыть? Занеможешь.

— А, моя дражайшая кого угодно в гроб вгонит!

Эрл Юрг мог притворяться перед кем угодно, но только не перед Юханом: тот просто нутром чувствовал, как при одной мысли о так называемой супруге у Юрга сердце менялось местами с пяточным нервом. Девочка, конечно, выше европейских стандартов, но чтобы так из-за нее мыкаться…

— Знаешь, был у меня один смешной случай… — Юхан замолк, так как не успел еще придумать этого смешного случая. Но отвлечь командира от грустных и изнурительных мыслей было просто необходимо.

— Помолчи, сделай милость!

Когда они оставались одни и Гаррэль со своим симпатичным крапчатым крэгом, которого они хором баловали, спускался в отведенную ему опочивальню, невольные пленники Джаспера переходили на земной язык, что придавало их разговорам этакую фоновую ностальгическую грусть.

— У меня у самого голова пухнет, — снова заговорил Юхан. — Возможно, у наших хозяев выработалась генетическая предрасположенность к гипнопедии, но я уже окосел от всей этой грамматики, космогонии и таинств нефтепереработки, в кои я

обязан вникать на правах твоего единоутробного брата. Кстати, о здешнем языке. После нехитрого лингвистического анализа я установил следующие соответствия: эрл — это нечто среднее между ведущим инженером и главным конструктором, тан — доктор наук, виконт — младший научный, принцы — члены экономического координирующего совета; вот только король, который тут и собственного имени-то не имеет, — его функции мне пока…

— Тихо! — оборвал его Юрг, срываясь с постели и прижимаясь лбом к решетке.

В перекрестном свете только что взошедших двух лун трудно было разобрать, каким цветом отливает оперенье легкого журавлика, успевшего взмыть высоко в небо.

— Кукушонок? — спросил Юхан.

Так они называли птицу-поводыря юного Гаррэля, а за неимением джасперианского эквивалента — здесь не водилось кукушек — произносили это по-русски.

— Нет, — сказал Юрг. — Сэниа-крэг.

— Ты это говоришь так, словно он — твой личный враг.

— Главное, что это враги здешних людей. Сидят на шее, ни черта не жрут, питаются светом и воздухом и хоть, слава богу, не гадят, но…

— Слушай, Юрг, — сказал рассудительный Юхан, — а какой такой смысл им враждовать с джасперианами? Они и так свое имеют, на добровольных началах: отслужил век — получай планету… Мир и согласие. Да и что они могут сделать плохого?

— Вот это я и собираюсь выяснить. Юх, я иду к моей принцессе: в конце концов, если она не желает разговаривать, так сказать, на отвлеченные темы, то должна же ее волновать судьба собственного народа!

— Ну-ну. А я пока простыни сменю — ишь, увозил сапожищами, перед киберами стыдно…

Юрг привычно миновал несколько покоев и галерей, залитых лунным светом; по мере приближения к опочивальне супруги его походка становилась все менее уверенной. Наконец он отворил последнюю дверь и, прислонясь к косяку, мужественно поднял глаза к потолку, чтобы не видеть спящей девушки.

— Сэниа, к тебе можно? — шепотом спросил он.

По тому, как порывисто она поднялась, нетрудно было догадаться, что она еще не засыпала.

— Нет! — сказала она.

— Сэниа, я прошу тебя…

— Нет!

— Черт побери, ты дослушаешь меня до конца? Я прошу тебя

показать мне магическую колоду, или как там она называется.

— Сейчас?

— Да. Сейчас.

Она медленно повернула голову на звук его голоса и еще некоторое время сидела неподвижно, как будто прислушиваясь к его дыханию. Широко раскрытые глаза при лунном свете казались совершенно черными и зрячими. Но это только казалось.

— Хорошо, — сказала она. — Следуй за мной.

— Дай руку!

— Нет.

Ее босые ноги уверенно ступали по толстым деревянным плитам, и рука почти не касалась стен и дверных косяков. Наконец она остановилась перед маленькой нишей, в которой висело чучело или изваяние крэга.

— Вот, — она достала из ящичка обыкновенную карточную колоду, может быть, чуть крупнее тех, которыми на Земле до сих пор сражаются в «дурака» или «девятку».

Он взял колоду, намеренно коснувшись ее пальцев — рука отдернулась и спряталась за спину.

— Как школьница, честное слово! — проговорил он с досадой.

Рубашка карт напоминала резную решетку, столь характерную для здешней архитектуры. Юрг наугад вытащил одну карту, перевернул и посмотрел.

— Что я и думал… — пробормотал он.

— Ты вынул карту?.. — невольно вырвалось у нее.

— Можно подумать, что тебя волнует моя судьба.

— Я же удовлетворила твое любопытство! — обронила она высокомерно. — Теперь твоя очередь.

Он неуверенно глянул на карту:

— Здесь какая-то птичка-бабочка…

— А цвет?

— Ближе к красному, — ответил он еще менее уверенно.

— Солнечный крэг! Дневная масть. Однако судьба к тебе благосклонна сверх меры, владетельный эрл!

Он повертел карту в руках, потом веером развернул всю колоду. Абсолютно белые прямоугольники, ни штриха, ни закорючки.

Не то, чтобы птички. Карт-бланш. Включая и ту, первую.

— Это все, что я хотел видеть, — сказал он, опуская шулерскую колоду в ящичек. — А теперь иди, досыпай.

Она повернулась и бесшумно заскользила прочь, растворяясь в лунном свете.

— Сэниа, — вырвалось у него против воли. — Сэниа, скажи,

что мне сделать, чтобы ты наконец стала моей женой?

Она остановилась:

— Невозможное — полюбить.

— Спасибо, — горько проговорил он. — Я уже.

— Нет! — крикнула она, и он порадовался, что их разделяет довольно приличное расстояние. — У нас так не любят! Ты воображаешь, что любишь меня, но делаешь это в перерывах между мыслями о том, как через год соберется новая дружина выполняющих Уговор, и они отправят тебя на твою проклятую Чакру!

— Не в перерывах, — возразил Юрг, стараясь подойти к ней как можно бесшумнее, но она, словно угадывая каждое его движение, отступала, едва он делал хоть один шаг. — Не знаю, как это тут у вас, но у нас, на Земле, любят одновременно: землю и солнце, мать и жену, свободу… и мороженое.

— Понятно. Большое сердце. Когда через год твой корабль направится к звездам, недоеденное мороженое можно будет бросить на пристани, а жену — человеку с пестрым крэгом!

— Что, что? Кто тебе сказал, что я оставлю тебя Гэлю? Он, конечно, милый мальчишка, но если дотронется до тебя хоть пальцем, я его убью!

— Но ты сам завещал меня ему в жены.

— Я?!

Она стряхнула его руки со своих плеч и отступила на порог опочивальни. Юрг опомнился: дальше он не смел делать ни шагу.

— Сэниа, — проговорил он устало, — это все какая-то белиберда — с вашими традициями, в которых я не разбираюсь… Запомни, чтобы не было неприятностей: если кто-нибудь другой хотя бы на будущее назовет себя твоим мужем, я изничтожу его любым видом оружия из твоего арсенала — в лучших традициях земных мушкетеров. Вот так.

— Будущим ты уже распорядился, и это необратимо; но пока ты находишься на Джаспере, принцесса Сэниа не допустит, чтобы на нее пала хоть тень подозрения.

— Ну, спасибо, — поклонился он. — Мне твоя верность без любви — это как… впрочем, извини. Спокойной ночи.

Она оперлась о постель коленом и ждала, когда он уйдет.

— Сэниа, я понимаю, что веду себя прежалким образом, но скажи: неужели я так отвратителен тебе? Что стоит между нами — различие людей двух планет и рас или то, что ты ошиблась, приняв меня за первого мужа, и не можешь мне этого простить? В чем дело — в физическом отвращении ко мне или в зудящем самолюбии? С последним я как-нибудь справлюсь, но если у тебя…

Он вдруг запнулся и почувствовал, что лопатки покрываются холодным потом. Идиот, несчастный космический донжуан… За целый месяц не попросить у того же Гаррэля хоть какой-нибудь школьный учебник анатомии! Хотя… Школьный учебник вряд ли поможет, если дело в аллергии: это что-то на уровне биохимии… Да, у них могут быть такие же руки, ноги, губы, что и у землян; но вот глаза — уже совсем другие, это и не глаза вовсе — так, рудимент…

Только сейчас ему пришло в голову, то она ведь сделана из другого теста.

Из другого белка…

— Почему ты замолчал? — настороженно спросила она.

Вероятно, догадалась по его дыханию, что с ним творится нечто несусветное. Но как объяснить ей, какими словами, что он полюбил ее — и любит, и будет любить?

— Прости, Сэниа, когда я гляжу на тебя, у меня путаются мысли и я говорю не то, что думаю… вернее, говорю, к сожалению, все, что думаю… а еще вернее — не думаю вовсе, у меня напрочь отшибает эту способность… И я лишь сейчас сообразил, что мы ведь действительно с разных планет, мы разные, разные, Сэниа, и мы, может быть, никогда…

Она медленно выпрямилась, и глаза ее, совсем черные и неподвижные, распахнулись на пол-лица:

— О чем ты?..

Он отступил к спасительному косяку, заведенными за спину руками вцепился в деревянную резьбу.

— Я просто не знаю, как и объяснить тебе это, Сэнми… У нас есть одна сказка… она меня всегда удивляла, потому что я не мог понять, что за нею стоит. Ну, там какой-нибудь ковер-самолет — это аэроплан, ракета. Волшебное блюдечко с колечком — телевизор. Дворец за одну ночь — саморазвивающаяся конструкция. Все имеет реальную параллель — не в настоящем, так в будущем. А тут…

Она стояла перед ним — белая, в белом свете. Ледышка.

— Понимаешь, у двух пожилых людей не было ребенка, а они об этом мечтали. Наконец, некая волшебная сила сотворила… сконструировала… короче говоря, дочку они получили, и она ничем не отличалась от других девушек, разве что была красивее всех. Но она была другого естества. Дочь зимней стужи и весеннего тепла. Снегурочка.

— Она была… слепа? — быстро спросила Сэниа,

— Нет, видеть она могла. А вот любить — нет. Это было заложено в нее изначально. Запрет под страхом смерти.

— Не могла — или не смела?

— И могла, и, конечно, полюбила. И умерла.

Она подняла к вискам пальцы, совсем прозрачные в лунном свете.

— Значит, теперь ты отказываешься от меня, чтобы я — жила?

Он не ответил.

Она еще с минуту стояла неподвижно, прислушиваясь уже не к нему, а к себе самой, потом вдруг стремительно бросилась вперед, на только что звучавший голос.

Юрг отшатнулся, и она с размаху ударилась лицом и грудью о резной косяк. Застонав, опустилась на колени. Замерла. Он закрыл глаза и, пошатываясь и ощупью находя себе дорогу, побрел прочь по бесконечной анфиладе комнаток-бомбоньерок, и бесплотные паутинки вьюнка, свисавшего с низеньких арок, оплетали его голову и плечи. Сзади послышался шорох, спереди — тоже.

Он открыл глаза — Сэниа, растрепанная, с черной ссадиной на лбу, загораживала ему дорогу, и лицо ее было мертво и решительно.

— Сэниа, — прошептал он, — я не могу, я — не Мизгирь…

— Зато я могу. Все могу. Я, Сэниа-Юрг.

— Завтра я уйду из твоего дома. Сегодня. Сейчас.

— Попробуй!..

На черном фоне смутно означился белый крест, прозрачная дымка уплотнилась, контуры фигуры очертились резко и приобрели глубину — Сэниа, раскинув руки, вслушивалась в шорох его шагов.

— Сэниа, ты же сама не веришь в то, что я люблю тебя…

— Трус! Бездушный серв! Чего ты испугался — моей смерти, которой я сама не боюсь? А ты подумал, что будет со мной, когда улетит твой корабль? Думаешь, я останусь жить — жена человека с пестрым…

И в этот миг гулкий удар крыльев заглушил ее голос: заслоняя лунный свет, к разной оконной решетке прижалась большая птица.

— Берегитесь!.. — торопливый, как всплеск, предостерегающий крик прозвучал так невнятно, что его можно было скорее угадать, чем разобрать.

В следующий миг крылатое существо исчезло бесшумно, как виденье.

— Кукушонок?.. — запоздало спросил Юрг.

— Нет, — ответила за него Сэниа. — Это судьба.

И только тут он осознал, что обнимает девушку за плечи, закрывая ее всем телом от неведомой опасности.

Судьба…

Юхан и Гаррэль сидели за остывающим кофе, каждый по-своему наблюдая за тем, как с чрезвычайной неторопливостью мона Сэниа со своим супругом спускаются к утреннему столу, накрытому на дерновой террасе.

Гаррэль барабанил костяшками пальцев по колену, Юхан наклонил голову к правому плечу с покорной терпеливостью.

— Доброе утро, черти счастливые, — прогудел он, подымаясь навстречу сияющей чете. — В этой хламиде ты просто прелесть, сестричка! Опять загнала всех свободных киберов в портновскую мастерскую? А мне позарез нужны два десятка рабочих рук на насосную параллель. Завтра переключать…

— Что за вопрос, возьми у меня с блока гидрогенизации, а то просто выпиши со склада. И когда только вы оба привыкнете, что сервы — это как воздух или хлеб: бери сколько хочешь!

— Кстати, хлеб хорошо бы поджаривать, — заметил Юрг.

— Это точно, — подхватил Юхан, — особенно тебе, сестричка, а то разнесет тебя на этом сугубо земном лакомстве, как мою белугу…

Юхан шумно вздохнул, и было от чего: ведь на Земле, затерянной в непредставимой дали, уже два месяца его семья ходила в трауре. Юргу было несколько легче — у него не было семьи, и грустить по нему могли только друзья по детскому дому и марсианскому отряду космонавтов.

— Юхани, милый, — проговорила Сэнни материнским тоном, — может быть, все-таки рискнем и забросим весточку к вам на Чак… на Землю?

— Не поверят, слишком невероятно, — помотал головой Юрг. — Только зря людям нервы истреплем. Пойдут опять байки да сказки, тарелочники наши просто зайдутся…

— Да, — подтвердил Юхан, — моя белуга снова реветь будет…

Жена Юхана однажды приезжала на космодром, когда Юхан был еще дублером, — потрясенные мужчины, презрев явно недостаточное прозвище, данное ей собственным мужем, тут же окрестили ее «Моби Диком». Представить ее плачущей было страшно…

— Хорошо, — сказала Сэниа, — тогда я попытаюсь сама туда слетать. Для этого нужно одно — очень точно нарисовать какое-нибудь место на вашей планете: площадь, сад, поле — все равно, лишь бы я смогла себе это представить…

— Это смертельно опасно! — вмешался молчавший до сих пор Гаррэль. — Мудрый эрл, я прошу тебя…

— Гэль, заточу в башню своей властью бывшей принцессы!

Все дружно расхохотались. Джасперианам чрезвычайно развлекала сама идея темницы — заключить существо, способное в один миг перенестись в любую точку Вселенной, в коробочку из четырех стен! Это ж можно умереть со смеху…

К тому же главная замковая башня не имела даже четырех стен: ажурное сооружение, никоим образом не сочетающееся с массивным крепостным ансамблем, было возведено гораздо позже, и главное — непонятно зачем. Плетеная конструкция уходила ввысь метров на шестьсот; две трети подъема можно было преодолеть на лифте, чья шахта заканчивалась крошечной круглой комнаткой, в которой Юрг не раз предлагал устроить столовую; дальше шла уже только лесенка, вьющаяся вокруг острого шпиля.

Снизу доверху эта лесенка была ограждена искуснейшей деревянной решеткой — Джаспер вообще тяготел к деревянной резьбе, благо сервов для этого было в избытке.

Башня, которую земляне сразу же окрестили «суперэйфелевой», естественно, на территории замка не умещалась — ее возвели на восточной оконечности зубчатых стен, там, где начинались меловые скалы, белоснежным полукружьем огибавшие замок Муров. С замком она соединялась подземным ходом и при всей своей красоте поражала воображение явной никчемностью.

Вот и сейчас, глядя на нее, все невольно восхищались этим чудом джасперианской архитектуры, уходившим верхушкой своей в облака, и беззаботно хохотали при одной мысли о том, чтобы на Джаспере, этой сказочной земле крылатых коней, родовых замков, мудрых принцев и прекрасных принцесс — на зеленом просторном Джаспере — кому-то заблагорассудилось устроить тюрьму!

И никому из них в голову не приходило, что и здесь, в сущности, это не сложно — было бы желание…

— М-да, — сказал Юрг, забирая у серва блюдо с дымящимся паштетом. — Предложение снимаю как несостоятельное: для этих целей гораздо лучше подошло бы подземелье.

Несмотря на абсолютную безобидность этой реплики лица у джасперианам вытянулись, смех затих.

— Что ты знаешь о подземелье? — быстро спросила мона Сэниа.

— Я?..

И тут прямо над столом что-то возникло.

Оно не имело ни цвета, ни контура, но было объемно, невидимо и даже как будто дышало.

— Что еще за чудеса? — пробасил Юхан.

— Это голос, — ответил Гаррэль.

— Что-то не слышу…

— Ты, пришедший без зова, говори! — повелела мона Сэниа.

— Я, Иссабаст из рода Бастов, главный смотритель королевских садов и друг последнего эрла из рода Муров, владетеля этого замка, прошу разрешения предстать перед высокородной принцессой.

Голос был глубок, словно доносился из колодца, и беспокоен.

— Войди, Иссабаст из рода Бастов, я жду тебя на дерновой террасе у восточного склона, если ты хорошо знаком с замком Муров.

Вместо ответа в трех шагах от стола засветилось нечто огненно-рыжее, словно два языка пламени, висящие над землей на уровне человеческого роста; через секунду под этим рыжим означалась кряжистая могучая фигура в сине-зеленом нелепом одеянии, как-то досадно контрастирующем и с взъерошенным, клочковатым крэгом, больше похожим на рыжего лешего, чем на птицу, и с широкоскулым смуглым лицом, в котором было нечто от Сократа и от медведя.

— Благородная принцесса, — пророкотал пришелец, — кто из них — твой нынешний супруг?

— Не называй меня принцессой, тан Иссабаст, я всего лишь ленная владетельница земель и замка, доставшихся мне по завещанию эрла Асмура, и жена эрла Юрга с Чакры Кентавра.

Она положила руку на плечо своего мужа истинно царским жестом. Иссабаст буравил землян злобным взглядом глубоко посаженных черных глаз, и эта неприкрытая ненависть плохо

вязалась с обликом мудреца и главное — дружбой с покойным Асмуром.

— Прости меня, принцесса, что я пришел только для того, чтобы взглянуть на твоего супруга. Но любопытство мое оправдано: на нашей земле, на счастливом зеленом Джаспере, появился зловещий призрак.

— Ух ты! — вырвалось у Юрга.

Он поглядел на жену и удивился, увидев, как она побелела.

— Продолжай, благородный тан! — велела она.

— Призрак на вороном коне обитает в мертвых городах, к которым не приближается ни один человек. Но иногда он покидает мерзостные развалины и, дыша смрадом гниения, приближается к жилищам людей. Те, кто видели его, утверждают, что он похож…

— Говори, тан Иссабаст!

— …на твоего первого мужа.

— Минуточку, — проговорил Юрг, постучав вилкой по хрустальному стакану. — Давайте разберемся, тем более что давно пора. Вы утверждаете, что призрак, или что там еще, копирует покойного эрла, то есть вы видите то, что запомнили — костюм, коня, оружие? Кстати, детали костюма вы сравнивали?

— Высокородная принцесса, — проговорил Иссабаст еще глуше, обращаясь только к моне Сэниа, словно остальных и не было за столом. — Прости мою откровенность, но видевшие утверждают, что это был не тот эрл Асмур, которого они знали при жизни, потому что у призрака… голубые глаза, как у серва.

Юрг и Юхан настороженно переглянулись. Это было что-то новенькое.

— И кроме того, это не живой эрл Асмур. Это его полуразложившийся труп.

— Да пошел ты к чертовой матери! — крикнул Юрг, выскакивая из-за стола.

Мона Сэниа остановила его властным жестом:

— Помедли, муж мой. Тан Иссабаст сказал не все.

— Ты угадала, принцесса. В числе людей, видевших страшного гостя, оказался Флейж, твой соратник по звездной дружине. Так вот, он утверждает, что призрак на вороном коне — это не эрл Асмур. Это твой второй муж. Поэтому я пришел, чтобы увидеть его.

— Тем лучше, — сказал Юрг. — С собственным призраком я уж как-нибудь разберусь. Теперь, надеюсь, все?

— Принцесса Сэниа, — еще мрачнее проговорил Иссабаст, все так же игнорируя землян, — скажи мне, отлучается ли твой второй муж из замка?

— А это уже не твое собачье дело! — окончательно вспылил Юрг. — Высказался — и катись!

— А то я тебя тоже пошлю! — пообещал Юхан.

Мона Сэниа, белая, как скатерть, прошептала одними губами:

— И опять ты сказал не все…

— Да, принцесса. Я бы не переступил твоего порога из любопытства. Но этот призрак убивает людей. Теперь — все.

Драный рыжий крэг испустил пронзительный крик и, взмахнув крыльями, запахнул их вокруг шеи Иссабаста, образовав какое-то нелепое жабо. Секунда — и на месте странного смотрителя королевских садов уже никого не было.

— Принцесса, — крикнул Гаррэль, срываясь со своего места, — разреши — я догоню его? вызову и убью! Без крэгов, на звон шпаг!

— За что, мой мальчик? — с удивительным самообладанием проговорила она. — За то, что он принес дурную весть? Но ты ведь знаешь, что в наших легендах и преданиях встречаются упоминания о призраках.

— Которые, заметь, всегда появляются удивительно кстати, — заметил не успевший остыть Юрг. — Все это, конечно, бредни. Но — кому-то выгодно. Кому выгодно нас поссорить, Сэнни?

Она медленно подняла на него свои гиацинтовые глаза. Так ли она будет смотреть в его лицо после того, как ей покажут этого призрака?

— Будем делать свое дело, — сказала Сэниа-Юрг. — Будем работать, как будто ничего не случилось, и не расставаться ни на минуту. Это моя воля: жить так, словно ничего не было.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Юрг, и без того все время удивлявшийся ее редкостной выдержке. — Паштет остыл. А на чем мы остановились?

— Мы остановились на подземелье, — сказал Юхан.

Странно. И именно на этом месте появился этот юродивый…

Дворец и подземелье

Кони трусили по вечерней дороге, соединявшей замок с обширными заводскими землями. Первое время этот путь проделывался пешком, но в последние дни, какие-то особенно нервные и напряженные, всадники возвращались домой побыстрее — лишь бы добраться до бассейна. Земляне никак не могли свыкнуться с мыслью, что этот комбинат — единственный на всю планету, и суетились вдвое больше самих хозяев, для которых такое положение вещей было привычным и естественным. Но Юрг ежевечерне выходил из себя:

— Послушай, Сэнни, ведь это просто не по-хозяйски; у меня, как говорится, на ладан дышит битумный коллектор, так эти кретины-сервы возводят рядышком ну точно такой же, со всеми конструктивными недочетами! Я останавливаю строительство, потому что первокурснику ясно — простейшие доработки и времени не займут, и ускорят процесс. Но эти дуболомы встают, как бараны — они даже не знают и слова-то такого: усовершенствование! Полторы тысячи лет на одном и том же техническом уровне — да как вы продержались?

— Раз продержались полторы тысячи лет, значит, этот уровень чего-то стоит, — отпарировала мона Сэниа. — Каждый наш завод может продержаться без людей достаточный срок, а это главное. Все его агрегаты репродуцируются автоматически.

— Первая семейная сцена, — прокомментировал Юхан. — Причем на производственной почве.

Он ошибался — за четыре месяца, которые протекли с момента появления землян на Джаспере, это был уже не первый случай, когда Юрг не выдерживал здешней косности, помноженной на средневековые предрассудки.

Перед ними со скрипом спустился подъемный мост — каждый раз подымать его не имело смысла, но традиции требовали.

— Ты свободен, Гэль, — обернулась мона Сэниа к юноше.

Гаррэль почтительно поклонился.

— Это еще куда, на ночь глядя? — забеспокоился Юрг.

Он уже привык с чисто отеческой заботой относиться к юноше, который был скорее пажом, нежели королевским знахарем.

— Во дворец, — пояснила Сэнни. — Я уже рассказывала тебе, что несколько раз в году там собирается все совершеннолетнее население планеты.

— Во толчея-то… Постой, а ты? Или я женился на

несовершеннолетней?

— Я не имею права появляться на этих собраниях, — очень спокойно проговорила мона Сэниа.

— Это еще почему же? — возмутился Юрг, супружеское самолюбие которого было задето. — Почему бы нам не слетать туда вместе, а?

— Ты можешь, а я — нет. Я — жена человека без крэга. Пария.

— Тогда почему могу я?

— А ты — не джасперианин.

— Абракадабра! То-то мы сидим взаперти, как сычи. Нет, это мы поломаем! Век электроники…

— И достижений отрасли нефтепереработки, — не без ехидства вставил Юхан.

— Во-во! И викторианская чопорность! Поломаем, это точно. С завтрашнего дня ходим в гости и принимаем сами!..

— Принцесса, — робко подал голос Гаррэль, — ни один человек на Джаспере не посмеет…

Потемневшие глаза моны Сэниа метнули лиловые молнии:

— Мне не нужна снисходительность эрлов! Ступай!

— Минуточку! — крикнул Юрг. — Если так, то мы идем вместе! Гаррэль, как это у вас делается?

Юноша вскинул на свою повелительницу длинные ресницы, как бы спрашивая ее позволения, и Юргу почудилась в его взгляде странная нечаянно прорвавшаяся радость.

— Ты волен поступать по своему разумению, муж мой, — надменно произнесла мона Сэниа.

Юрг торопливо протянул обе руки Гаррэлю, чтобы она не передумала, шагнул в сторону — и в ту же секунду под его ногами вместо известняковых плит замкового двора заскрипел тончайший золотой песок, на плечи опустились пушистые лапы терпко пахнущего кустарника, а над головой закружились бледно мерцающие майские жуки величиной с футбольный мяч. Музыка стекалась со всех сторон прихотливыми ручейками, чуть повернешь голову — и переключаешься на другой поток, столь же изысканный и беззаботный; а эти увенчанные птичьими хохолками человеческие фигуры — они были одеты причудливо, но не пестро, и в сказочной прихотливости своих средневековых костюмов вовсе не производили впечатления случайно собранных маскарадных масок.

Юрг поморщился — их рабочие комбинезоны, сшитые по его настоянию, здесь были просто нелепы… Но в следующую минуту он понял, что это несоответствие имеет и свой плюс: пары, до сих пор проскальзывавшие через золотистую полянку совершенно безразлично, стали останавливаться, задерживая на вновь прибывших взгляды, в которых сквозило безмерное удивление, впрочем, хорошо прикрытое безукоризненным воспитанием. Странно было другое: ни ужаса, ни отвращения, как это случилось во время первого контакта с джасперианами, не наблюдалось.

Круглый пятачок, освещаемый сверху летучими фонарями, через три минуты уже был переполнен. Аудитория была налицо — а это все, чего добивался Юрг. Правда, постояв некоторое время с заинтересованным, но несколько высокомерным видом, совсем как в зоопарке, люди ускользали, но на место двоих сразу же вставали четверо. Вот только как обратиться к ним, чтобы не оттолкнуть первым же словом? Ведь он, в сущности, тоже пария, человек без крэга… «Благородные жители Бухары» — вдруг само собой всплыло в памяти Юрга, и удивительно земные, милые сердцу ассоциации, навеянные одной из любимейших книжек детства, словно подтолкнули его в спину.

— Благородные жители зеленого Джаспера! — начал он — и невольно улыбнулся.

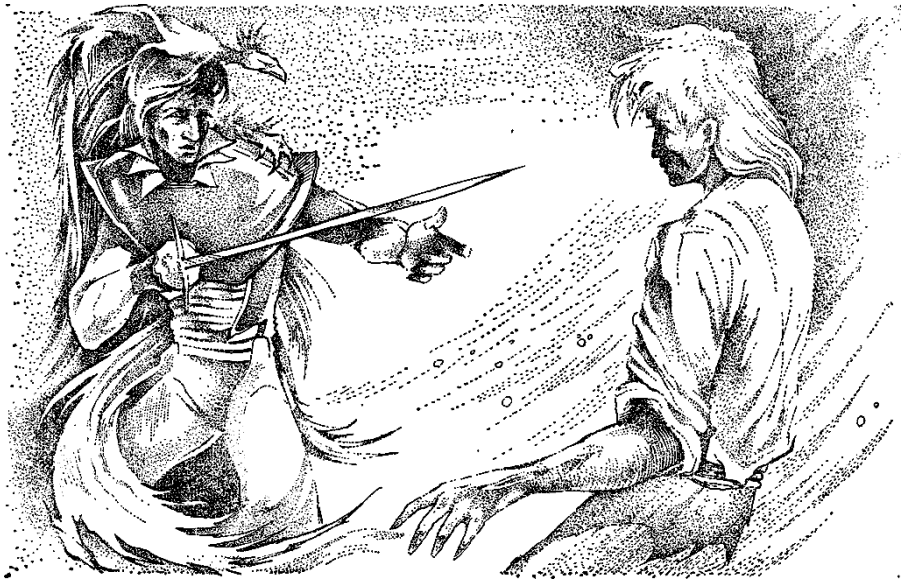
В ответ не улыбнулся никто, но на лицах отразилось внимание.

— Я прибыл сюда не по доброй воле, но все-таки благодарен случаю, который позволил мне познакомиться с вашей прекрасной планетой. («Надо брать быка за рога и не тянуть, а то могут не дать высказаться», — подумал он.) И самое удивительное, чего житель иного мира даже представить себе не мог, — это крылатые существа, которых вы называете крэгами. Насколько я понял, они служат вам пожизненными поводырями и непосредственно передают в ваш мозг все то, что видят сами… А порой и то, чего не видят. То, чего нет на самом деле!

Толпа всколыхнулась и зашелестела, словно по ней пробежал ветер.

— Возможно и обратное, — продолжал Юрг, — что вы не всегда видите и то, что существует; это я еще собираюсь проверить. Но одно уже очевидно: зрительная информация, которую передают вам крэги, не соответствует действительности….

— Остановись, чужеземец! — перед глазами Юрга сверкнул позолоченный клинок — высокий юноша в белом камзоле, у которого из-под белоснежного оперенья выбивались светло-рыжие волосы, направил острие шпаги прямо в лицо землянину. — На нашей земле нет большего преступления, чем оскорбление крэга!



— Оскорбление? — переспросил Юрг. — А кто здесь говорит об оскорблении? Я просто делюсь с вами тем, что не могло не поразить пришельца с другой планеты. Разве не удивительно, что карты, на которых вы гадаете, куда проложить путь среди звезд, — это белые бумажки без единого знака…

И в это мгновение из глубины вечерних садов раздался пронзительный крик. Рановато. Он был уверен, что этим кончится, но чтобы так скоро… Десяти минут ему не дали, гады.

Он обернулся к Гаррэлю, привычно погладил рябые упругие перышки:

— Ну, держись, Кукушонок, сейчас начнется… Хозяина своего береги!

И началось.

Крики, слившись в нестройный хор, обтекали полянку слева, а справа мчались пестрые маскарадные фигуры, с началом этой паники мгновенно ставшие нелепыми; кое у кого в руках сверкало оружие, но Юрг знал, что ожидает бегущих там, за поворотом аллеи, — клинки были против этого бессильны; надо отдать справедливость джасперианам, они прытко бросились на подмогу, но вот уже первая волна отхлынула обратно, и в нестройном гаме голосов Юрг ничего не мог разобрать. Поток отступающих докатился до него и остановился.

Теперь это был ужас. Тот же самый, что и тогда, на борту звездного корабля. Юрг ощущал, что внушает такое омерзение и панический страх, что у них не подымается рука на то, чтобы убить его.

Так человек не может раздавить голой ладонью паука.

Он еще раз оглянулся на Гаррэля, не за помощью — за

советом…

Гаррэля не было.

На какое-то мгновение перед Юргом встало лицо пажа, когда тот услышал о его решении отправиться в королевские сады — странное лицо, так внезапно озарившееся радостью… И еще одно — завещание: по нему этот мальчишка должен был получить ни много ни мало — принцессу Сэниа!

Юрг стиснул зубы. Глупо получилось, предельно глупо, его вряд бы услышала и сотня человек… Он набрал полные легкие воздуха, стараясь перекрыть смятенный гул:

— Я один перед всеми вами, и я без оружия! Вы можете убить меня, но правду вы уже знаете, и никуда вам от этого не деться. Даже если бы у меня сейчас была шпага, я не поднял бы ее в свою защиту — у нас, на Земле, зрячие не сражаются со слепыми. А вы хуже, чем слепцы! Крэги, которых вы так чтите, — не поводыри, не верные слуги. Это ваши хозяева…

Толчок сбил его с ног; падая, он ощутил то краткое головокружение, что сопутствует мгновенному переходу. Щека его коснулась шершавой известняковой плиты, над головой раздалось негромкое потрескивание факела.

Мона Сэниа сидела на том же месте, где они с Гаррэлем оставили ее, и только дымный огонь от факела, торчавшего в расщелине стены, освещал внутренность замкового дворика. Она подняла голову — ничего в ее лице не было от прежней надменности. И от королевского достоинства — тоже. Огромные глаза и смертная мука ожидания — вот и все осунувшееся личико.

За ее плечом хмуро глядели потемневшие глаза Юхана. Оба они сидели на обломках камня и при появлении Юрга не поднялись.

— Сэнни, — сказал Юрг, — ты прости меня, дурака самодовольного, я больше никогда без тебя…

Она кивнула и продолжала глядеть — уже не на него, а дальше, на того, кто стоял сзади. Юрг резко обернулся — это был все-таки Гаррэль, но в каком виде…

— Пойдем-ка, Юрик, — проговорил Юхан, делая два шага вперед и крепко стискивая запястье названого брата. — Пойдем.

Они подошли к тяжелой дубовой двери, переступили порог. Всеми силами Юрг постарался не обернуться. Подкатились сервы, услужливо приняли плащи. Привратный серв со скрипом затворил дверь.

— У вас-то что стряслось? — Юрг вцепился в отворот комбинезона Юхана так, что материя затрещала.

— Да у нас-то ничего… Голос. Из королевских садов.

— Чей? Пугал?

— Тана давешнего, садовника. Сказал, что был призрак.

— А ты что, сам не догадался, что этим кончится?

— Чего мне догадываться, я нечисти не боюсь. А вот тутошний народ нервами слаб. Плохо кончилось.

— Знаю, — сказал Юрг. — Надо было сразу мне верить. А они носятся с этими курами… Впрочем, их понять можно. Представляю, какая жуть им померещилась по милости этих захребетников. Я как услышал этот визг…

— Это была старшая сестра Гаррэля, — быстро проговорил Юхан. — Она умерла. Думаю, что по-нашему это называется эмоциональный инфаркт. Но на теле выступили красные пятна…

— Это Иссабаст сказал?

— А кто же еще.

Юрг сжал голову руками, прошелся по гулкой сумрачной передней. Сервы пугливо заползали в углы.

— Голову даю на отсечение, что не было никаких пятен! Все это крэговы штучки. Надо засучивать рукава и отмывать эту землю от всей средневековой пакости! А если потребуется, то и драться!

Юхан оттопырил нижнюю губу, меланхолично покрутил головой:

— И тебя побьют.

— Потому что крэгов много, а я один?

— Во-первых, мы вдвоем. А во-вторых, дело не в числе. Ты просто не годишься сейчас в настоящую драку.

— Это почему же?

— Ты счастлив. А счастливые люди — не лучшие бойцы.

Юрг промолчал. До драки, вероятно, дойдет — вот там и будет видно. Он толкнул правую дверцу. Подниматься сейчас по беломраморной лестнице с сиреневыми фарфоровыми колоннами он просто не мог. Тошнило от великолепия. За дверцей скрывалась легкая витая лесенка, бегущая в вечерние покои. Стены круглого помещения тоже были обшиты панелями из резного дуба. Причудливые листья, виньетки… Юрг поставил ногу на нижнюю ступеньку, надеясь услышать за спиной легкие шаги жены. Она не шла. Он постучал пальцем по перильцам, рассеянно скользнул взглядом по стене, затканной резьбой.

Сотни отдельных элементов орнамента словно объединял один контур, скорее угадываемый, чем точно очерченный. Ну да, первая буква джасперианского алфавита. Юрг машинально поднялся еще на одну ступеньку, желая получше рассмотреть, случайно или намеренно сложились в букву отдельные выпуклости, завитки и просто тени — ведь бывает, что даже

контуры облаков совпадают с каким-то рисунком. Ну конечно, буква пропала. Зато…

Чуть левее проступила другая.

Еще одна ступенька — проступила третья буква.

Такое никак не могло быть случайностью. Он поднялся еще, искал долго — уже отчаялся, но все-таки угадал мимолетный рисунок…

И еще… И еще… Девять ступеней — и девять букв.

А вместе они сложились в знакомое слово, которое в переводе с джасперианского значило ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Юрг перегнулся через резные перильца, глянул вниз — старинный паркет, ни малейшего намека на замаскированный вход.

Во второй раз это слово с каким-то фатальным упрямством вставало на его пути.

— Да провались ты!.. — он в сердцах чуть не плюнул на резные ступеньки. — Тут на земле-то не разобраться со всей этой чертовщиной, не до подземелий…

Пока под защитой

Он подошел к стойке с оружием и, упершись ногой в яшмовое основание, со скрежетом вытащил из гнезда тяжелый двуручный меч. Звук был такой, словно оружие не вынимали уже сотню лет, но отполированная плоская полоса металла сверкала как зеркало — именно в этих целях Юрг его и использовал. Да, с оптикой на Джаспере было паршиво — не то, чтобы фотоаппаратов, не имелось ни биноклей, ни даже зеркал. Чувствовалась лапа крэгов — если позволительно сказать так о существах, у которых и лап-то нет: одна голова да пушистые крылья, кончающиеся парой когтей… Материализованные привидения.

Он сволок меч в ванную, прислонил к стене и принялся бриться, искоса поглядывая на фрагмент собственного отражения, умещавшийся в пределах лезвия. Когда это Юхан назвал его счастливым человеком? Целую вечность — два месяца тому назад. Сейчас на серой блестящей поверхности отражалось малосимпатичное лицо с ввалившимися щеками, настороженно сжатыми губами и лазерной жесткостью взгляда когда-то голубых и беспечных глаз. И немудрено: эти два месяца они спали, не раздеваясь, в одной комнате, которая была выбрана из тех соображений, что имела три выхода и кроме того — люки в полу и потолке. Все это охранялось сервами, которым было приказано в случае чего просто завалить вход массой своих тел. И все-таки для надежности пришлось ввести четырехчасовые вахты.

Юрг провел пальцем по подбородку — где-то кололось. Подошел к стрельчатому окошку, прикрытому самодельными жалюзи, с удовольствием втянул тоненькую струйку свежего воздуха. И в ту же секунду тяжелый дротик, сорвав несколько пластинок, влетел в комнату и с треском расколол фарфоровую палетку. В прорезавшейся дыре четко очертились контуры всадника на желтом крылатом коне, который планировал точно на окно и уже нацеливался вторым дротиком. Юрг всем телом ринулся вперед, заслоняя пробитую брешь, и успел-таки нажать подоконный рычаг — с грохотом опустились ставни, и хищный лязг второго дротика был уже никому не страшен.

До чего точно целятся, собаки! В замке тысяча окошечек, попробуй угадай, за которым из них не опущен внутренний заслон.

А тем более — распознай подошедшего человека! И вот поди ж ты, угадывают. Бьют, правда, не метко — один только раз задели Юхану плечо. Но ведь главное — заглянуть в замок. Это и есть самое страшное. В незнакомое помещение джасперианин

просто не способен проникнуть — для этого проклятого «перехода через ничто» требуется очень четко представлять себе, куда нужно перебросится, Без этого можно вмазать в стену, оказаться в одной точке с поднятым мечом или даже стоящим посреди комнаты креслом.

А это — верная гибель. Поэтому осаждавшие все силы прикладывали к тому, чтобы заглянуть во внутренние помещения замка. Удавалось им это редко, но уж если хоть один из врагов совал свой нос в какое-нибудь окно — эту комнату приходилось наглухо замуровывать.

Сейчас, кажется, обошлось.

Но ведь рано или поздно не обойдется! Ворвутся скопом во внутренние помещения, навалятся — ни шпага не поможет, ни десинтор. И что самое страшное — бьют-то ведь почти наугад. И когда-нибудь их мишенью нечаянно станет Сэниа…

Вчера она не выдержала. Когда чей-то оголтелый крылатый конь грудью и копытами проломил купол ее любимого висячего садика, она, как всегда, велела сервам наглухо замуровать в него все входы и, несмотря на осенний холод, как была в утреннем сиреневом платьице, выскочила в замковый двор.

Всадники, плавно кружившиеся над стенами, прянули в стороны. Даже не взглянув на них, она быстро направилась по дороге к заводам. Никто не посмел ни приблизиться, ни даже пересечь ей дорогу. Вдыхая запахи вянущей травы и с наслаждением подставляя лицо и плечи холодному аетру, от которого успела отвыкнуть за эти два месяца вынужденного затворничества, она дошла до первых корпусов и хозяйски огляделась. Все здесь было в порядке, вот только…

Повинуясь какому-то толчку, она резко обернулась — левая башенка замка, видневшаяся над тиссовой рощей, была охвачена пламенем. Потеряв голову от страха, она ринулась туда — и чуть угодила в огонь.

Сервы, деловито тушившие пожар, успели подхватить ее и вытащить в гобеленовую лоджию, где, к счастью, еще ничего не успело затлеть. Юрг едва успел накинуть плащ на нее — промерзшую на ветру, мокрую насквозь; она вырвалась, подбежала к висевшему в нише тусклому гонгу и ударила в него рукояткой своего кинжала.

— Правосудия и справедливости! — крикнула она, перекрывая бархатистый звук гонга.

— Сэнни? — раздался в ответ удивительно низкий, полнозвучный голос, за которым прямо-таки угадывался эдакий оперный красавец. — Я знал, я знал…

— Скажи мне, почему мой муж, равный мне разумом и

свободой рождения, не защищен законами справедливого Джаспера?!

— Погоди, Сэнни, все не так просто…

— Еще бы! Что может быть проще убийства? Защита — она много сложнее!

— Постой, девочка, тут надо подумать. Тебе сюда нельзя… Ты пойми меня правильно, но ведь законы — это единственное, на чем мы еще держимся. Тебе, значит, сюда нельзя. Но мы сделаем вот что: я приду сам. Ты где?

— В лоджии.

Ее голос не успел отзвучать, как на фоне каких-то геральдических зверей, поблекших от времени, возникла невысокая человеческая фигура, тоже вся какая-то блеклая. Длинные волосы, брови, усы, борода и бакенбарды свисали единой, весьма прореженной системой, так что худое лицо, нимало не напоминавшее оперного премьера, почти не было видно. Бронзовый крэг, редкоперый, с воспаленными глазами, похоже, был крашен, и неумело — в основании перьев проглядывала прозелень. В отличие от изысканных камзолов джасперианов, вновь прибывший был одет в какой-то удивительно земной лапсердак из лошадиной кожи.

Со всем этим катастрофически контрастировали глаза — умные и беспокойные глаза до смерти замороченного на работе человека.

К тому же они уставились на принцессу и никак не хотели от нее отрываться. «Старый ловелас, только его нам и не хватало в качестве пожарника!» — со злостью подумал Юрг.

— А ты похудела… — с неподдельной нежностью проговорил прибывший. — Тебе чего-нибудь не хватает? Я велю доставить. Мы сейчас сделаем так…

— Не будь жалким, — жестко сказала мона Сэниа. — Я спросила…

Что-то тяжелое с лязгом впилось в оконный переплет, но стекла выдержали.

— Поднимите знамя, — как-то мимоходом молвил неизвестный, делая небрежный жест в сторону сервов.

Скорость, с какой они бросились выполнять его приказание, до сих пор ни разу не наблюдалась. Где-то очень высоко истошно взревела хриплая труба; человек в лошадиной коже подошел бочком к окну, все так же не отрывая взгляда от моны Сэниа, распахнул ставни. В лоджию ворвался влажный осенний воздух, и только сейчас стало ясно, как тяжело было до сих пор дышать в смрадной атмосфере едва угасшего пожара. Юрг с опаской оглядел небо, но экстремистов на крылатых конях как ветром

сдуло.

— Правосудие и справедливость на той стороне, — проговорил гость, печально покачивая кудлатой головой. — Ты ведь знаешь, как высоко ценится каждая жизнь, а мы потеряли уже троих…

— Но мой муж и его брат — тоже люди!

— Они — существа без крэгов. На других планетах мы обходим их стороной, не нанося вреда, но на собственной земле мы вынуждены защищаться. К тому же никто еще не преступил грани закона — здесь не прогремел пока ни единый выстрел. А шпаги там, дротики, бердыши и прочая ерунда… Ты же знаешь, Сэнни, наша молодежь владеет всем этим в таком совершенстве, что они сумеют промахнуться. И промахиваются.

— Значит, это — спектакль? — взъярилась мона Сэниа.

— И да и нет. Но продолжать это опасно. Поэтому мы сделаем так: твой муж и его брат должны получить права истинных джасперианин. Для этого им надо просить крэгов о Милости Пестрого Птенца. Что будет потом — это уже детали, вы ведь и так нигде не показываетесь… Но юридически они будут защищены всеми древними законами.

— Ну, так мы не сделаем, — решительно заявил Юрг.

Гость впервые поднял на него глаза. Странно, очень странно глядели джасперианине: внимательно и все-таки немножечко в сторону. Но если их взгляд направлялся на голос — тут уж никак нельзя было заподозрить их в слепоте. И тем не менее это было так.

Юрг с твердостью выдержал взгляд пришельца, готовясь отмести любые предложения. Но вместо этого услышал:

— Это — твой супруг? Совсем еще мальчик…

Ну, вот это уже было из рук вон! Юрий Брагин слышал про себя все что угодно, — но такое…

От растерянности он пропустил возможность вставить реплику.

— Грустно, очень грустно, — проговорил гость. — Тогда у меня единственная просьба: улетайте скорее. Сколько у меня там малых кораблей уже наготове? А, восемь. Для надежности нужно два… — Он сцепил руки и покрутил большими пальцами. — Тогда мы сделаем так: в замке Хурмов… да и в семействе Ютов есть безнадежные старики. Они практически уже отключились, не видят и не слышат. Их крэгов можно уже отправлять.

— Да вы что? — впервые вмешался Юхан. — От живых людей?

От возмущения он снова стал слегка заикаться, чего на Джаспера за ним давно уже не наблюдалось.

— Заставить их умирать в темноте? — взбеленился и Юрг. — У нас это назвали бы подлостью!

— У нас это называется стратегической необходимостью, молодой человек, — сказал гость. — Если кто-нибудь встанет на вашу сторону, то это будет уже не нападением из самообороны. Это будет маленькой войной. Но даже маленькая война для нас непоправимая трагедия. Вы этого не поймете… Лучше пожертвовать двумя стариками. Хотя, если бы не Сэнни, я охотно пожертвовал бы вами, и сейчас вы находились бы попросту в космическом пространстве. И без скафандров. Впрочем, можно и в них.

— Знаете, мы тоже на хотим войны, даже маленькой, — сказал Юрг. — Мы только просим нас выслушать, понять и затем вместе подумать, как быть дальше. Никакой скоропалительности! Никаких преждевременных мер! Только — узнать правду и обдумать ее.

— Да мы с нею вымрем, с вашей правдой, — сказал гость.

Мона Сэниа стиснула руки и, отвернувшись к стене, прижалась к ней лбом.

— Ну, не хотите брать крэгов авансом — дело ваше. Подождите. Жертвы будут, и скоро. А там — вас ждет ваш дом.

Юрг покачал головой.

— Бросить вас — слепышами?

— Оставить нас живыми. Джаспер — цветущим и богатым. А Сэнни — прежней принцессой. Не парией.

— Ах, вот что…

— Да, Ваш отлет будет равносилен смерти. Мона Сэниа найдет себе мужа…

Только тут Юргу пришло на ум, что за все время разговора владелец бронзового крэга ни разу даже не взглянул в сторону Гаррэля, словно юноши здесь и не было. Он подошел к пажу и опустил руку на пестрое оперенье, прикрывавшее его плечи:

— Моне Сэниа незачем искать себе мужа. Если со мной что-нибудь случится, она завещана Гаррэлю из рода Элей.

Он и сам не знал, почему у него вырвались эти слова. Но странный гость не соизволил обратить на эти слова ни малейшего внимания. Он снова смотрел на мону Сэниа, и только на нее:

— Я должен идти, Сэнни, у меня больше нет ни минуты. И если у тебя не останется никакого выхода, сделай так: сожги за собою… мостки.

Нет, не мостки, не мосты, какое-то другое слово, которому Юрг не знал земного эквивалента — и сама пословица звучала не однозначно, в ней было какое-то тайное указание, и он твердо решил запомнить эту фразу, чтобы потом обдумать ее на досуге,

ежели таковой представится. Но пока он ломал себе голову, владелец бронзового крэга растаял в воздухе так же неожиданно, как и появился.

Мона Сэниа подошла к окну и плотно прикрыла ставни.

— Спустите знамя, — велела она сервам.

— Какое еще знамя? — рассеянно переспросил Юрг, голова которого не могла переварить столько неожиданностей разом.

— Королевское, — ответила его жена.

Когда мосты сожжены

— Тупик, — сказал Гаррэль, поднимая факел.

С огромного золотого щита на них смотрел маленький человеко-муравей, немилосердно тараща фасеточные глазки. Его окружал рой чеканных пчел со старушечьими личиками.

— Это еще кто? — спросил Юрг.

— Древние боги, — устало ответила мона Сэниа.

— Почему-то мне хочется дать ему в глаз, — с несвойственным ему раздражением проговорил Юхан.

— Никогда не сдерживай порывов, которые идут от сердца, как говаривал один капитан королевских мушкетеров, — посоветовал Юрг.

Гаррэль вытянул руки вперед и большими пальцами надавил на выпуклые глаза божка. Раздался скрип, и щит откинулся в сторону, словно крышка торпедного аппарата.

— Просто счастье, что все двери и механизмы сделаны из золота, — заметил Юрг. — За столько лет не заржавело. А дальше, между прочим, опять пещера.

Такое они уже проходили: своды терялись в полумраке, но на стенах задумчиво тлели созвездья фосфоресцирующих грибов. Если потушить факел, то глаза быстро привыкали к экзотическому освещению. Вдобавок где-то слева приветливо журчал ручеек.

— Останавливаемся здесь, — скомандовал Юрг. — Водопой и пастбище рядом, сзади неплохой лабиринт с ловушками. Дальнейшую дорогу разведаем после ужина. Полагаю, что мы находимся в каком-то капище. Всем располагаться…

Сзади раздался металлический грохот — упал серв.

— Еще один отключился, — сказал Гаррэль. — Подзаряжать будем, командор?

— Нет. У нас всего три ящика с батареями. Что не успеют донести сервы, притащим сами. Времени у нас много.

Последнее замечаний не вызвало энтузиазма ни у кого из присутствующих — времени действительно было много, так много, что никто не решился задать вопрос: а что же потом? Сервы, выбиваясь из последних сил, втаскивали ящики и, повинуясь жесту Юрга, складывали их один на другой, отгораживая правый алтарный угол для моны Сэниа. Юрг и Юхан тщательно проверили, нет ли и здесь ловушки — вроде бы не было. Ступени, возвышение, кованый балдахин — все было из чистого золота, литого, высокопробного, и оставляло желать только лучшей отделки.

Вдоль стен тянулись массивные лавки-лари, к счастью, крытые деревянными панелями — золотую крышку было бы просто не поднять. Когда-то на них лежали драгоценные покрывала — осталась лишь ветошь… В ларях было множество статуэток, тончайшая золотая посуда и никакого оружия.

Сейчас все сидели над бездымной шашечкой теплового концентрата, на которой в старинном золотом кумганчике варился кофе — или, во всяком случае, его джасперианский эквивалент.

Теперь, когда от входа в подземный лабиринт они отошли

довольно далеко, можно было посидеть и подумать.

— Не по-ни-маю… — медленно проговорил Юрг, потирая впалые щеки. — Тайна на тайне! Засекреченные входы, самое страшное проклятье, которое мы имели честь заслужить, спустившись сюда… Ради чего? Что было здесь прятать? Золото?

— Не знаю, — сказала мона Сэниа. — Почему — золото? Оно не дороже свинца.

— Запретные боги?

— Почему — запретные? Они сейчас просто никому не нужны, вот о них потихоньку и забывают.

— Тогда — подземная тюрьма? Но и по интерьеру не похоже, да и останков узников не обнаружилось. Скорее это походит на убежище, помните, в левой ветви лабиринта кувшины с зерном и вином? Мне трудно судить, я не археолог, но стоят они тут не полторы тысячи лет. Меньше.

— Значит, кто-то из рода Муров нарушал закон и спускался сюда… Впрочем, в королевских архивах об этом ничего не говорится. И планов подземелья никто не знает. Мы можем беспрепятственно войти в любой из замков Джаспера, это привилегия членов королевского дома, но подземелье запретно и для нас.

— Но почему, почему?

Кукушонок, давно уже хохлившийся, как от ветра, сделал такое движение, словно хотел взлететь.

Никто не обратил на него внимания.

— А когда это подземелье построили? — спросил Юхан.

— И на это ответить трудно, — пожала плечами Сэниа, — Во всяком случае, пещеры существовали всегда, Затем стали брать камень для строительства замков — старинных замков, настоящих, от них сейчас вряд ли две-три развалины сохранилось… Тогда возник древний лабиринт.

— У нас на Земле так же. Древних лабиринтов полным-полно, но вот таких, как этот — ни одного. Он тянется до дворца?

— Не исключено. Хотя… Из всех современных замков дворец был построен последним. Уже после Нисхождения ночи.

— Послушай, Сэнни, мы уже полгода слышим об этом кошмаре, но ни разу не было времени толком расспросить, что же у вас приключилось?

— Это очень грустная история, муж мой, но мы сейчас в достаточно невеселом месте, так что мой рассказ прозвучит кстати… Я постараюсь быть краткой, тем более что никто не оставил подробных записей. Не до того было.

— Ты все-таки поподробнее, сестренка, — попросил Юхан.

— Были возведены замки, потом выросли города, прошло

время рыцарей, эпоха купцов, век Просветления Разума; затем наступила эра Великой Техники. Все это получилось как-то сразу, сумбурно… То стояли полуручные станки, то начали строиться промышленные гиганты. И между ними — всего сотня лет! Только Джаспер был способен на такой немыслимый скачок.

Юрг задумчиво почесал в затылке:

— Думаешь — только Джаспер? Ну, ну…

Она посмотрела на него с серьезностью взрослого человека, который отбирает у ребенка сломанный драгоценный прибор.

— Я просто надеюсь, что только Джаспер мог быть способен на подобное сумасшествие. Потому что за следующие пятьдесят лет мы буквально отравили нашу планету. Реки, моря, воздух — все было загажено, леса вырублены, звери истреблены. Разумеется, были и достижения — ведь джасперианe владеют даром мгновенного перехода через ничто, и теперь этот дар был использован для путешествий во Вселенной. Было привезено немало полезного — семена, дающие небывалый урожай, некоторые металлы; тогда же с какой-то из планет другой галактики привезли и крэгов.

— Так они — не автохтоны? — подскочил Юрг.

— Нет. Потому-то для них и является самым горячим желание уйти на какую-нибудь пустынную планету, чтобы доживать там свой век в гордом и всемогущем одиночестве. За это они и служат человеку всю его жизнь… Но давай по порядку. Итак, мы лишились естественных условий — непомерно разросшееся население приходилось кормить искусственными продуктами, в дома подавался очищенный воздух, вода синтезировалась… Тогда-то самые богатые семейства стали создавать свои усадьбы-крепости, рассчитывая вести там натуральное хозяйство. Но и скот, и семена уже претерпели необратимые изменения. И люди начали умирать от этой нечеловеческой еды, питья и воздуха. Я не знаю, как называлась эта болезнь, но она тоже была стремительна в своем развитии и прежде всего накинулась на тех, у кого не было усадеб-крепостей… Что ж, этими людьми никто не дорожил — на их место встали сервы, которых сотнями штамповали заводы. Но я думаю, что о подземелье как идеальном убежище вспомнили именно тогда. И начали приводить в порядок.

— А зачем столько золота? — спросил Юхан. — Вон даже потолки в пещерах — и те обшиты плиточками. И проклятье…

— Да, не вяжется, — покачал головой Юрг. — Вряд ли в подземелье хотели отсиживаться на случай восстания бедноты, и без того благополучно вымирающей от тотальной аллергии. Нет, здесь что-то поглубже…

— Мы опять перебили тебя, сестричка, — сокрушенно проговорил Юхан. — Ты уж прости нас, мужланов.

— Собственно, досказывать осталось немного. Против этой болезни, для которой у нас нет названия, нашли лекарство. Обрадовались. Сколько-то там лет принимали — не то десять, не то двадцать. И ничего. А потом началась повальная слепота… Дети — и те рождались слепыми. Наверное, человечество прекратило бы свое существование, если бы не крэги. С самого начала кто-то подметил, что если крэг — а их содержали как ручных животных — садится на плечи и кладет клюв на голову человека, тот сразу становится в несколько раз зорче. Попробовали то же самое со слепыми — зрение к ним вернулось! Правда, видели не они сами, а крэги, но как-то это передавалось в мозг человека. Я не биолог, тонкостей не знаю — может, Гэль объяснит?

— Нет, — покачал головой юноша. — Мы не знаем, на каком принципе основана передача информации, а крэги не разрешают себя исследовать. Поэтому и невозможно создать прибор, заменяющий живого крэга. Так что мы, знахари, тоже ничего не знаем.

— Ну, а потом был заключен Великий Уговор, и крэги стали служить людям…

— Но при чем тут подземелье? — крикнул Юрг.

Он нутром чуял, что все это как-то связано, однако ни одной зацепочки пока не находилось.

Пестрый крэг снова встрепенулся, словно хотел сняться со своего привычного места. Юрг рассеянно погладил его.

— Ни Уговор, ни Запрет, ни Древние Законы не были записаны. Это сделали гораздо позднее, когда планета снова зажила нормальной жизнью. Немногочисленные семейства укрылись в замках-усадьбах, и человечество, возможно, вернулось бы на несколько тысячелетий назад, если бы один из мудрецов не взял в свои руки то, что мы сейчас зовем координацией экономики. Его имя не сохранилось — было не до историографии, но его честь все короли Джаспера не имеют собственного имени. Вот так появилась наша семья.

Она проговорила это просто и спокойно, но все невольно склонили головы. Увенчанная аметистовой короной из перьев, освещенная тусклым факелом, она, казалось, притягивала к себе тяжелый свет, нисходящий с золотого потолку; Юрг смотрел на нее — преступившую древние законы своей земли, проклятую и отверженную, отрекшуюся от своего королевского рода, — и, может быть, впервые по-настоящему понимал, какая же сказочная царевна досталась в жены ему, Иванушке-дурачку…

— Вот, собственно, и все, — закончила она свой рассказ. — Теперь мы живем на зеленом Джаспере, и дышим чистым воздухом, и пьем прозрачную воду, и больше войны, больше чумы боимся одного — ужаса перенаселения…

«И дичаете в одиночестве!» — чуть было не вырвалось у Юрга, но он вовремя промолчал. Наступила долгая пауза. С зеленым Джаспером было все ясно, но вот подземелье так и осталась тайной за семью печатями.

— Иди-ка отдохни, сестренка, — сказал Юхан, наклоняясь к ней. — Лица на тебе нет.

Они с Юргом были одного роста и примерно одинакового телосложения, так что в полутьме подземелья их легко можно было и спутать; но когда Юхан обращался к принцессе, он сразу становился как-то выше, шире в плечах, будто птица, расправляющая крылья над птенцом. Он протянул руку, и, словно испуганный его движением, сиреневый крэг поднялся в воздух и перелетел на какой-то ритуальный бунчук, торчавший в углу. В одно мгновение из владетельной принцессы мона Сэниа превратилась в беспомощную девочку, доверчиво и слепо поднимающую чуткое лицо навстречу чужому дыханию. Эти превращения Юрг каждый раз воспринимал как болезненный удар и привыкнуть к ним не мог, да и не хотел. Была в этом какая-то чудовищная несправедливость.

— И верно, постарайся поспать, — проговорил он, поднимаясь и на руках перенося ее за импровизированную перегородку, сооруженную сервами. — А я схожу на разведку.

— Без тебя управимся, — донесся из-за ящиков голос Юхана. — А ты в случае чего держи оборону. Гэль, пошли!

Глухо брякнул золотой щит, в подземном капище стало темно и тихо. Сэниа мгновенно уснула, уткнувшись Юргу в сгиб локтя. Немудрено — такого дня, как сегодня, не было еще у них на зеленом Джаспере. Не успела скатиться за меловой хребет утренняя луна, как на замок навалилась орда крылатых экстремистов. Теперь они уже не ограничивались копьями и дротиками, срывающими ставни и решетки: кони-дракониды грудью и копытами пробивали себе дорогу в самых уязвимых местах — на висячих мостиках, лоджиях и балконах. К счастью, бронированные плиты внутренних ставен выдержали штурм, но было ясно, что это — только начало. Землянам терять было нечего; не подвластные законам Джаспера, они взялись за десинторы.

Правда, били они только по животным. С десяток коней рухнуло на известняковые плиты двора, всадники предпочли улетучиться своим привычным способом. Сервы добивали

раненых буцефалов, норовивших перекусить их пополам, когда в замковой трапезной раздались грохот и крики, и Гаррэль, набиравший себе в колчан короткие арбалетные стрелы, едва-едва успел опустить бронированную перегородку перед разъяренным отрядом, которым командовал Иссабаст.

С этой минуты четверо в осажденном замке были обречены. Пока нападающие не знали расположения комнат, можно было надеяться переждать здесь хоть год; но теперь Иссабаст появлялся то тут, то там, используя каждое помещение, которое знал и помнил. Он распахивал окна, и его соратники, на лету соскакивая с коней, врывались в коридоры и галереи. Осажденный замок кое-где горел, сервы путались под ногами, одинаково мешая обеим сторонам, и хозяева замка шаг за шагом отступали, пока не оказались прижатыми к двери, ведущей на малый двор.

Выйти наружу значило быть погребенными под живой массой нападающих, защищать просторный холл и витую лесенку, ведущую в вечерние покои, уже захваченные нападающими, было безнадежно — ну, час; ну, день.

А потом?

И вот тогда Юрг вспомнил о странных словах короля Джаспера, которым даже мона Сэниа не придала значения. Срезанные лучом десинтора, ступени вспыхнули, открыв под собой вход в проклятое подземелье.

Туда затолкали десяток сервов и спустили ящики с продовольствием, недавно доставленные со складов и, к счастью, еще не унесенные от входа. Юрг спустился первым. Сэниа, не колеблясь, ступила за ним. Гаррэль задержался на секунду — искал глазами, не нужно ли еще что-нибудь прихватить с собой для принцессы. Юхан, шедший последним, задвинул тяжелые створки люка. Сэниа заметила, что это лишнее — ни один джасперианин не решился бы преследовать их, переступив порог подземелья.

Тогда Юрг даже не подумал — а почему бы?..

А вот сейчас, сидя на полу возле самодельного ложа жены, он над этим задумался. Может быть, пребывание здесь смертельно для людей? А может…

Послышался дробный стук сапог — кто-то бежал к дверям со стороны пещеры. Шумно встряхнулся крэг, сидевший в углу. Юрг высвободил руку из-под головы жены и метнулся навстречу.

— Командор! — возбужденно зашептал Гаррэль в приоткрывшуюся щель. — В конце пещеры — люк! Выход в ущелье, что за башней, которую вы зовете Суп…

— Суперэйфелем.

— Да, да! Человеку не спуститься — это пропасть, но крэг

вылететь может.

— Его же засекут, Гэль!

— Сейчас уже ночь, а крэги любят купаться в лунном свете. Ночью джасперианe слепы…

— Но ведь и вы ослепнете, если отпустить крэгов. Тогда нас возьмут голыми руками.

И тогда случилось непонятное: Кукушонок приподнял крыло и отчетливо показал коготь. Как человек показал бы один палец.

— Выпускать будем по одному, — молниеносно решил Юрг. — Эй, Сэнни-крэг, приглашаю вас на прогулку!

Крылатое существо распахнуло крылья и бесшумно, как сова, перекочевало на левую руку Юрга. Когти жестко окольцевали запястье — наручники, да и только. Юрг переступил через порог и побежал вперед, где в дальнем конце пещеры маячил факел Юхана. Странное впечатление производила эта пещера: первобытное пристанище, кое-где сколотый камень, условный рисунок, допотопный божок в нише — из полунасекомых. И над всем этим — золотой свод.

Люк, открытый разведчиками, мог бы пропустить и человека, но внизу зияла провалом ночная пропасть.

— Слушай, аметист, а ты вернешься? — опасливо проговорил Юрг. — А то без тебя…

— Дурак, — коротко ответствовал Сэниа-крэг.

— Ну, знаешь, если ты решил переквалифицироваться в попугаи, то научись произносить это слово по-русски. Эффектнее будет.

— А я еще уувеличу твой лексикон, — мрачно пообещал Юхан. — Меня этому прежде всего науучили…

Сегодня ему досталось бердышом по голове. Это чувствовалось.

Юрг снял со своей руки крэга и осторожно просунул его в отверстие люка. Фламинговые перья сверкнули в свете белесой луны и исчезли из виду. Юрг притворил дверцу.

— Он вернется, — проговорил незнакомый, по-детски картавящий голос.

Юхан, Юрг и Гаррэль разом вздрогнули.

— Кукушонок, ты?..

— У меня… мало… времени, — продолжал пестренький крэг, старательно выговаривая слова. — Он вернется… потому что должен… следить за всеми нами. Для крэга прежде всего — долг перед всеми крэгами.

— А ты? — ошеломленно спросил Гаррэль у собственного поводыря.

— Я… я пария, пестрый крэг. И вы первые, кто приласкал

меня. Я ведь не виноват, что родился… пестрым.

— Значит, Сэниа-крэг шпионит за нами?

— Да. Сейчас он расскажет всем своим, где вы.

— И они передадут Иссабасту?

— Нет. Крэги слишком презирают людей.

— Ну, об этом я догадывался… — заметил Юрг. — А почему же мы не слышим, чтобы крэги пели или щебетали?

— Мы не говорим. Мы думаем. Но то, что видит или слышит один, видят и слышат все.

— Телепатия, черт бы ее побрал! — пробормотал Юрг.

— Я… не знаю этого слова, — смущенно признался крэг.

— Так тебя и сейчас слышат? — спросил Юхан.

— Нет, нет, — заторопился Кукушонок. — Вы искали тайну подземелья, а она вот в чем: крэги не слышат того, что происходит в нем. Потому-то они и наложили на него строжайший запрет и смертное заклятье. Это — единственное место, где можно составить заговор против крэгов.

— Знать бы раньше, — вздохнул Юрг, глядя в золотой потолок. — Но послушай, Кукушонок, ведь ты вылетишь отсюда — и твои мысли будут прочтены?

— Пока я постараюсь тихонечко петь про себя. А потом… Говорите почаще на своем языке, я его уже немного изучил, но будет безопаснее, если я вообще буду думать на нем.

— Да ты просто гений, Кукушонок!

Снаружи послышался легкий скрежет по дверце — аметистовый крэг, похоже, опасался надолго оставлять людей без своего присмотра. Юрг поймал его на руку и понес обратно в свои подземные апартаменты. Юхан и Гэль остались, чтобы дождаться Кукушонка, выскользнувшего наружу.

Осторожно ступая, Юрг вошел в их новое жилище. Прислушался. Мертвая тишина. Ни шороха, ни дыханья. Смертельный ужас нахлынул на него, и он бросился за перегородку, стряхнув с руки пернатое созданье.

Сэниа тихо спала, сжавшись в зябкий комочек. Господи, да что он сделал с ней? Пришел с далекой звезды — и зачем? Чтобы замуровать ее в этом подземелье?

— Прости меня, — невольно вырвалось у него. — Прости…

Легкие пальцы привычно коснулись его лица:

— Глупый, — прошептала она, — глупый ты мой… Я ведь только сейчас и начала жить по-настоящему…

— Какая же это жизнь! Вот раньше ты была командором звёздной дружины, а еще раньше — юной принцессой, которую любил первый рыцарь королевства.

— Ах, вот что тебя тревожит… — тихий смех поднялся из

темноты, словно пузырьки серебристого воздуха со дна ручья. — Нет, милый, все гораздо печальнее. Это я любила его, любила всю жизнь — боготворила, мечтала, тосковала… Пока не поняла, что он просто не умеет любить. Для него было по-настоящему дорого только одно — одиночество. Может быть, его самого мучило, что он холоден, как статуя, — не знаю. Но даже в последний свой миг он не нашел для меня ни единого слова любви. Знаешь, какие слова он послал мне через все дали космоса?

— Не надо, Сэнни…

— Он сказал: «Ты свободна, принцесса Сэниа». И тогда я поняла, что и во мне давно уже больше горечи и отчаянья, чем любви.

— А вот у нас, на Земле, оживают даже статуи, если их любят больше жизни, — сказал он и сразу же пожалел об этом.

— У нас, на Джаспере, так не бывает.

— Значит, на Земле умеют любить сильнее, — улыбнулся он.

— Может быть, у вас просто дороже ценят свою жизнь. Ты не думал, зачем я ринулась в созвездие Кентавра? Чтобы никогда больше не вернуться на Джаспер. Я поняла, что мне просто незачем жить. И не вернулась бы, если бы…

— Сэниа, скажи, как это приключилось, что ты смогла полюбить меня?

— Я и сама не знаю… Наверное, это произошло тогда, когда я в самый первый миг почувствовала твои руки, твое дыхание… Разве у вас, на Земле, не достаточно одного прикосновения, чтобы полюбить?

Он счастливо засмеялся:

— Если признаться честно, то у нас для этого требуется как минимум один взгляд.

— Значит, все-таки на Джаспере умеют любить сильнее…

За золотой дверью послышались шаги и голоса, оттененные пещерным резонансом.

— О, дьявол, — вырвалось у Юрга. — Может, тебе эта жизнь и кажется настоящей, но мне вот — нет. Столько ночей не раздеваясь, с оружием в руках, все вместе…

— Мой звездный нетерпеливый эрл, — проговорила она скорее печально, чем радостно. — Скоро нас станет еще больше…

— Что?!

— Глупый, мой отец догадался об этом с первого взгляда.

Дверь хлопнула, и отсвет факела, как зарница, беззвучно метнулся по золотому потолку. Юрг, не в силах прийти в себя от неожиданности, продолжал прижимать к себе жену, тихонечко покачивая ее, как младенца. Счастье? Да, само собой; но это подземелье, темнота, опасность… И то, что его крошечный,

беззащитный малыш будет обречен на пожизненную слепоту…

— Это еще что? — раздался из-за перегородки бас Юхана.

Безошибочное предчувствие беды коснулось Юрга, и он, прижимая к себе жену одной рукой, а другой выхватывая из-за пояса десинтор, с которым не расставался, бросился на голос друга.

Юхан и Гаррэль недоуменно стояли перед кучей сваленных в углу шаманских атрибутов, на которой устроил себе ночной насест сиреневый крэг. При зыбком свете факела было отчетливо видно, что на шею пернатого существа надета золотая цепочка, на которой болтался, как амулет, маленький изящный свиток пергамента.

Крэг пренебрежительно отвернулся и глядел на стену, словно не замечая столпившихся перед ним людей.

— Разверни-ка, — сказал Юрг, кивая на свиток.

Юхан осторожно потянул с крэга цепочку, зашуршал пергаментом. Юрг наклонил голову, щурясь:

— Та-ак: «Мы… милостью древних богов… и так далее… всея Джаспера и тыры-пыры… пропустим… А! До захода солнца повелеваем эрлу Юргу, не имеющему собственного крэга, а также его брату эрлу Юхану… о движимом имуществе тут ни гу-гу… прибывшим из созвездия Костлявого Кентавра, явиться на Звездную пристань, где их ожидают десять кораблей с полным экипажем. Командору Иссабасту вменено доставить упомянутых эрлов на родину без убытка и поношений. Буде упомянутые эрлы до захода солнца не покинут зеленый Джаспер, считать их существами хищными и опасными и в оружии против них не ограничиваться…»

— Что там еще? — настороженно спросила мона Сэниа, оборачивая побелевшее лицо на треск факела.

— «Владетельной ненаследной принцессе Сэниа прибыть во дворец…»

— Можно, я выражусь по-русски? — спросила принцесса.

— М-да, — резюмировал Юхан, — дальше — игра без правил…

— И с силовыми приемами, — добавил Гаррэль, которому Юхан уже объяснил разницу между любительским и профессиональным хоккеем.

— Ну, а ты что молчишь, командор? — удивился Юхан.

— Не знаю… — тихо проговорил Юрг, у которого сердце разрывалось от боли и бессилия. — Не знаю.

Альтернатива

Потянулись томительные дни подземного заточения. И только глубокой ночью, когда аметистовый крэг улетал в не по-осеннему теплую синь, с лихорадочной быстротой начинал вырабатываться план дальнейших действий.

Положение осложнялось еще и тем, что золотые своды, где под слоем благородного металла скрывался еще какой-то ячеистый пластик, секрет которого затерялся в глубокой древности, были непроницаемы не только для всевидящих крэгов. Оказалось, что джаспериане тоже не могут преодолеть этот барьер, и для того, чтобы очутиться в другой точке планеты или послать туда свой голос, теперь требовалось выбраться на поверхность.

Поэтому прежде всего занялись поисками новых лазеек наверх и старательным вызубриванием топографии лабиринта — особенно строг был Юрг к Сэнни и Гаррэлю, требовал, чтобы они проходили все тупики, повороты и ловушки «с завязанными глазами».

Он ни на йоту не доверял фламинго и опасался за Кукушонка.

Наткнулись на заваленный выход, ведущий, похоже, прямо в цокольный этаж «суперэйфеля». Юхан потихоньку занялся завалом, не рассказывая пока о нем принцессе: впервые под камнями обнаружились человеческие кости. Юрг ставил вешки в южном направлении — судя по всему, эта ветвь подземного хода вела прямехонько во дворец, лежавший по ту сторону мелового хребта. Гаррэлю было поручено не сводить глаз с моны Сэниа, а еще точнее — с ее крэга: несколько раз она уже порывалась ринуться в сторону на свет огня или контур какой-то фигуры.

Кукушонок летал на разведку.

Первое, что он обследовал, была Звездная гавань. Здесь все было в порядке: десять кораблей, соединившись в один мак, уже отбыли в неизвестном направлении, и теперь на сером ноздреватом бетоне виднелось десятка три малых и четыре больших корабля. Захватить их не представляло ни малейшей сложности; проблема заключалась в том, что для дальнего перелета требовался конгломерат не менее чем из восьми кораблей — в подземелье же находилось только два пилота.

Пылкий Гаррэль тут же предложил себя в качестве глашатая. Днем через узкую щелку удалось рассмотреть, что под входным отверстием тянется довольно широкий карниз — спрыгнуть на него ничего не стоит, случайных глаз в этом затерянном уголке

опасаться нечего: нападающие ушли из замка. Так что он сможет беспрепятственно послать свой голос хоть всему населению Джаспера! Когда там разыщут небольшую трещину в меловых горах…

Юрг решительно запротестовал. Ни о каком широком оповещении и речи быть не может. Нужно выбрать надежных людей.

— И, кроме того, говорить с ними так, чтобы они согласились, — добавила мона Сэниа. — А так говорить могу здесь только я. И только со своей дружиной.

— Ты с ума сошла! — возмутился Юрг. — Отпустить тебя ночью на этот карниз, над ущельем? И речи быть не может!

— Бесстрашный эрл, — тихо засмеялась Сэниа. — Как, по-твоему, джасперианин может разбиться? Он уйдет в ничто.

— Сэнни, вспомни, как ты смеялась при одной мысли о том, чтобы заключить джасперианина в темницу! А где мы сейчас?..

Мона Сэниа смолкла.

И на следующую ночь все повторилось сначала.

Так продолжалось несколько дней, пока Юрг не вынужден был согласиться.

Как только сиреневый крэг, кажущийся в лунных лучах серебристым, растворился в ночной тишине, из круглого отверстия выскользнула веревочная лесенка. Юрг, едва коснувшись ее, спрыгнул на карниз и поднял руки; Юхан бережно передал ему завернутую в плащ Сэнни. Юрг поставил жену рядом с собой, одной рукой крепко обхватив ее за плечи, а в другой сжимая поставленный на непрерывный разряд десинтор. Белые известняковые стены ущелья хорошо просматривались в свете предполуночной луны, и можно было не опасаться внезапного нападения. И все-таки…

Сверху из люка свесился Юхан и положил руку на плечо названому брату — для подстраховки. Видно, и он не считал эту акцию безопасной.

Мона Сэниа вскинула ресницы, и ее невидящие глаза напряженно вперились в темноту, словно там перед ней возникли те, кого она называла:

— Славные Эрм и Дуз, могучие Борб и Пы, быстрые Ких и Сорк, зоркие Скюз и Флейж, звездная дружина Асмура! Слышите ли вы меня?.. Я прошу у вас веры и помощи. Полторы тысячи лет слепое человечество Джаспера видит мир глазами крэгов. Вы лучше других знаете, что это такое. Вспомните хотя бы, какими омерзительными, злобными чудовищами представились вам поначалу люди Чакры Кентавра. Наш гнев и отвращение были столь велики, что мы должны были, по замыслу крэгов, попросту

уничтожить этих гадин…

Она наклонила голову и коснулась щекой руки Юрга, согревавшей ее плечо.

— Когда пришельцы очутились среди нас, крэгам пришлось менять свою тактику, — продолжала мона Сэниа. — Теперь мы могли скорректировать наше виденье хотя бы осязанием — и заподозрить обман. И мы стали видеть эрла Юрга и его брата такими, какие они есть. Но… Едва мой супруг раскрыл первую из тайн крэгов, как на нашем Джаспере якобы появился призрак. Звездные братья, я заклинаю вас верить мне: этого призрака не существует! Он появляется только в воображении — столь ужасный, что уже несколько человек, поддавшись наваждению, умерло от страха. Что еще могут сделать с нами крэги? Предусмотреть трудно, но нужно быть готовыми ко всему…

Она глубоко вдохнула холодный ночной воздух.

— А теперь мне нужна ваша помощь, потому что впервые за полторы тысячи лет появилась реальная возможность освободиться от рабства, в котором мы пребываем. Мой супруг, владетельный эрл Юрг утверждает, что на его родине без особых трудностей могут создать легкие аппараты, возвращающие людям зрение… Проблема в том, чтобы отправиться снова в созвездие Костлявого Кентавра, наладить изготовление аппаратов, пригодных для нас, и вернуться сюда с драгоценным грузом. В благодарность за это путешествие мы обещаем нашим собственным крэгам самые прекрасные, самые изысканные планеты, какие они пожелают выбрать; мы доставим их туда сразу же, как только обретем искусственное зрение. Теперь решайте, согласны ли вы помочь — не мне, нет, а всему Джасперу?

Мона Сэниа замолчала. Она ждала ответа, но ни единый звук не нарушал больше лунного безмолвия затерянного ущелья.

Прошла минута, другая, третья.

— Трусы! — крикнула вдруг мона Сэниа. — Трусы, птичьи наемники, слепые убийцы! Я щадила вас, но теперь слушайте! Вы похвалялись вашими подвигами на Серьге Кентавра, в земле которой остался мой первый муж… Хорошо же, я расскажу вам, что вы там натворили!..

— Сэнни, о чем ты? — встревожился Юрг. — Хватит на сегодня! Пусть подумают, а тебе оставаться здесь больше нельзя, твой фламинго вот-вот вернется…

— Не забавно ли, муж мой? Я, изнеженная принцесса, сейчас единственный человек на Джаспере, который никого и ничего не боится! Но времени действительно мало… Так вот! благородные рыцари, вы уничтожили разумное население целой планеты.

Никаких гуманоидов на Серьге не существовало, а были добрые и мудрые кентавры, не причинявшие никому зла. Вы стерли с лица земли их город, который крэги представили вам скопищем зловонных вулканов, вы сожгли живыми их детей и стариков, и все это — только потому, что одному-единственному крэгу заблагорассудилось завладеть этой планетой!

— Но рисунки внутри пирамиды… — донесся откуда-то из темноты хриплый, потрясенный шепот. — Но кости, взывающие к возмездию…

— И рисунки, и кости существовали только в вашем воображении, — жестко бросила принцесса. — В действительности было только одно: «фа ноэ?» — последние слова, произнесенные последним умирающим кентавром. «Фа ноэ?» Эти слова преследовали моего мужа, эрла Асмура, до смертного мига. «ЗА ЧТО?!»

И в эту секунду словно черный беззвучный взрыв полыхнул в ущелье, разбрызгивая сгустки ночного воздуха. Перед Юргом на мгновение возник контур черного всадника, в руках которого были одновременно какое-то покрывало и блестящий меч; затем на его голову обрушился удар, и в сознании, погашенном словно бы и не этим пришедшимся плашмя ударом, а взмахом необъятного плаща, остался не страх, не отчаянье — дурманный, тошнотворный запах…

Когда он пришел в себя, над головой тускло светился золотой свод проклятого подземелья. Голова раскалывалась от боли.

— Сэнни… — простонал он, боясь прикоснуться к волосам. — Намочи тряпку…

Никто ему не ответил. Он огляделся. Юхан и Гэль. Стоят и не дышат.

— Где Сэнни? — крикнул он, подымаясь рывком с пола.

— Исчезла…

— Звездные братья?..

— Нет, — сказал Гаррэль. — Ни один из них не смог бы. Судя по крэгу — наследный принц. Только члены королевского дома могут проникнуть в любой уголок Джаспера. Кроме подземелья.

— Но почему она не вернулась, Гэль? Почему она не ушла в ничто? Почему не бежала?

— Не знаю, командор. Это могло быть только в одном случае: если ее усыпили.

Юрг мгновенно вспомнил волну дурмана:

— Запах! У меня подкосились ноги…

— Если бы не это — тебя и в живых бы не было, — мрачно заметил Юхан. — Если бы ты уже не падал в тот момент, когда…

— Да что ты все обо мне и обо мне? Они украли Сэнни, но

она сбежит сразу же, как проснется. Что в ущелье?..

— Ничего. Мы следим.

— Не отходите от дверцы, я немного оклемаюсь и сменю вас. Который час?

— Взошла утренняя луна.

Юрг замычал от отчаянья и опустил голову на стиснутые руки. Она убежит. Она непременно убежит. Еще минута, и она появится там внизу, на карнизе…

Но прошла минута, и еще, и еще, и минуты складывались в часы, а мона Сэниа не появлялась.

— Гэль! — не выдержал он, когда время перевалило за полдень. — Сколько же она может спать? Ведь это становится опасно…

— Нет, — печально покачал головой Гаррэль. — Это старинный секрет королевского дома, и даже мы, знахари, им не владеем. Но человек, заклятый Светом Шестилунья, может без всякого вреда проспать и месяц, и два, и три.

— Что ты говоришь, Гэль? Месяц? Два? Она?..

— Надо ждать, командор. Братья не причинят ей вреда.

— Не причинят? Ты с ума сошел, Гэль, ведь она… Она не может спать месяц. Она не может, не должна, Гэль, ведь у нее… у нее будет ребенок.

Гаррэль вскрикнул так, что даже его пестрый крэг испуганно взмахнул крыльями. Он схватил Юрга за плечи и с неюношеской силой поднял с пола.

— Почему ты молчал, командор? — проговорил он с такой болью, что Юргу стало не по себе. — Скорее во дворец!

Это было легко сказать — скорее.

Но который из бесчисленных ходов подземного лабиринта вел именно туда? Все они ветвились, множились, упирались в тупики, и если на поверхности Джаспера до королевских покоев было от силы двадцать миль, то в темноте подземелья можно было проплутать и неделю, и две.

— Я полечу на разведку, — раздался вдруг полудетский голос Кукушонка. — Ждите.

И, не дожидаясь согласия людей, он стремительно сорвался с места и исчез в одном из темных провалов.

А дальше время остановилось. Часы, дни — их никто не считал. Кукушонок выбивался из сил, не привычный к долгим полетам. Отсекались тупики, перекрывались подземные колодцы, отыскивались засыпанные дверцы… Юрг уже почти потерял надежду и рассудок, когда наконец в тесной шестигранной камере они увидели потолочный люк с неизменным золотым запором.

— Если я не вернусь через час — идет Юхан, — коротко бросил Юрг. — Если и Юхан исчезнет — твоя очередь, Гэль.

Люк со скрипом открылся, сверху посыпалась пыль. Юрг взобрался на плечи Юхана и осторожно выглянул наружу.

Над ним было кресло. Тяжелое, с золочеными лапчатыми ножками. Оно стояло на возвышении, и впереди виднелся огромный совершенно пустой зал с нечеткими прямоугольниками лунного света, едва-едва проникающего сквозь пыльные окна.

— Похоже на тронный зал, — прошептал Юрг, наклоняясь вниз.

— Тогда не бойся, командор! В него входят только один раз за целое правление — во время коронации.

— Ш-ш-ш… Я пошел.

Он поднатужился, сдвинул в сторону трон и вылез на тронный помост. Ну и пылища! Обязательно останутся следы. Хотя — все равно, никто в подземелье не сунется. Пренебрегши большим парадным входом, он нашел маленькую дверцу. Дверца бесшумно отворилась. Так и есть, личные покои его величества. Если напорюсь на стражу — пристрелю на месте, — подумал он. Здешние десин-торы бьют бесшумно…

Стражи не было. Не было никого.

Нет, не убью… Надо взять живым — узнать, где они прячут Сэнни. Затащу в подземелье, придушу. Нет, не придушу. Буду пытать. Тогда скажет. Я сейчас все сделаю, все, что недопустимо ни на Земле, ни на Джаспере.

И даже не во имя любви. Во славу зеленого Джаспера. Будущего Джаспера…

Он отворил еще одну дверь и снова попал в огромный зал. Неужели заблудился, дал круг? Нет. Пол подметен, в середине зала — не то ванна, не то фонтан, Люстра над ним, от нее вниз — шесть бледных, почти бесцветных лучиков. И кто-то подле, верхом на стуле — сгорбленный, неподвижный.

Сердце вдруг стукнуло гулко, на весь зал — Юрг понял, что это такое. Словно вспугнутый этим — на самом деле неслышимым — звуком, человек нервно заелозил на стуле, поднялся, мелкими шажками приблизился к окну. Выглянул, высматривая луны. Видно, еще не настал ожидаемый час, потому что он вернулся к своему стулу, некоторое время стоял, мерно раскачиваясь. Не сел, принялся расхаживать взад-вперед. Все ближе к стене. Все ближе.

Юрг прыгнул, ребром ладони ударил по шее — не рассчитал, спружинили перья, но человек захрипел и повалился. Значит, хорошо, что попал по перьям, иначе убил бы на месте. Юрг перепрыгнул через тело, даже не посмотрев, принц это или сам

король. Ринулся к овальной ванне, перегнулся через каменный бортик — на дне, запеленутая в блестящую сиреневую ткань, точно кукла, лежала Сэниа, и шесть световых пятачков неподвижно застыли на ее лице. Господи, какая же она маленькая…

Он осторожно вынул ее оттуда, тихонько подул на лицо. Плотно сомкнутые ресницы даже не дрогнули. Как же так, ведь он был уверен, что достаточно убрать ее из-под магических лучей — а попросту гипноизлучателей, — и она сама собой пробудится…

— Сэнни, Сэнни… — позвал он.

Человек на полу заперхал и засучил ногами.

Юрг быстро опустил Сэнни на пол, подскочил к лежащему, зажал ему рот ладонью. Вытащил из-за пояса десинтор.

— Как снять с нее заклятье Шестилунья?

Человек яростно замотал головой.

— Ну-ну, быстро!

Юрг поднял оружие до уровня его лба — глаза привыкли к темноте, и только сейчас он различил, что перед ним сам король. Что ж, тем лучше. Кому больше терять, тот понятливее.

Он отвел ладонь, давая его величеству возможность высказаться.

— Бедная моя девочка, — сиплым голосом произнес король. — Ты действительно чудовище… Стреляй. У меня много сыновей.

— У вас дочь и скоро будет внук. Но если она не проснется…

— Пусть лучше не просыпается.

Рука сама собой дрогнула, сжимаясь на жилистом королевском горле.

— Тогда кто из нас чудовище, ваше величество?

Король молчал, стиснув зубы.

— Хорошо же, — сказал Юрг, бесцеремонно сдирая с королевских плеч яростно отбивающегося крэга. — Я не чудовище. Живите на здоровье. Но сейчас я сверну шею этому гусю. Нет, нет, вы недолго будете слепым, ваше величество, крэги милосердны — вам подарят пестрого птенца…

Что-то мелкое, как дробинки, закапало ему на руку — пот. Король, только что готовый бесстрашно принять мученическую кончину, теперь истекал смертным потом.

— Поздравляю, ваше величество. Вы будете первым в истории Джаспера королем с пестрым крэгом!

— Нет, нет, нет!

— Тогда — как нейтрализовать этот свет?

— Господи, да при чем тут свет? Эффекты, шаманство… Гипноизлучатель на микробатареях, выполнен в форме гребня, перекрывающего зону гипоталамуса…

Нащупав в тяжелых волосах жены массивный гребень, Юрг вырвал его и на всякий случай — во избежание дальнейшего применения — сунул в карман.

Мона Сэниа пошевелилась.

— Беру вашего крэга в заложники, — проговорил Юрг, неудобно зажав птицу под мышкой и поднимая на руки жену, закутанную в поскрипывающий шелк. — До входа в подземелье. Там отпущу, если не будет тревоги. И подумайте хорошенько, ваше величество: помощь моей планеты — единственный выход для вашей. И эта помощь бескорыстна. Нам нужен всего-навсего один корабль. С экипажем. Обещайте мне подумать, ваше величество!

— Я сделаю все, чтобы вас уничтожить. Обещаю.

— Тогда и мне есть что пообещать вам: люди Джаспера восстанут против крэгов. Обязательно.

Слепец, сидевший на полу, негромко рассмеялся:

— Ты не политик, землянин! И даже не деловой человек. Ты даже не задумался над альтернативой…

Башня смерти

Он бесшумно переступил порог их подземного обиталища в тот самый момент, когда Сэниа, не утратившая порывистости движений, с размаху ударилась о только что снятый со штабеля ящик. Он рванулся, чтобы подхватить ее, но в этот миг услышал слова Гаррэля:

— Принцесса, почему ты не хочешь принять моего крэга? Потому что он пестрый?

— Нет, — услышал Юрг потускневший голос жены. — Потому что там, наверху, десятки женщин, ожидающих детей. Они слепы, как и я, но им никто не предложит своего крэга.

У Юрга потемнело в глазах. Если бы Сэниа знала, что он слышит ее, она никогда не произнесла бы этих слов.

Не только десятки женщин, готовящихся стать матерями… Слепо было все человечество Джаспера. И не иносказательно — буквально. Потому что не люди восстали против крэгов, а крэги — против людей.

Не об этой ли альтернативе говорил король?

Когда Юрг, не веря своей удаче, в заброшенном тронном зале осторожно передал Юхану мону Сэниа, еще не пришедшую в себя, он начисто забыл о ее крэге. Только когда они добрались до своего убежища и Юрг опустил жену на жесткую лавку, отгороженную ящиками — нищенские апартаменты владетельных эрлов! — она, наконец, широко раскрыла неподвижные глаза и приподнялась, ожидая привычного шелеста перьев, каждое утро ниспадавших на ее плечи.

И вот тут Юрг вспомнил, что аметистовый крэг остался там, наверху.

Потянулись часы, каждый из которых казался ему самым страшным в его жизни. Мало того, что он был виной их заточения в проклятом подземелье — теперь он еще сделал свою Сэнни слепой. К исходу дня он был уже готов вернуться в тронный зал и затем драться — с кем угодно и на любых условиях. Юхан и Гаррэль с трудом его удерживали от этого шага.

И тогда явился Сэниа-крэг.

Он принес второй ультиматум, перед которым первый казался детской забавой. Во-первых, моне Сэниа категорически предписывалось покинуть подземелье — в этом случае ее крэг, в беспримерной своей преданности, обязывался служить ей до конца дней как ни в чем ни бывало. Этот пункт удивления не вызвал.

Во-вторых, эрл Юхан, брат эрла Юргена, должен был остаться

в подземелье до тех пор, пока не соберется новая звездная дружина, которая доставит его на родную планету с условием, что он передаст своему народу безоговорочное запрещение когда-либо появляться вблизи Джаспера, равно как и принимать у себя джасперианин. В безграничной своей справедливости крэги гарантировали ему за это жизнь.

В-третьих, эрл Юрген из рода Брагинов должен был отдать себя на суд крэгов. В безмерном своем милосердии они гарантировали ему легкую смерть.

Пока же пришелец с Чакры Кентавра, посягнувший на тайну крэгов, будет жив, ни один крэг не вернется к своему хозяину.

— Никогда! — запальчиво крикнула мона Сэниа и, подбежав к золотой дверце, выбросила наружу свою сиреневую птицу.

Но это сделать было нетрудно. Труднее оказалось потом не думать о целой планете, населенной беспомощными слепыми людьми, ни в чем не повинными и проклинающими тот день и час, когда их прекрасная принцесса привезла из межзвездной дали беспокойное существо, умудрившееся тут же раскрыть ни много ни мало — тайну крэгов, с которой сами джасперианe спокойно мирились вот уже полторы тысячи лет…

Дни, не отличимые от ночи в темном мерцании золотых сводов, сменяли друг друга, а в подземелье все оставалось по-прежнему: трое мужчин, одна слепая женщина, неродившийся ребенок. И никакой надежды.

Потому что помощь могла прийти только с Земли, а теперь снарядить туда большой корабль было невозможно — на всю звездную дружину Асмура, даже если бы ее и удалось собрать, был один пестрый крэг Гэля. В безмерной своей холодной расчетливости крэги предусмотрели всё. И чтобы у узников подземелья не возникло ненароком какой-нибудь несбыточной мечты, над замком эрлов Муров и прилегающими к нему горами день и ночь кружилась тысячная стая разномастных крылатых созданий, твердо решивших впервые за полторы тысячи лет пренебречь традициями беззаветной преданности и бросить своих незрячих хозяев на произвол судьбы.

Первые дни Кукушонка не выпускали — боялись. Но где-то на десятый день он все-таки осмелел и сделал робкий круг над ущельем. Вернулся сразу же, скупо обронил:

— Мне ничто не угрожает. Они даже хотят, чтобы я полетал над Джаспером. Увидел, что там происходит. Вам рассказал. Я не могу…

Однако на следующий день он полетел. Вернулся в полночь. Своим тихим грассирующим голоском больного ребенка сообщил:

— Затопило две угольные шахты. Сервы не справляются.

На двенадцатый день он заметил лесной пожар. Горела плантация боу — любимых и онень полезных плодов, которыми в основном кормили детей.

На семнадцатый день циклон, вовремя не остановленный метеоракетной службой, смел с побережья все устричные плантации.

На двадцать четвертый день умерли от голода заблудившиеся дети семейства Дальброков. Крылатые кони, посланные вдогонку, не смогли пробиться сквозь колючий трехметровый кустарник.

На тридцать первый день в замке Шу началась эпидемия. Слепые знахари были бессильны.

И все эти дни мона Сэниа, не присаживаясь, по восемнадцать часов подряд ходила взад и вперед по гулким пещерам подземелья, отражавшим своими золотыми сводами тусклый фосфорический свет ползучих грибов, угнездившихся на стенах…

На тридцать второй день не случилось ничего. Младшая сестра Флейжа, которая тоже ожидала ребенка, доползла до утеса, нависшего над морем, и бросилась вниз — видно, боялась, что ее малыш останется умирать от голода в кромешной слепоте, если появится на белый свет. Конь Флейжа, неотступно следовавший за ней, успел раньше и подставил расправленные крылья, перехватив легкое, истощенное голодом тело. Так что ничего не случилось.

Но мона Сэниа, услышав об этом, упала ничком, и когда Юрг поднял ее, он впервые заметил в волосах жены тоненькие седые прядки.

Он отнес ее на убогое ложе, покрытое обрывками ветхих ковров, положил ее голову себе на колени и всю ночь что-то негромко, напевно говорил… Юхан, прикорнувший за стеной из ящиков, старался не слушать — и не мог: Юрг рассказывал сказки. Наивные, полузабытые, переплетающиеся одна с другой, они сменяли друг друга до самого рассвета, и никто не знал, когда мона Сэниа заснула. Сон ее был крепок, и в черных волосах, на которые вот уже столько дней не опускалось привычное опахало аметистовых перьев, неподвижно застыл массивный гребень…

Юрг опустил голову жены на подушку, коснулся губами ее лба, как нечаянно сделал это в самый первый раз, и, мельком оглядез уже крепко спавшего Юхана, вышел из капища в узкую пещеру, где у золотой дверцы Гаррэль ожидал своего крэга, совершавшего печальный облет обреченного Джаспера.

Неслышно приблизившись, Юрг положил руку на плечо юноше.

— Гэль, — негромко сказал он, осознавая, как непросто будет

обычными человеческими словами выговорить все то, что он собирался. — Гэль, ты любишь мону Сэниа?

Юноша вскочил, порызисто обернувшись, и Юрг вдруг подумал, что впервые рассмотрел этого человека — не восторженного юношу-пажа, а мужчину, на которого можно положиться. Стройный и тонкий в талии, как бедуин, он был смугл до черноты, и эбеновые пряди волос вились по плечам, не прикрытым пестрым опереньем; и удивительно странными в этом темном обрамлении были глаза — светло-золотые, огромные, доверчивые…

— Почему ты молчишь, Гэль?

— Ты хочешь, чтобы я ответил, эрл Юрг? Я люблю ее больше, чем ты, командор!

У Юрга перехватило дыхание. Ведь Гэль был рядом с первого мига. И до этого часа. Смог пробыть.

— Когда первые лучи солнца упадут на стену ущелья, ты возьмешь мону Сэниа и отнесешь наверх, в замок, — проговорил он с расстановкой, делая над собой невероятное усилие, чтобы голос звучал ровно и буднично. — Уложишь ее на постель и осторожно вынешь из волос гребень… Понял, Гэль? Массивный черный гребень. Сломай его и выброси за окно. Вот, собственно, и все.

— А ты, командор?

— Юхан уже расчистил выход, ведущий к подножью башни. Я, пожалуй, поднимусь на верхушку — давно собирался…

— До середины можно подняться на лифте, — пожал плечами Гаррэль, — ведь так безопаснее. Там закрытая площадка, в которой…

Он осекся и замолчал, только сейчас поняв, что задумал командор. А тот закончил вместо него:

— В которой я хотел устроить трапезную, совсем как у нас, на Земле… Может быть, вы так и сделаете, Гэль. Со временем. Но сейчас я поднимусь своим ходом, благо перила забраны крепкой решеткой. И буду наверху как раз в тот момент, когда над зеленым Джаспером встанет солнце.

— Командор!..

— Времени нет, мой мальчик. Мне надо успеть. А сейчас запомни главное: я долго думал, сопоставлял и понял, что все, до чего успел докопаться, — это еще не тайна крэгов. Потому-то они и подбросили свой ультиматум, что я подошел к ней вплотную… или должен был подойти. Вот так. Ты и Юхан — вы должны ее раскрыть! Проследите каждый мой шаг. Подумайте, с чем я неминуемо должен буду… вернее, столкнулся бы в будущем. Тайна где-то совсем рядом. Ищите. Без этого Джасперу не жить.

Он протянул руку, намереваясь дружески и ободряюще потрепать Гаррэля по плечу — и рука его не послушалась: перед ним стоял муж его Сэнни. Супруг его жены.

Снаружи послышался шорох — возвращался Кукушонок. Юрг отступил на шаг, повернулся, бегом пересек пещеру и исчез прежде, чем Гаррэль смог его увидеть…

И вот — ступени. Бесчисленные, плавно вьющиеся вокруг центрального ствола башни, огражденные частой резной решеткой, сквозь которую не просунуть ни клюв, ни коготь. Но крэги и не нападают, хотя многотысячной стаей уже собрались вокруг башни. Знают, что человек идет добровольно, и не торопятся. Может быть, они были бы рады, если б он шагал вверх помедленнее: ведь это так упоительно — чувствовать в своей власти то единственное существо, которое посмело восстать против них! И они купаются в лунном свете, они позволяют себе напевать, свиристеть, шелестеть крыльями, ворковать — море хаотических звуков… и редкий удар крылом по решетке, чтобы человек вздрогнул. Но он даже не глядит в их сторону.

Он не прошел еще и половины пути, когда небо на востоке стало светлеть. Юрг прибавил шагу. Это он здорово придумал — взобраться на башню. Еще столько же вверх по стремительно бегущим ступеням — и он обессилеет, задохнется, и будет не так мучительно жаль своего молодого, натренированного тела, которое против воли будет восставать и требовать борьбы. А борьбы не получится. Свое он уже сделал — начал. Раскачал. Растревожил. Теперь остается только уйти — ласточкой в рассветную голубизну, пьянящую пронзительной ночной свежестью после затхлости подземелья.

Он облизнул пересохшие губы. Вот этого он не предусмотрел — не захватил хотя бы фляжку с водой. Ну, есть еще надежда, что найдется что-нибудь в чеканной, как серебряная шкатулка, закрытой коробочке центральной площадки. Он обещал Сэнни, что устроит там кафе, как на Останкинской башне…

Нет, не надо! Ни одной мысли о Сэнни, иначе ноги не пойдут.

Он рванул на себя дверцу — как-то они здесь ужинали, должна же сохраниться хоть одна бутылка с водой — и тут же услышал за спиной яростный треск: крэги взламывали решетку. Забеспокоились, гады, — ведь отсюда вниз ведет лифт, не поздно и передумать… В маленькой комнатке было темно, фонарика он тоже не захватил, но питье нашлось само собой — он чуть не упал, наступив на бутылку. Отбил горлышко. В нос ударил терпкий, пьянящий запах каких-то ягод — живой сок, словно кровь самого зеленого Джаспера… Жить бы и жить на этой планете да радоваться, если бы не эти захребетники. Ну, что

взбесились? Никуда он от них не собирается убегать. И что они так взъелись, ведь у них-то ничего не отнимается, в любом случае джаспериане будут дарить им необжитые планеты — с их-то способностями это раз плюнуть… Ах, да, власть. Крэги потеряют власть. Ишь, как они беснуются ради сохранения этой самой власти…

А крылатые дьяволы и в самом деле бесновались. Неотличимые друг от друга в предрассветной темноте, они в слепой ярости разгонялись и ударяли грудью в прогибающуюся деревянную решетку. Еще немного, и она треснула бы под напором этих пушистых существ, невесомость которых стократно множилась на скорость и бешенство, но в этот миг верхняя дверца закрытой площадки откинулась, и темная широкоплечая фигура с шапкой светлых волос, вспыхивающих соломенным заревом под узкими лучиками предутренней луны, еще быстрее прежнего заскользила вверх по крутым ступенькам. Теперь он уже окончательно был в их власти — неосторожный чужак, посмевший так близко подобраться к их тайне и возомнивший себя безнаказанным… Он сам выбрал себе смерть — что ж, в бесконечной своей милости крэги простили ему эту дерзость. Но не больше.

Край неба пронзительно зазеленел на востоке, когда пришелец с Чакры Кентавра добрался, наконец, до последнего пролета лестницы. На несколько секунд он замер, вобрав голову в плечи — то ли его обуял последний страх, то ли он намеревался дождаться первого луча солнца… Но в следующее мгновенье, решившись, он распахнул дверцу, ведущую на верхний балкон, прикрыл глаза руками, чтобы не видеть многотысячную стаю крэгов, планирующих вокруг основания башни в ожидании своей жертвы, и, разбежавшись, камнем ухнул за низенький парапет — в холодную рассветную глубину.

С крысиной яростью стая ринулась на него, вкладывая в удары когтей и клювов всю свою неуемную злобу…

А спустя еще немного времени принцесса Сэниа, захлебываясь слезами какого-то страшного, но не запомнившегося сна, открыла глаза, пробудясь внезапно и облегченно. Привычная масса шелковистых перьев одела ее голову и плечи, и она увидела себя в своей опочивальне замка Муров.

Гаррэль, бледный, как алебастр, застыл на пороге.

— А где же… — начала она и осеклась.

Ее возвращение в замок, предупредительность дожидавшегося ее пробуждения крэга, свобода Гэля… Все это могло быть куплено только одной ценой — той, которую потребовали эти крылатые деспоты.

Она не закричала — она была принцессой королевского рода владык Джаспера. Она только глядела на Гаррэля, юношу с пестрым крэгом, и не видела его.

— Принцесса Сэниа, — проговорил он, и это не был юношеский голос. — Я беру тебя в жены и не завещаю никому, потому что никто не будет любить тебя сильнее, чем я.

Он отступил на шаг и плотно закрыл за собой двери. Мона Сэниа услышала лязг меча о ножны — Гаррэль из рода Элей встал на стражу у ее спальни.

Тайна крэгов

Казалось, ударили рукояткой меча по пустому шлему. Мона Сэниа проснулась и несколько минут вслушивалась — не разбудил ли непрошеный звук маленького? Но малыш посапывал безмятежно и аппетитно, и она не стала его трогать. Да и был ли этот звук? Наверно, приснилось.

Она спустила ноги с постели, неслышно ступая по пушистой шкуре, приблизилась к окну. Ее протянутая вперед рука наткнулась на массивный серебряный треножник, в углублении которого на мягчайшем пуху лежало яйцо, созревая в лунном свете. Скоро прилетит крэг, и она полюбуется желтым, как огненный опал, мерцанием глянцевитой скорлупы. Значит, и птенец, который вылупится через пять-шесть дней, будет солнечно-желтым. Через пять-шесть дней глаза ее сына впервые увидят свет.

Тогда можно будет дать ему имя.

Осторожно перебирая пальцами почти бесплотные пушинки, она медленно подбиралась к самому центру мягкого гнездышка, где должно было покоиться заветное яйцо. Ближе… еще ближе…

Пустая ямка.

Яйцо исчезло!

Еще доля секунды — и с ее губ сорвался бы отчаянный крик, но руки, такие знакомые по бессонным незрячим ночам, такие родные и такие безнадежно оплаканные, обхватили ее за плечи, и для нее перестало существовать все, кроме этих рук.

— Сэнни, — говорил откуда-то издалека голос ее Юрга, — что ты, Сэнни, глупенькая, что ты…

Она ощупывала его лицо, совсем как тогда, на корабле, и в какой-то миг ему стало страшно, потому что вдруг показалось — сейчас она назовет имя Асмура…

И вместо этого он услышал:

— А где же Юхан?

— Нет Юхана, Сэнни… Они с Гэлем подстерегли меня на середине подъема. Там площадка такая крытая, помнишь? Опередили, поднялись на лифте… Не церемонились — оглушили. И Юхан пошел вместо меня. Крэги не разобрались… А Юхан… Нет его больше, Сэнни…

— У нас сын, муж мой. И у него нет еще имени.

— Да, — сказал Юрг, отвечая на ее невысказанный вопрос. — Да, Сэнни, конечно! Но у нас считанные минуты, Сэнни, и сейчас самое важное — это…

— Самое важное — то, что наш сын останется без крэга! Яйцо

исчезло, и если мы не найдем его или мой крэг откажет нам в милости пестрого птенца… Юрг, наш маленький останется слепым на всю жизнь! Ты не знаешь, что это такое, ты не проводил в темноте дни и месяцы, ты…

Он с трудом прервал этот поток отчаянья.

— Сэнни, — сказал он твердо, — наш сын останется без крэга, вот это я тебе гарантирую. Нашему малышу не нужен поводырь, как, впрочем, и всем остальным новорожденным на Джаспере…

— Что ты говоришь, опомнись!

— У меня нет времени на долгие доказательства, так что поверь мне на слово, Сэнни! Мы с Гаррэлем нашли за это время еще несколько выходов из подземелья, а Кукушонок заблаговременно разузнал, в каких замках появились новорожденные. Я поднимался по ночам в их жилища, и ошибиться я не мог: все дети рождались зрячими! Ты понимаешь, Сэнни, они не слепы от рождения, а становятся такими только тогда, когда на их плечи впервые опускается проклятый крэг…

— Но наши врачи заметили бы…

— Ты забываешь: они видят только то, что позволяют им видеть крэги.

— Но это чудовищно, Юрг! Значит, полторы тысячи лет крэги ослепляли людей, чтобы… Зачем, Юрг? Зачем они это делали?

— Чтобы властвовать. Это сладкая штука — власть, они так объедались ею, что уже мечтали только об одном — о пустынной планете, где не будет ни одного разумного существа, над которым можно было бы властвовать.

— Тогда об этом нельзя молчать ни секунды! Я пошлю свой голос во все уголки нашей планеты, и мне поверят…

— Тебе поверят, принцесса Сэниа, и тогда крэги снова покинут джасперианы. И снова — ужас слепоты, гибели. Нет. Сделаем по-другому. Сначала нужно доставить на Джаспер приборы, которые помогут взрослому населению обойтись без крэгов.

— Через три дня праздник в королевском дворце…

— И я об этом подумал. До его начала ты должна связаться со всеми воинами своей дружины. Но будь внимательна, не начинай разговора, пока не убедишься, что в этот момент у дружинника нет крэга. Иначе — снова провал. Так что у тебя практически две ночи. Как начинается каждый праздник?

— Взрыв голубой музыки и парчовый огонь вполнеба.

— Вот это и будет сигналом к тому, чтобы все дружинники разом перенеслись на Звездную пристань. До этого они должны прибыть во дворец и вести себя как ни в чем не бывало, чтобы не

вызвать подозрений. И теперь главное…

В окно пахнуло холодным воздухом, послышалось хлопанье мягких крыльев. Сэниа отшатнулась, загораживая собой Юрга.

— Не бойся, это Кукушонок. Он стережет меня.

— Сэниа-крэг возвращается… — послышался тихий голосок пестрого существа.

— Главное, Сэнни, главное: все дружинники должны успеть надеть какие-нибудь скафандры, иначе их крэги вырвутся, и все пойдет прахом. Наглухо застегнутые скафандры, поняла?

— Да, да, уходи, они же ненавидят тебя, уходи…

Дверь за ним захлопнулась. Сэнни почувствовала, как бешено колотится ее сердце. Ноги подкашивались. И все-таки успела — набросила на пустой треножник какое-то подвернувшееся под руку покрывало. И тут же в окно впорхнул аметистовый крэг.

И только тогда мона Сэниа поняла, что самое большое мужество потребуется от нее именно сейчас — не закричать, не сорвать с себя это розовоперое чудовище, не растерзать его, как они все поступили с Юханом…

— Спасибо, Сэниа-крэг, — проговорила она, скрестив руки и поглаживая розоватые перья, лежащие у нее на плечах. — Мой маленький стал спать спокойнее, завтра я смогу отпустить тебя на всю ночь.

Крэг, как всегда, промолчал, не снисходя до разговора с человеком.

А впереди всего две ночи, и нужно поговорить с каждым из восьмерых дружинников именно тогда, когда он отпустит своего поводыря купаться и нежиться в лунном свете. Ошибиться, как тогда, в ущелье, нельзя. И переигрывать поздно: через три дня — праздник. Как успеть?..

Но она успела. Голубая музыка пенистыми волнами вскипела и брызнула во все стороны, заливая королевские сады, и полотнище парчового огня взметнулось вполнеба, словно королевское знамя. По этому сигналу восемь юношей одновременно набросили на себя легкие полускафандры, замкнули их, так что крэги невольно оказались прикованными к своим хозяевам, и разом ринулись в ничто, оставляя позади искрящийся весельем праздник. И, ориентируясь на пурпурную вспышку в вечернем небе, аналогичный переход совершили еще трое, одновременно со всеми возникая на древних плитах Звездной гавани; это были Гаррэль, Юрг и мона Сэниа с крошечным Юхани на руках.

Гэль, укутанный пестрым опереньем, позволил себе крайнюю беспечность — он один из джасперианбыл без скафандра.

Его доверие к своему Кукушонку было безмерно.

— Тревоги не было? — крикнула мона Сэниа, обращаясь ко всем сразу.

— Нет, — отрывисто бросил Эрм — один за всех.

Он мог бы сказать, что они находились в разных уголках зеленого лабиринта, заведомо расположившись так, чтобы ни один из самых зорких и подозрительных посетителей праздника не смог заметить исчезновения сразу двоих из дружины Асмура. А то, что какой-то одиночка-оригинал надел скафандр и куда-то сгинул — это не могло потревожить даже самого бдительного из принцев.

Но Эрм не стал этого объяснять, потому что были дороги даже доли секунды. Все понимали, что рано или поздно погоня начнется — и скорее всего рано; похищение моны Сэниа из затерянного ущелья не выходило ни у кого из головы. От россыпи больших и малых кораблей, напоминавших Юргу разнокалиберные дыни, забытые на высохшей бахче, их отделяла только овальная утоптанная площадка — место, откуда стартовал корабль Иссабаста, волею магических карт — а точнее, прихотью крэгов — заброшенный сейчас в какие-то необозримые дали Вселенной. Но и тех кораблей, которые оставались на Джаспере, с лихвой хватило бы на два или три мака.

— По кораблям! — скомандовал Юрг, и все, ни секунды не колеблясь, бросились выполнять его приказ, молчаливо признавая его, пришельца, командором звездной дружины.

Но они успели сделать только один шаг. Упругая волна воздуха, хлесткая и жуткая своей непредставимой скоростью, сбила их с ног, и они покатились по шершавому покрытию Гавани, стараясь зацепиться хоть за какую-нибудь трещину. Им был знаком этот удар — такая волна возникала каждый раз, когда в недопустимой близости выныривал из подпространства какой-нибудь чересчур крупный объект. Они ждали погони, были внутренне готовы к ней. Но это была не погоня.

Потому что прямо перед ними, заслоняя группу резервных корабликов, грозно выросла громада, слепленная из помятых, покореженных и оплавленных шаров. Это был мак, только что вырвавшийся из космических передряг и по нелепой прихоти судьбы вернувшийся на родную планету так некстати.

— Корабль Иссабаста! — вырвалось одновременно из десяти уст.

Доказательств этой догадки не пришлось долго ждать — корпус центрального корабля треснул, и предводитель дружины, не дожидаясь даже, пока малые кораблики отойдут на положенное расстояние, спрыгнул на землю.

И тут глаза его изумленно округлились: на лиловых плитах

Звездной гавани, куда никто и никогда не приходил без надобности, он увидел десяток полулежащих людей, облаченных в легкие скафандры.

Впрочем, нет — двое были без скафандров. Причем один… О, этого одного Иссабаст отличил бы из тысячи, потому что он не только был схож лицом и статью с покойным Асмуром, владетельным эрлом, — этот светловолосый гигант отличался от всех тем, что был без крэга.

— Ко мне, моя дружина! — разнесся над молчаливой пустыней зычный голос Иссабаста. — Нам предстоит еще одна охота! Судьба даровала нам зверя, который вне закона. Затравим же его! Крэг над Иссой, дружина моя, крэг…

Он не успел повторить боевой клич своего рода: ослепительно-белый луч выметнулся, словно из-под земли, откуда-то справа от Юрга и, разрезав вечерний туман, ударил точно на голос. Дымно и тускло зарделся горящий плащ, высвечивая в сумерках контур, медленно теряющий сходство с человеческой фигурой, и только тут до Юрга дошло, что случилось непоправимое — впервые за полторы тысячи лет джасперианин направил на своего земляка запретное лучевое оружие.

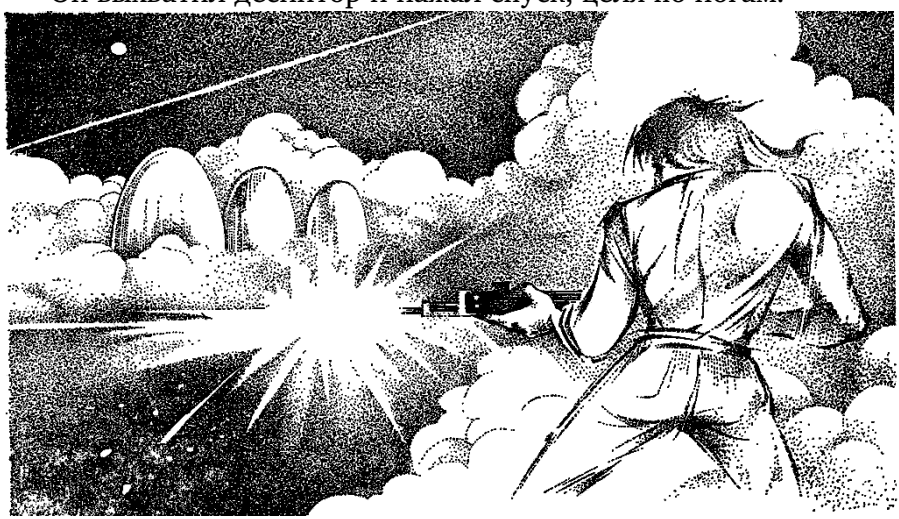
— Гэль, остановись!.. — запоздало крикнул он, но Гэль, припав на одно колено, снова прицелился, беря на мушку раскрывающийся люк, и не успел второй дружинник спрыгнуть на долгожданную землю, как белая молния и его превратила в живой факел.

Но на этом момент внезапности был утрачен — трещины разом избороздили причудливую поверхность пузырчатого мака, и оттуда блеснуло сразу несколько разрядов. В паузе, когда чуть подсвеченный закатной луной туман, казалось, еще плотнее прикрыл поле неожиданного сражения, проворные натренированные тела метнулись вниз. Послышался лязг клинков — нет, никто из дружины Асмура, кроме Гаррэля, не посмел применить десинтор.

— Не ввязываться в стычку! — крикнул Юрг, холодея при одной мысли о том, что сейчас будет упущено самое драгоценное — время; оно работает только на дружину Иссабаста, потому что к ней уже наверняка спешит подкрепление, а вот его товарищам ждать поддержки просто неоткуда. — Обходить корабль слева! Короткими перебежками, мы с Гаррэлем прикроем!

Слева и справа от него разом вонзились в землю две молнии, послышалось шипенье плавящегося камня. Юрг злорадно усмехнулся: по земным законам он приобретал то, что называлось «правом на самооборону».

Он выхватил десинтор и нажал спуск, целя по ногам.



— Не бойся попасть в своих, командор! — крикнул Гэль. — Скафандры выдерживают разряд!

— Крэг над Иссой!!! — раздался в ответ громовой клич, и, словно в подтверждение того, что они поняли грозящую им

опасность, дружинники Иссабаста разом направили свои лучи на тех двоих, которые, как и они сами, не были защищены чудотворной гибкой броней.

Да, к ним спешила подмога, она должна была появиться с секунды на секунду — погоня из королевских садов; но сумеют ли дружинники Иссабаста продержаться до ее прибытия? Юрг и Гэль, продвигаясь зигзагами к россыпи резервных кораблей и ведя непрерывный огонь по людям из мака, отчетливо видели, что и Эрм, и Скюз, и почти все их товарищи уже достигли цели, а защитники прибывшего звездолета мало-помалу выходят из боя — все меньше и меньше молний сверкало из-за его массивного корпуса, все больше крэгов, потерявших своих хозяев, кружилось в вечерней синеве неба. Казалось, уже близка победа — бегство с этой беспомощной, обреченной планеты, не желавшей самостоятельно искать спасения. Победа — это Земля, куда нужно было добраться вопреки всему, нарушая все законы и уговоры.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.

И когда Юргу показалось, что цена эта уже заплачена, он услышал короткий вскрик Гэля:

— Командор! Мона Сэниа…

Он задохнулся жаром всех молний, так и не попавших в него — ведь за все эти бесконечно тянущиеся секунды молниеносного боя он ни разу не подумал о своем сыне и о своей жене.

Юрг беспомощно огляделся, пытаясь распознать в коконах одинаковых скафандров знакомые очертанья, но это было невозможно в редких хризантемных выхлопах одиночных разрядов, все еще раздававшихся со стороны мака.

В отчаяньи он перекинул калибратор десинтора на непрерывный широкополосный разряд и, вжавшись лопатками в шершавую выщербленную плитку, раскинул над собой гигантский ослепительный веер.

И только тут заметил сзади — ох, как далеко сзади! — что-то бесформенное, копошащееся, бьющееся. Он мгновенно погасил разряд и бросился туда, почти автоматически отмечая, что и Гэль бежит не к кораблям, а к Иссабастову маку, наперехват двум последним трассирующим очередям. Юрг знал, что на этот заслон можно положиться, и теперь все свои силы вложил в скорость — ничего другого не было сейчас важнее: скорость!

Подбегая, он в прерывистом свете редких вспышек увидел мону Сэниа, которая, распахнув свой легкий скафандр, старалась прикрыть им лежащего на земле маленького Юхани, а бьющееся и вырывающееся наружу— это был ее сиреневый крэг, яростно выдиравший крылья из-под непроницаемой пленки да еще и

норовивший ударить клювом в лицо.

— Держите крэга! — донесся издалека голос Гаррэля, и краем глаза Юрг успел заметить, что стремительная, гибкая фигура юноши выросла вдруг во весь рост — и исчезла.

И в тот же миг аметистовый стервятник вырвался-таки из своего плена, ударил куда-то наугад и с победным мстительным кличем взмыл в ночное небо.

Юрг стиснул зубы, преодолел одним прыжком оставшиеся метры и схватил Сэнни вместе с крошечным попискивающим свертком, упрятанным под скафандр.

— Брось меня, — услышал он шелест сухих упрямых губ. — Брось, я тебе приказываю! Без тебя они не договорятся с Землей, а я теперь в полете — только обуза…

Он бежал к своим кораблям, уже начавшим сползаться, чтобы образовать единый мак, и старался не слушать ее и не глядеть в изуродованное, залитое кровью лицо. Редкие разряды хлестали по земле то слева, то справа — два последних дружинника Иссабаста до конца выполняли приказ своего командора, но темнота не позволяла им сделать прицельного выстрела.

И Гэль им больше не отвечал.

Юрг подбежал к блестящим громадным шарам, уже спаянным вокруг центрального шатрового корабля, и на секунду замешкался — перед ним была непроницаемая поверхность. Но в тот же миг она треснула, образуя овальную щель, и сразу несколько рук протянулось навстречу командору. Он осторожно передал им завернутую в плащ мону Сэниа.

— Гэль остался там, — хрипло проговорил он, переводя дыхание после быстрого бега. — Кто со мной?..

— Командор, мы-то сможем сделать это мгновенно, — возразил рассудительный Борб. — Нужно только точно знать, где он.

— Он бежал к маку Иссабаста, прикрывал нас… Гэль! — крикнул он в темноту, сложив руки рупором.

В ответ протянулась прерывистая очередь, и фонтанчики расплавленного камня брызнули у самых ног Юрга.

— Не так, — прошептала мона Сэниа, вставая рядом со своим мужем. — Гаррэль, королевский лекарь, паж мой!..

Это был не крик и не шепот — едва отделяясь от губ, слова исчезали, уносясь в безмолвие раскаленных плазменными разрядами каменных плит и душного тления травы, пробивающейся в трещинах и изломах. Первая луна вставала как раз за кораблем Иссабаста, и голос, посланный в густую конусообразную тень, тонул в ней и не находил ответа…

…Что-то коснулось помертвевшей щеки, и Гаррэль открыл

глаза. Жгучая, нестерпимая боль полоснула по ногам, и ему пришлось отключиться от всего — зрения, слуха, обоняния — лишь бы задавить эту боль, затянуть ее в тугой пульсирующий узелок, не дать ей овладеть всем телом и сознанием… Удалось. Тогда он снова глянул вверх и прямо над собой увидел плавно кружащегося в вышине розового фламинго. «Гаррэль, паж мой!.. — снова коснулось его щеки. — Где ты, пошли мне свой голос!»

Он попытался приподняться на локте, и снова нечеловеческая боль бросила его обратно, на шершавый холодный камень. Но главное он успел увидеть: там, где эта боль возникала, не было ничего, что могло бы болеть. Вместо ног в пульсирующем свете одиночной пальбы он увидел только запекшиеся, обожженные обрубки.

И тогда в какую-то долю секунды он понял, взвесил и решил все разом.

И то, что его принцесса жива, но ее крэгу удалось вырваться, и теперь он ни за что на свете не вернется к своей владелице.

И то, что она, прекраснейшая в мире, никогда не бросит и не предаст своего пажа, своего лекаря, и всю жизнь будет опекать его и держать рядом с собой — жалкого калеку, который до скончания дней своих будет слышать собственный голос, когда-то произнесший невероятные слова: «Я, Гаррэль из рода Элей, беру тебя в жены и не завещаю никому…»

И еще он понял, что промолчи он еще секунду — и они все, уже собравшиеся в своем маке и готовые в любой миг покинуть планету, ринутся вместо этого в черную тень, под выстрелы, навстречу погоне.

Навстречу гибели.

И это будут его звездные братья. Его командор. Его принцесса.

Он собрал остаток сил, и голос его, одновременно мужественный и юношеский, разнесся над Звездной гаванью:

— Принцесса Сэниа! Я, твой паж и королевский лекарь, был верен тебе до последнего дыхания и не думал, что когда-нибудь попрошу за это награду… А теперь я прошу тебя…

Он перевел дыхание, и страшная тишина распростерла свое покрывало над ночными просторами Джаспера. Даже те двое, что еще стреляли наугад, укрывшись за Иссабастовым маком замерли, опустив оружие.

— Принцесса! Поклянись мне, что ты выполнишь мою просьбу!

— Клянусь… — пронеслось над опаленными плитами и коснулось его холодеющего лба.

— Тогда прими мой прощальный подарок и улетай немедленно. Я остаюсь здесь. Не отвечай ничего… прощай!

Холодная струя ночного воздуха пахнула в залитое кровью лицо моны Сэниа вместе с этим последним словом, и она почувствовала, как мягкие, невесомые перья одевают ее плечи. И, еще ничего не видя, она догадалась, что это был за прощальный дар.

Гаррэль из рода Элей отослал ей своего Кукушонка и оставался здесь, чтобы умереть в темноте и одиночестве. Он сам просил об этом, и она поклялась выполнить его просьбу.

И только одного она не смогла — не ответить ему.

— Гэль, паж мой! — донесся до него горестный голос, обращенный к нему одному. — Я, принцесса Сэниа королевского рода владык Джаспера, повинуюсь тебе… Прощай!

И наступила тишина, в которой не было больше даже дыханья. Только зловонное шипенье вновь проснувшихся перегретых десинторов.

Звездный корабль командора Юрга исчез, устремившись к запрещенной звезде — Чакре Кентавра.

И тогда, превозмогая ужас перед бесконечностью темноты, которую уже ничто не могло прервать, Гэль заговорил, посылая свой голос в вечнозеленые лабиринты королевских садов и твердо зная, что пока он говорит, ни один джасперианин не двинется в погоню; а когда силы его иссякнут и он замолчит, многие еще подумают, стоит ли догонять беглецов… И он говорил:

— Братья мои, с вами говорю я, Гаррэль, младший сын Элей, умирающий в темноте. Слушайте меня, ибо я открою вам тайну крэгов. Люди зеленого Джаспера! Когда-то ваши предки были свободны, могучи и мудры, повелевая мирами и крэгами… Но несчастье обрушилось на нашу планету, и вместо того, чтобы бороться с ним, вы предпочли стать рабами крэгов и дарить им целые планеты в награду за собственное рабство. Сейчас, хотите вы этого или нет, владычеству крэгов приходит конец. Жаль, что не своими руками добьемся мы этого… Но хотя бы помогите отважным людям с далекой звезды, которую вы называете Чакра Кентавра, а следует называть — Солнце… Один из них уже отдал свою жизнь за то, чтобы вы стали свободными.

Он услышал у себя над головой свист расправленных крыльев и понял, что крэги пытаются разглядеть его в туманной темноте. Как только луна поднимется над маком Иссабаста и ее лучи осветят тело, неспособное даже уползти в тень, они растерзают его — так же, как у него на глазах расправились с Юханом.

И все-таки он продолжал:

— Братья мои! Перестаньте быть рабами, носящими пышные

титулы. Вспомните и поймите, что вы — не эрлы и графы, таны и принцы, а инженеры и ученые, вычислители и врачи, биологи и астронавигаторы. Это поможет вам преодолеть слепоту, даже если крэги снова предадут вас. Но не бойтесь за своих детей, не бойтесь за будущее Джаспера: ведь тайна крэгов в том и состоит, что все дети рождаются зрячими! Они приходят в мир, чтобы видеть его собственными глазами, и только…

Страшный удар обрушился на его голову — аметистовый крэг, сложив крылья, камнем упал на его голос, рискуя разбиться о плиты Звездной гавани.

Но он не промахнулся.

Несколько секунд они еще жили — то, что осталось от человека, и то, что недавно было сиреневой птицей.

Затем человеческого дыханья не стало слышно. Опередил его крэг или отстал на несколько мгновений — никто не смог бы сказать.

Ведь крэги не дышат.

— Мы ушли на достаточное расстояние? — спросил Юрг, прижимаясь лбом к черному иллюминатору, занимавшему всю середину пола.

Незнакомые созвездия роились под ним, очаровывая и пугая своей реальностью.

— Мы никогда не уйдем достаточно далеко, — отвечала мона Сэниа, полулежавшая рядом с ним на подушках и поддерживавшая одной рукой забинтованную голову. — Мы уже в твоем созвездии, но нас могут догнать и здесь, ведь для перехода через ничто расстояний не существует. Я и так не понимаю, что сдерживает погоню… В любую секунду они могут начать выныривать прямо здесь, в центральной каюте корабля.

— А почему не в малых?..

— Какой ты недогадливый! Там слишком тесно, можно при выходе совместиться с другим человеком или предметом. А здесь вон сколько простора. Любой джасперианин может отчетливо представить себе эту каюту, а ничего другого и не требуется…

— А мы можем оставить этот сектор здесь и двигаться дальше без него — соединив в кольцо остальные корабли? Один-то из них, кстати, все равно пуст!

Она смотрела на него округлившимися от изумления глазами. Потом стремительно вскочила на ноги:

— Черные дали! Что значит консервативность мышленья… Мне и в голову это не пришло. Скорее в каюту Гэля!

Она бросилась вон из шатровой каюты, увлекая за собой Юрга. Короткий приказ, легкое покачивание пола под ногами,

кажущееся таянье стен, становящихся прозрачными — и внезапно Юрг увидел себя внутри одного из девяти золотистых мыльных пузырей, прилепившихся друг к другу и замыкающихся в сказочное кольцо.

А чуть левее и ниже призрачно светился такой знакомый, причудливо расписанный нежными перламутровыми красками шарик — его Земля.

— Теперь мы можем не спешить, — проговорила мона Сэниа смертельно усталым голосом. — Те, кто попытаются нас догнать, очутятся в пустом яйце, висящем за сотни миллионов миль отсюда. Смотри и выбирай, куда ты хочешь спуститься, командор. Мы у цели…

Голрс ее дрогнул и прервался. Благодаря счастливой выдумке Юрга можно было теперь не опасаться погони. И непомерной для узеньких женских плеч тяжестью навалилось на Сэнни воспоминание о тех, кому уже никогда не суждено было этой цели достигнуть.

Сначала — Асмур, затем — Юхан, теперь вот — Гэль.

Юрг смотрел на хрупкую фигурку жены, прижавшуюся к золотистой прозрачной стене. Нет, не новую диковинную планету разглядывала Сэнни — она просто прятала свои слезы: каким бы ни был повод для горести, принцесса Джаспера не могла плакать при посторонних. И спуститься вниз вот такой, истерзанной горечью воспоминаний, она тоже не могла, потому и просила не спешить. Он угадал, он каждой клеточкой своего тела почувствовал остроту ее скорби и невольно вспомнил ту счастливую ночь, когда они спорили: на Земле или на Джаспере любят сильнее…

Горе утраты — оборотная сторона любви.

Он бесшумно приблизился и осторожно снял с ее плеч пестрое живое покрывало.

— Будь другом, Кукушонок, — попросил он, — присмотри за Юхани.

Кукушонок послушно скользнул в угол, где на свернутом плаще безмятежно сосал палец наследник двух планет, и опустился в изголовьи, заботливо оглядывая младенца, но не касаясь его даже кончиками перьев.

Сэнни не обернулась, продолжая невидящим взглядом смотреть туда, где мягким светом сияла Земля. Юрг наклонился и бережно обнял жену, словно укутывая и пряча ее от всей Вселенной. Прижался щекой к ее теплым волосам — и все-таки не удержался, поверх ее головы засмотрелся на пышный ковер каракумского разнотравья.

— Мы не будем торопиться, Сэнни, маленькая моя, —

зашептал он, чувствуя, как под его губами шевелятся, точно живые, прядки ее волос. — Мы дождемся вечера и тихо опустимся на сказочную равнину, которая когда-то была пустыней, а теперь зеленее и душистее самого Джаспера… Хорошо?

— Да, — еле слышно донеслось до него. — Да…

— Красноногие аисты, заночевавшие здесь на своем пути к северу, будут при виде нас закидывать головы на спину и щелкать клювами… Но ты их не бойся.

— Нет, — отвечала Сэнни. — Нет…

— А потом подойдут джейраны, хлебца попросить, только вот у нас нет человеческого хлеба — но не беда, правда?

— Правда, — соглашалась она. — Правда…

— А потом за нами прилетят, — говорил он, радуясь, что стихает горестная дрожь, бившая ее маленькое тело. — За нами прилетят, и мы увидим Землю совсем вблизи, если, конечно, облака не помешают — ишь, ползут с юга, точно белая мохнатая шкура…

— Я думала, это снег…

— Нет, это низкие облака, они к вечеру…

Он вдруг осекся — горло перехватило.

— Откуда ты знаешь — про облака?

Она не ответила.

— Ты… видишь?

Голова под его щекой едва уловимо дрогнула в коротком кивке.

— И только тогда, когда я вот так — с тобой?

Снова тихий кивок.

Он должен был ощутить буйную радость, а вместо этого его охватил цепенящий ужас.

И отвращение — к себе самому.

— Значит, — проговорил он, едва ли не заикаясь, — я для тебя — все разно что…

Он не мог даже произнести этого слова.

И тут странный, прерывистый звук, напоминающий клекот орленка, донесся из угла. Юрг в недоумении обернулся и вдруг понял, что впервые в жизни — а может быть, и вообще в истории Джаспера — они слышат, как смеется крэг.

— Сэнни, — прошептал он, обхватывая голову руками и садясь на пол. — Сэнни и ты, Кукушонок, простите меня, дурака…

Она порывисто повернулась и гибким, точным движением опустилась на колени рядом с нилд.

— Как же ты сам не догадался, муж мой, — проговорила она, и Юрг подумал о том, сколько же дней и месяцев он не слышал,

чтобы у нее был такой счастливый голос. — Как же ты сам не понял, что иначе и быть не может! У нас ведь теперь все на двоих: и сын, и зрение, и неразделимость самой жизни…